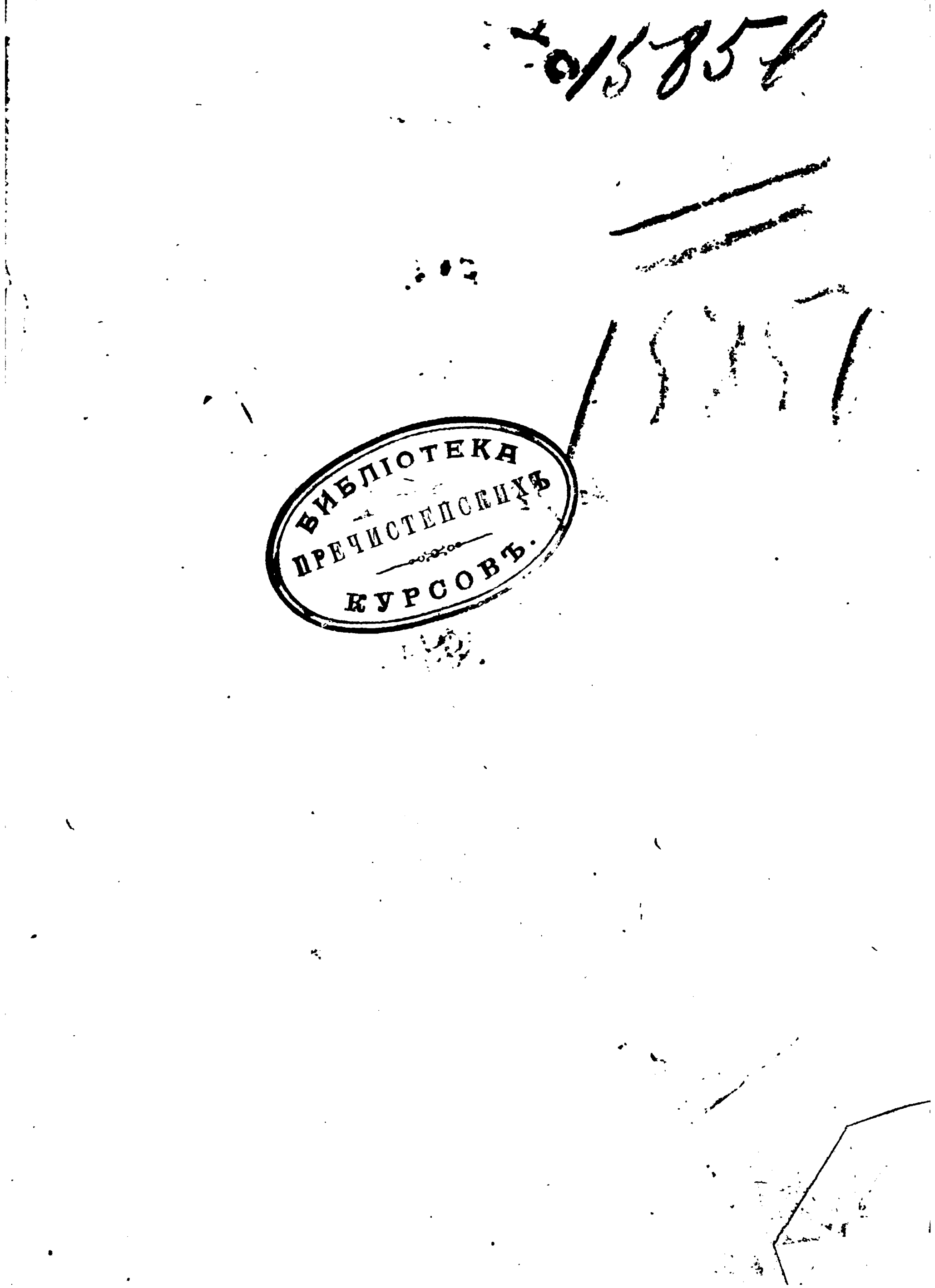
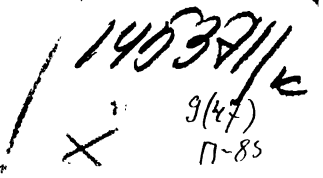

A 898,303

Библіотека очень проситъ бережнѣе обращаться съ книгами.

Книги портятся отъ сырости (если кладутъ книгу на мокрый столъ, выносятъ на улицу незавернутой въ сырую погоду), отъ грязи (перелистываютъ книгу невымытыми руками, кладутъ рядомъ съ обѣденной посудой, и т. п.). Очень портится книга, если ее перегибаютъ (крышка съ крышкой) или кладутъ раскрытой на столъ переплетомъ вверхъ, если закладываютъ книгу карандашомъ, спичкой если загибаютъ углы страницъ, и т. д.

А. С. Пругавинъ.

ГОЛОДАЮЩЕЕ КРЕСТЬЯНСТВО.

Очерки голодовки 1898-99 года.

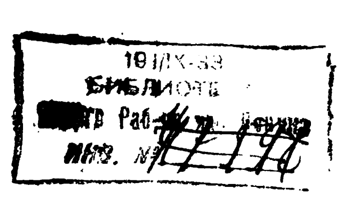
> Въ мірѣ есть царь. Этотъ царь безпощаденъ.
> Голодъ—названье ему.
>
> Некрасовъ.

Изданіе „ПОСРЕДНИКА".

CXXXVI.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко. Пименовская ул., с. д.
Москва—1906.

БИБЛИОТЕ

Посвящается всѣмъ работавшимъ на голодѣ 1898-99 года.

Отъ автора.

Теперь, когда Россія находится *наканунѣ* крупныхъ и коренныхъ реформъ, имѣющихъ цѣлью переустройство нашего государственнаго и общественнаго механизма, особенно полезно и поучительно оглянуться на тѣ условія, среди которыхъ еще недавно текла да и сейчасъ еще течетъ жизнь русскаго крестьянства, составляющаго огромный, подавляющій процентъ населенія Россіи.

Бѣдность, разореніе, нищета, безправіе, почти полный произволъ мѣстныхъ властей и глубокое вѣковое невѣжество—вотъ тѣ условія, которыя окружаютъ русскую деревню, русское село. Отсюда понятно, почему разныя бѣдствія, въ родѣ голодовокъ и эпидемій, то и дѣло поражаютъ наше крестьянство.

Въ книжкѣ, предлагаемой вниманію читателей, рѣчь идетъ о голодовкѣ 1898—99 года, тяжело поразившей цѣлый рядъ русскихъ хлѣбородныхъ губерній, особенно же наши восточныя губерніи: Казанскую, Самарскую, Симбир-

скую, Уфимскую, Саратовскую и т. д. Исторія этой голодовки, безъ сомнѣнія, является однимъ изъ самыхъ характерныхъ эпизодовъ, ярко рисующихъ отношеніе къ народнымъ бѣдствіямъ нашихъ бюрократическихъ круговъ.

Мѣстные земскіе люди, живущіе въ деревнѣ и пострадавшіе въ 1898 году вмѣстѣ съ крестьянами отъ неурожая хлѣбовъ и травъ, прекрасно, конечно, видѣли тѣ неизбѣжныя послѣдствія, которыя неминуемо долженъ былъ повлечь за собою этотъ неурожай для деревни, давно уже обѣднѣвшей и разоренной. Не теряя ни минуты времени, земство поспѣшило выяснить размѣры народной нужды и сдѣлало всѣ расчеты для опредѣленія той помощи, которую необходимо было оказать возможно скорѣе населенію, оставшемуся безъ хлѣба, безъ овощей, безъ травъ и безъ кормовъ.

Но связанное по рукамъ и ногамъ администраціей, земство лишено было всякой возможности предпринимать самостоятельно какія-нибудь мѣры на пользу пострадавшаго населенія безъ разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подлежащихъ властей и учрежденій. А эти власти, начиная отъ губернской администраціи и продолжая Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, проявили совершенно иное отношеніе къ вопросу о помощи народу, и всѣ ходатай-

ства земства по этому поводу встрѣчены были съ явнымъ и полнымъ недовѣріемъ.

Прямымъ результатомъ такого положенія дѣлъ явилось то, что голодовка,—которая въ значительной степени могла быть предупреждена,—съ страшной силой разразилась надъ крестьянскимъ населеніемъ названныхъ нами губерній. Появились болѣзни и эпидеміи, неизбѣжныя спутники голода,—особенно цынга и тифъ. Чтобы представить себѣ тѣ размѣры, которыхъ достигло бѣдствіе, достаточно напомнить, что число больныхъ цынгою только въ трехъ губерніяхъ: Самарской, Казанской и Симбирской, доходило до 100.000 человѣкъ!..

Голодовка 1898—99 года застала пишущаго эти строки въ городѣ Самарѣ, который, въ силу своего географическаго положенія, являлся естественнымъ центромъ района, наиболѣе пострадавшаго отъ неурожая. Въ то время я состоялъ на службѣ самарскаго губернскаго земства въ качествѣ представителя «третьяго элемента».

Благодаря имѣвшимся въ моемъ распоряженіи свѣдѣніямъ, я получилъ возможность указать въ періодической печати на первыя проявленія, на первые признаки надвигавшагося народнаго бѣдствія. Опубликованныя мною и другими лицами свѣдѣнія обратили на себя вниманіе не только печати, но и общества, изъ среды ко-

тораго множество людей самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній горячо отозвались на призывъ и поспѣшили придти на помощь голодающему населенію.

Однако частная инициатива въ дѣлѣ помощи народу встрѣчена была администраціей еще болѣе недовѣрчиво и враждебно, чѣмъ дѣятельность земства. Губернскія власти, всегда и систематически тормозившія всякое сближеніе интеллигенціи съ народомъ, и на этотъ разъ отнюдь не измѣнили своей политикѣ.

Лица, отправлявшіяся въ мѣстности, пострадавшія отъ неурожая для устройства столовыхъ и оказанія другихъ видовъ помощи голодающимъ, подвергались со стороны мѣстныхъ властей разнаго рода стѣсненіямъ. За ними учреждался строгій надзоръ полиціи, слѣдившей за каждымъ ихъ шагомъ. Нерѣдко эти стѣсненія принимали такія грубыя и назойливыя формы, что вынуждали людей, работавшихъ надъ оказаніемъ помощи голодавшему населенію, бросать—скрѣпя сердце—дѣло, надъ которымъ они безкорыстно и самоотверженно трудились, и—уходить...

За время моего участія въ дѣлѣ организаціи помощи населенію Самарской губерніи, пострадавшему отъ неурожая, въ моихъ рукахъ скопилось много цѣнныхъ и представляющихъ зна-

чительный общественный интересъ свѣдѣній и данныхъ, рисующихъ отношеніе къ голодовкѣ административныхъ круговъ, а также общественныхъ учрежденій и, наконецъ, различныхъ слоевъ русскаго общества, народа и печати. Многіе изъ нашихъ лучшихъ писателей приняли самое горячее и сердечное участіе въ дѣлѣ помощи голодавшему населенію и дѣлали со своей стороны все возможное для привлеченія людей, средствъ и пожертвованій для этой цѣли. Между прочимъ у меня сохраняется много чрезвычайно интересныхъ писемъ, полученныхъ мною за время голодовки отъ Л. Н. Толстого, Ант. П. Чехова, В. Г. Короленко и многихъ другихъ представителей нашей литературы. Къ сожалѣнію, разныя причины до сихъ поръ мѣшали намъ использовать весь этотъ матеріалъ.

На первый разъ мы предлагаемъ вниманію читателей лишь нѣсколько очерковъ изъ эпохи голодовки 1898—99 года. Очерки эти раньше печатались въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»; затѣмъ одинъ изъ нихъ былъ помѣщенъ въ журналѣ «Образованіе» и одинъ—въ «Вѣстникѣ Европы». Въ настоящее время, благодаря измѣнившимся цензурнымъ условіямъ, очерки эти появляются въ болѣе полномъ видѣ, безъ вынужденныхъ сокращеній и урѣзокъ.

С.-Петербургъ,
25 августа 1905 г.

Поѣздка по голоднымъ и цынготнымъ мѣстамъ.

О, Боже, зачѣмъ это дорогъ такъ
хлѣбъ,
Такъ дешевы тѣло и кровь?
Томасъ Гудъ.

I.

Наканунѣ Пасхи.

Приближалась Пасха... Изъ разныхъ уѣздовъ Самарской губерніи продолжали получаться печальныя вѣсти, свидѣтельствовавшія объ усиленіи цынги въ мѣстностяхъ, наиболѣе пораженныхъ неурожаемъ. Особенно тревожный характеръ носили извѣстія, шедшія изъ Ставропольскаго и прилегающей къ нему сѣверной части Самарскаго уѣздовъ.

Я рѣшилъ воспользоваться пасхальными праздниками, чтобы посѣтить мѣстности, въ которыхъ цынга свирѣпствовала съ особенной силой. Такъ какъ въ то же самое время и въ тѣ же самыя мѣста собирался ѣхать завѣдующій санитарнымъ бюро самарскаго губернскаго земства докторъ М. М. Гранъ, то мы и рѣшили ѣхать вмѣстѣ, при чемъ днемъ выѣзда изъ Самары назначили Страстную пятницу.

Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Въ пятницу, какъ нарочно, вдругъ скопилась цѣлая

куча спѣшныхъ, неотложныхъ дѣлъ: получились банковые переводы на крупныя суммы въ пользу голодающихъ, которыя необходимо было тотчасъ же получить; пріѣхали новые „сотрудники" по устройству столовыхъ, которыхъ нужно было направить въ уѣзды; далѣе необходимо было отвѣтить на спѣшныя телеграммы и письма и т. д. По необходимости пришлось отложить выѣздъ до субботы.

— Это не бѣда, — успокаивалъ меня докторъ Гранъ,—нашъ планъ отъ этого не измѣнится. Завтра, въ субботу, въ девять часовъ утра, идетъ купеческій *) пароходъ. Онъ доставитъ насъ въ Ставрополь къ двумъ или тремъ часамъ дня. Въ Ставрополѣ намъ будетъ достаточно пробыть часа три; повидаемся со всѣми нужными намъ людьми и затѣмъ часовъ въ шесть мы выѣдемъ въ Бритовку, которая страшно пострадала отъ голодовки: тамъ масса больныхъ. Слѣдовательно, къ восьми часамъ вечера мы будемъ въ Бритовкѣ, гдѣ и встрѣтимъ Пасху.

— Среди голодныхъ и цынготныхъ,—замѣтилъ я.

— Согласитесь, что это гораздо лучше, чѣмъ среди визитовъ, поздравленій, куличей и прочихъ городскихъ пасхальныхъ атрибутовъ.

— О, разумѣется...

Меня давно уже занимала и волновала мысль о томъ, чтобы встрѣтить и провести Пасху среди той отчаянной нужды, о которой такъ много приходилось слышать за послѣднее время, среди людей, опухшихъ отъ голода, заживо гніющихъ отъ цынги, среди людей, которые тщетно ждутъ помощи и облегченія.

---

*) Такъ обыкновенно называются въ Поволжьѣ пароходы, принадлежащіе Обществу «Купеческаго пароходства по Волгѣ».

Я надѣялся хотя сколько-нибудь помочь этимъ людямъ, хотя чѣмъ-нибудь облегчить ихъ страданія: я везъ съ собою деньги, бѣлье и платье, присланныя разными лицами и учрежденіями въ мое распоряженіе для раздачи голодающимъ...

Раздается звонокъ, и въ комнату входитъ молодая особа, одѣтая по-дорожному.

— Вы г. П.?—спрашиваетъ она, обращаясь ко мнѣ.

— Да,—отвѣчаю я,—чѣмъ могу служить?

— Я пріѣхала къ вамъ изъ Москвы, чтобы предложить свои услуги по устройству столовыхъ, по уходу за больными. Меня направилъ къ вамъ профессоръ Н. И. Стороженко. Онъ просилъ передать вамъ это письмо.

Распечатываю письмо и нахожу въ немъ, между прочимъ, слѣдующія строки: „Письмо это передастъ вамъ моя хорошая знакомая, т-ская учительница А. И. А—ва, которая хочетъ своимъ трудомъ помочь нашему общерусскому горю. Будьте такъ добры, направьте ее туда, гдѣ ощущается наиболѣе нужда въ людяхъ толковыхъ, энергичныхъ и преданныхъ дѣлу, и я ручаюсь, что она оправдаетъ ваше довѣріе и мою рекомендацію“.

— Вы пріѣхали очень кстати,—говорю я г-жѣ А—вой.—Намъ очень нужны люди интеллигентные, готовые лично поработать на пользу народа... Къ тому же я такъ уважаю и люблю Николая Ильича Стороженко, что готовъ съ особеннымъ удовольствіемъ исполнить его желаніе... Скажите, пожалуйста, вы хотите работать непремѣнно отъ самарскаго частнаго кружка или же, можетъ-быть, отъ Краснаго Креста?—спросилъ я.

— Это мнѣ рѣшительно все равно,—сказала г-жа

А—ва.—Я хочу по мѣрѣ силъ быть полезной голоднымъ, больнымъ, цынготнымъ,—и больше ничего. Пошлите меня туда, гдѣ нужда острѣе, гдѣ сильнѣе болѣзни. Я не боюсь ни тифа, ни цынги... Повѣрьте, я не боюсь никакихъ лишеній, никакого труда...

Какъ часто мнѣ приходилось слышать подобныя заявленія за послѣднее время! И все-таки я не могъ слышать ихъ, не испытывая глубокаго душевнаго волненія: такой захватывающей искренностью звучали эти рѣчи, такъ много въ нихъ слышалось неподдѣльной готовности жертвовать своимъ покоемъ, своимъ временемъ, своимъ здоровьемъ, а подчасъ и жизнью во имя гуманной, великой идеи служенія народу.

Многія изъ лицъ, пріѣзжавшихъ сюда, въ Самарскую губернію, „на голодъ", опасаясь, чтобы услуги ихъ не были отвергнуты, старались запастись рекомендательными письмами отъ извѣстныхъ писателей, профессоровъ и т. п. Такъ, напримѣръ, нѣсколько человѣкъ пріѣхало съ письмами отъ графа Л. Н. Толстого, другіе — отъ Н. И. Стороженко, В. Е. Якушкина, Н. И. Тимковскаго, А. М. Пѣшкова (Максима Горькаго), И. И. Горбунова-Посадова, А. М. Калмыковой, профессора Шмурло и другихъ лицъ.

Всѣ пріѣзжавшіе къ намъ на помощь обыкновенно назывались здѣсь „сотрудниками" и „сотрудницами". Одни изъ нихъ выражали желаніе работать отъ самарскаго частнаго кружка, другіе—отъ Общества Краснаго Креста и, наконецъ, третьи—отъ самарскаго губернскаго земства. Когда-нибудь я подробно разскажу о дѣятельности этихъ лицъ, объ

ихъ великодушныхъ и самоотверженныхъ порывахъ и о тѣхъ препятствіяхъ, которыя встрѣчали они со стороны мѣстной администраціи, относившейся къ ихъ благороднымъ стремленіямъ почему-то съ явной враждой и подозрѣніемъ.

Я посовѣтовался съ докторомъ Граномъ, какъ лучше и скорѣе устроить новую сотрудницу.

— Мы постараемся назначить васъ добровольной сестрой милосердія въ Ставропольскій уѣздъ,—сказалъ онъ г-жѣ А—вой.—Я сейчасъ буду видѣть уполномоченнаго Краснаго Креста С. В. Александровскаго и устрою это дѣло. А завтра утромъ, если вамъ угодно, вы можете вмѣстѣ съ нами выѣхать въ Ставрополь.

На этомъ мы и порѣшили.

Утромъ въ субботу оказалось, что купеческій пароходъ „Витязь", на которомъ мы намѣревались ѣхать, пойдетъ не въ девять часовъ, какъ слѣдовало по расписанію, а лишь въ 12 часовъ дня.

Извѣстіе это до крайности огорчило насъ, такъ какъ являлось опасеніе, что мы не поспѣемъ въ Бритовку къ пасхальной заутрени. А намъ именно хотѣлось встрѣтить Пасху въ этомъ селѣ, такъ какъ было извѣстно, что населеніе Бритовки до крайности удручено нуждой и цынгой.

Капитанъ „Витязя", молодой человѣкъ, типичный волгарь, веселый и жизнерадостный, утѣшалъ насъ:

— Если намъ удастся пріѣхать въ Ставрополь часовъ въ 6, то вы можете еще успѣть доѣхать до Бритовки часамъ къ 10-ти вечера.

— А довезете ли вы насъ къ 6-ти часамъ до Ставрополя?

— Говоря откровенно, за это поручиться трудно,— признавался капитанъ.—Смотрите, какъ нынѣ разлилась Волга. Давно уже не запомнятъ такой большой воды. Теченіе страшно быстрое, особенно въ Жигуляхъ. А вѣдь намъ противъ теченія.

Все это, конечно, очень мало успокаивало насъ. Но дѣлать было нечего—приходилось по необходимости мириться, такъ какъ выбора не было.

II.

На Волгѣ.

Въ половинѣ 12-го мы были уже на „Витязѣ“. Желая воспользоваться тѣмъ получасомъ, который оставался до отхода парохода, я досталъ изъ чемодана бюваръ и расположился на одномъ изъ столиковъ залы перваго класса, чтобы написать нѣсколько писемъ и телеграммъ. Но не успѣлъ я написать нѣсколько строкъ, какъ послышалось бряцаніе шпоръ, и въ залу вошелъ легкой, молодцоватой походкой уполномоченный Краснаго Креста по Самарской и Уфимской губерніямъ штабсъ-ротмистръ кавалергардскаго полка С. В. Александровскій. Узнавши, что мы направляемся въ мѣстности, въ которыхъ работаютъ отряды Краснаго Креста, онъ пожелалъ повидаться съ нами.

Понятно, что разговоръ все время шелъ о голодѣ и цынгѣ. Пользуясь присутствіемъ г. Александровскаго и д-ра Грана, я хотѣлъ выяснить хотя приблизительную цифру больныхъ цынгою въ Самарской губерніи.

— Опредѣлить болѣе или менѣе точно число цынготныхъ больныхъ въ настоящее время крайне трудно,—сказалъ д-ръ Гранъ.—Во всякомъ случаѣ ихъ слѣдуетъ считать не менѣе 10.000—11.000 человѣкъ.

— О, я убѣжденъ, что ихъ значительно болѣе,— возразилъ уполномоченный Краснаго Креста.—И что всего печальнѣе, — продолжалъ онъ, — такъ это то, что въ послѣднее время цынга весьма сильно увеличивается. Не дальше какъ за послѣдніе три-четыре дня я получилъ телеграммы и сообщенія о 2.000 новыхъ заболѣваній цынгою.

Разспрашивая насъ о нашемъ маршрутѣ, г. Александровскій совѣтовалъ намъ непремѣнно посѣтить село Филипповку Ставропольскаго уѣзда, въ которой были устроены Краснымъ Крестомъ первыя по времени больнички для цынготныхъ. По образцу филипповскихъ больничекъ впослѣдствіи Краснымъ Крестомъ устраивались больнички и въ цѣломъ рядѣ другихъ селеній. Благодаря этому Филипповка получила большую извѣстность въ Самарской губерніи, при чемъ ее нерѣдко величали „цынготной академіей“.

— А въ Бритовкѣ я совѣтую вамъ побывать у сестеръ милосердія, которыя тамъ работаютъ,—продолжалъ уполномоченный Краснаго Креста... Это— замѣчательно дѣятельныя сестры, изъ которыхъ одна уже не въ первый разъ на цынгѣ... На третій день праздниковъ я также надѣюсь выѣхать въ Ставропольскій уѣздъ. Навѣрное, мы встрѣтимся гдѣ-нибудь.

Третій звонокъ заставилъ г. Александровскаго покинуть пароходъ. Онъ ушелъ, и я снова остался вдвоемъ со своимъ спутникомъ, докторомъ Граномъ. Пользуясь этимъ, позволяю себѣ познакомить съ нимъ своихъ читателей и кстати сказать нѣсколько словъ о томъ учрежденіи, представителемъ котораго онъ являлся и о которомъ мнѣ часто придется упоминать въ этихъ очеркахъ.

Санитарное бюро при самарской губернской земской управѣ, въ качествѣ постояннаго учрежденія, возникло лишь въ 1897 году. Несмотря однако на столь недавнее возникновеніе, „бюро" принесло уже несомнѣнную, вполнѣ осязательную пользу мѣстной земской медицинѣ, оказавъ на нее оживляющее и благотворное вліяніе. Оно закрѣпило связь между губернскою и уѣздною медициною, возбудило къ жизни губернскіе съѣзды врачей, устроило во многихъ мѣстностяхъ губерніи продовольственные пункты съ регистраціей пришлыхъ рабочихъ, организовало во многихъ селахъ ясли для крестьянскихъ дѣтей и выпустило цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ медико-санитарнаго характера; въ то же время оно не перестаетъ подготовлять матеріалы для капитальнаго и систематическаго изслѣдованія губерніи въ санитарномъ отношеніи.

Далѣе, санитарное бюро принимало весьма активное участіе въ борьбѣ съ разными эпидеміями, которыя въ послѣднее время особенно часто возникали въ Самарской губерніи и упорно держались, смѣняясь одна другой. Бюро всегда имѣло въ запасѣ извѣстный комплектъ врачей, фельдшерицъ, фельдшеровъ, которыхъ и направляло по первому требованію уѣздныхъ земскихъ управъ въ тѣ или другія мѣстности губерніи.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что реакціонная часть земскаго собранія, которая совершенно не выноситъ дѣятельности, преслѣдующей главнымъ образомъ интересы крестьянства, ненавидитъ санитарное бюро, ведетъ постоянный походъ противъ него, съ пѣной у рта критикуетъ каждый шагъ этого

полезнаго учрежденія и всячески старается тормозить его дальнѣйшее развитіе.

Главнымъ работникомъ санитарнаго бюро является докторъ Гранъ—живой и чрезвычайно дѣятельный врачъ, хорошо знакомый съ условіями постановки земской медицины. Успѣшному развитію дѣятельности санитарнаго бюро не мало способствовало и то обстоятельство, что оно все время находилось въ завѣдываніи лицъ, относившихся съ полнымъ сочувствіемъ къ молодому учрежденію, а именно: сначала этимъ бюро завѣдывалъ членъ губернской земской управы А. Н. Наумовъ—молодой, образованный человѣкъ воспитанникъ московскаго университета, а затѣмъ, когда онъ ушелъ изъ управы, бюро перешло въ завѣдываніе члена управы В. А. Племянникова—давнишняго, опытнаго и энергичнаго земскаго дѣятеля, очень много потрудившагося надъ развитіемъ земской медицины въ Самарской губерніи.

„Витязь" оказался маленькимъ, слабосильнымъ пароходомъ, который видимо съ огромнымъ трудомъ преодолѣвалъ встрѣчное теченіе. Медленно подвигались мы впередъ, медленно вырисовывались передъ нами окрестности Самары: дача Аннаева, когда-то дерзавшая конкурировать съ дачами южнаго берега Крыма, теперь совершенно обветшавшая, обратившаяся чуть не въ руину, живописная Барбашина поляна; „Коптевъ Врагъ" съ одиноко пріютившейся въ немъ лѣсной сторожкой, знаменитыя Жигулевскія ворота, которыя изъ Самары виднѣются, всегда подернутыя синей, таинственной дымкой.

Далѣе выплываетъ широкій, массивный Царевъ курганъ, а противъ него, чуть-чуть повыше, на противоположномъ берегу Волги, у самой воды, раски-

нулось село Ширяево. Затѣмъ на десятки верстъ потянулись Жигули,—прелестные, но совершенно пустынные, почти дикіе, сплошь заросшіе лѣсомъ. Это—имѣнія графа Орлова-Давыдова,—одного изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ Поволжья.

— Матушка Екатерина хорошо наградила Орлова-Давыдова,—замѣтилъ одинъ изъ пассажировъ, указывая на Жигули.

— А что?

— Да всю Самарскую Луку подарила ему за вѣрную службу и дружбу,—со всѣми лѣсами, лугами, полями, деревнями и угодьями... А крестьяне-то вокругъ на нищенскомъ надѣлѣ сидятъ!..

Аграрный вопросъ давно уже составляетъ больное мѣсто Поволжья. Въ послѣднее же время онъ съ каждымъ годомъ обостряется все болѣе и болѣе. Дальше мы постараемся подробнѣе остановиться на нѣкоторыхъ сторонахъ этого вопроса.

Въ обыкновенное время отъ Самары до Ставрополя считается четыре часа ходу. Но на этотъ разъ пароходъ тащился по-черепашьи, благодаря чему мы страшно запоздали въ дорогѣ. Къ тому же въ немъ оказались какія-то неисправности, которыя два раза заставляли насъ останавливаться.

III.

Въ Ставрополѣ.

Только въ десятомъ часу вечера мы добрались до Ставрополя. Темная ночь окутывала берегъ, скрывая расположенный на немъ городъ. На пристаняхъ, ютившихся вдоль берега, одиноко и уныло мигали фонари. По небу медленно ползли тяжелыя, дождевыя тучи, все плотнѣе и плотнѣе заволакивавшія горизонтъ.

Волей-неволей приходилось отказаться отъ мысли попасть къ заутрени въ Бритовку, тѣмъ болѣе, что намъ необходимо было остановиться въ Ставрополѣ хотя на нѣсколько часовъ, чтобы повидать кое-кого изъ мѣстныхъ земскихъ дѣятелей и членовъ самарскаго частнаго кружка, а кстати и осмотрѣть больницу для цынготныхъ. Такъ какъ все это возможно было сдѣлать только поутру, то поэтому, скрѣпя сердце, мы принуждены были переночевать въ Ставрополѣ.

— Гостиница здѣсь есть? — спрашивали мы, выбравшись на берегъ.

— Какъ же съ... вотъ сейчасъ на горѣ...

Беремъ извозчиковъ, укладываемъ вещи и минутъ черезъ десять входимъ по грязной деревянной лѣстницѣ въ вонючій коридоръ мѣстнаго отеля. Загля-

дываемъ въ номера — всюду грязь, пыль, затхлый, спертый воздухъ, пропитанный запахомъ клоповъ и отхожихъ мѣстъ. Перспектива провести ночь въ подобной клоакѣ представляется какимъ-то напраснымъ мучительствомъ.

Одинъ изъ извозчиковъ предлагаетъ остановиться у него въ домѣ. У него имѣются двѣ свободныя комнаты, въ которыхъ онъ и берется устроить на ночлегъ всѣхъ насъ, т.-е. г-жу А—ву, доктора и меня.

— У меня завсегда господа останавливаются,—говоритъ онъ.

— А клоповъ у тебя много?

— Клоповъ-то?—переспрашиваетъ, усмѣхаясь, извозчикъ.—А не знаю: они насъ не кусаютъ.

Рѣшаемъ принять предложеніе извозчика и направляемся къ нему по темнымъ улицамъ, только-что обсохшимъ послѣ весенней грязи. Виднѣвшіеся во многихъ домахъ огоньки одни только нарушали тьму кромѣшную, окутывавшую городъ. По улицамъ то и дѣло попадались группы людей, направлявшихся въ церкви, на которыхъ начинали уже зажигать иллюминацію. Нѣкоторые несли въ рукахъ куличи, пасхи и крашеныя яйца.

Домъ извозчика оказался обыкновеннымъ мѣщанскимъ домикомъ, состоящимъ изъ двухъ половинъ: передней, съ двумя „горницами“, и задней—большой избы, въ которой собственно и помѣщалась вся семья. Стѣны „горницъ“ были обиты грошевыми обоями и, должно полагать, обиты очень давно, такъ какъ были загрязнены съ верху до низу самымъ основательнымъ образомъ.

Въ одной изъ горницъ устраивается на ночлегъ г-жа А—ва, а въ другой—я съ докторомъ.

— Дай-ка намъ, братецъ, сѣна, мы здѣсь расположимся на полу,—говорю я хозяину.

Хозяинъ замялся.

— Признаться, сѣна-то, баринъ, мы уже давно не видали... Сами знаете, какое нонѣ сѣно.

— Можетъ-быть, солома есть?

— Солома-то есть,—какъ-то неувѣренно говоритъ извозчикъ.

— Тогда принеси, пожалуйста, соломы.

Извозчикъ скрывается и затѣмъ минутъ черезъ десять приноситъ крохотную охапку темной, короткой соломы и бережно кладетъ ее на полъ.

Мы невольно переглянулись: это было первое наглядное напоминаніе о неурожаѣ и безкормицѣ.

Несмотря однако на всѣ эти приготовленія, спать намъ все-таки почти совсѣмъ не пришлось, такъ какъ въ комнатѣ оказались цѣлыя полчища „легкой кавалеріи", которая, почуявъ добычу, повела на насъ ожесточенную атаку.

Рано поутру, поднявшись съ тощаго соломеннаго ложа, я попросилъ хозяина заложить лошадь, и такъ какъ для дѣловыхъ визитовъ время было еще слишкомъ раннее, то поѣхалъ взглянуть на городъ и сосновую рощу, благодаря которой Ставрополь издавна играетъ роль курорта.

Маленькій, захолустный городокъ, съ немощеными улицами, покрытыми сыпучимъ пескомъ, и большой пустынной площадью, самъ по себѣ не представляетъ ничего интереснаго. Но если чѣмъ можетъ похвалиться Ставрополь, такъ это, безъ сомнѣнія, красивымъ и здоровымъ мѣстоположеніемъ: съ одной стороны Волга и чудный видъ на Жигули, съ другой—прекрасный сосновый боръ, подходящій къ самому городу.

Благодаря такому прекрасному положенію города, и особенно сосновому бору, въ Ставрополь каждое лѣто съѣзжается съ разныхъ концовъ Россіи немало дачниковъ, преимущественно изъ числа людей съ слабыми или больными легкими. Наскоро сколоченныя, маленькія, дешевыя дачи, напоминающія собою лѣсныя сторожки, раскиданы по всей рощѣ. Очевидно, курортъ приспособленъ главнымъ образомъ для людей съ небольшими, ограниченными средствами.

Въ это время года,—на дворѣ стояло 18-е апрѣля,—роща выглядѣла очень запущенной и вообще имѣла видъ довольно неприглядный: сырая, только-что освободившаяся отъ снѣга земля сѣрѣла, покрытая слоемъ сухихъ прошлогоднихъ иглъ, около дачъ лежалъ мусоръ, неприбранный съ осени. Тѣмъ не менѣе чувствовалось уже, что достаточно нѣсколькихъ теплыхъ солнечныхъ деньковъ, чтобы повсюду вспыхнула свѣжая, яркая зелень и чтобы картина быстро измѣнилась.

Изъ рощи я поѣхалъ къ А. А. Дробышъ-Дробышевскому, который имѣетъ здѣсь дачу и садъ. Г. Дробышевскій болѣе десяти лѣтъ работаетъ въ поволжскихъ газетахъ, а также и въ нѣкоторыхъ столичныхъ изданіяхъ, подъ псевдонимомъ, пользующимся извѣстностью въ литературныхъ кружкахъ. Въ то время онъ завѣдывалъ редакціей „Самарской Газеты", прилагая съ своей стороны всѣ усилія для того, чтобы вести ее возможно болѣе прилично и порядочно. Живя постоянно въ Самарѣ, онъ каждый праздникъ пріѣзжалъ сюда, въ Ставрополь, чтобы поработать въ саду, который онъ любитъ не менѣе газеты.

Разговѣвшись по русскому обычаю ветчиной, „пасхой“ и куличемъ, мы перешли на чай, не переставая все время вести оживленную бесѣду на злобу дня.

— Неурожай нынѣшняго года,—говорилъ г. Дробышевскій,—поразилъ не только нашъ уѣздъ, но и городъ Ставрополь. Здѣшніе мѣщане, какъ и крестьяне Ставропольскаго уѣзда, живутъ почти исключительно одной землей. Мѣщане разводятъ въ большихъ размѣрахъ лукъ, сбытъ котораго здѣсь всегда обезпечивается Волгой. Это — ихъ главный, почти единственный источникъ существованія. Въ нынѣшнемъ году былъ полнѣйшій неурожай какъ хлѣбовъ, такъ и овощей. Не родился и лукъ. Благодаря этому наши мѣщане съ осени же начали терпѣть страшную нужду, которая постепенно росла. Положеніе ихъ тѣмъ болѣе печально, что къ нимъ на помощь не приходитъ ни земство, ни казна. Теперь, съ открытіемъ навигаціи, извѣстная часть мѣщанъ найдетъ, конечно, работу на Волгѣ, но въ теченіе всей зимы у нихъ не было никакихъ заработковъ. Понятно, что имъ приходилось страшно бѣдствовать; нищенство развелось въ городѣ до послѣдней степени...

— Какъ жаль, что о подобныхъ фактахъ слишкомъ мало писалось въ мѣстныхъ изданіяхъ,—замѣтилъ я.

— Въ этомъ, конечно, менѣе всего виноваты сами мѣстныя изданія,—возразилъ г. Дробышевскій.—Мы не только не могли печатать то, что намъ присылалось лицами, живущими въ уѣздахъ Самарской губерніи и лично наблюдавшими положеніе населенія,—мы лишены были возможности даже перепечатывать изъ столичныхъ изданій то, что касалось Самарской губерніи. Долгое время слова „голодъ“, „голодающіе“, а потомъ слово „цынга“ подвергались

систематическому вычеркиванію и ни подъ какимъ видомъ не допускались на страницахъ „Самарской Газеты". Дѣло дошло до того, что когда для борьбы съ цынгою и для ухаживанія за цынготными больными понадобились фельшерицы и хожалки, то даже мѣстный врачебный инспекторъ, дѣлая вызовъ этихъ лицъ чрезъ объявленія въ мѣстныхъ изданіяхъ, не могъ напечатать, что эти лица нужны именно для борьбы съ цынгой, а долженъ былъ глухо и неопредѣленно сказать, что, молъ, „въ виду появившейся эпидеміи" и т. д. Понятно, что такая таинственность отнюдь не способствовала успокоенію жителей, а скорѣе, совершенно наоборотъ, вызвала среди нихъ немалую тревогу. Никто не подумалъ, что дѣло идетъ о цынгѣ, такъ какъ сильное развитіе этой болѣзни давнымъ-давно уже всѣмъ было хорошо извѣстно, и потому обыватели не могли допустить мысли, чтобы можно было скрывать цынгу, а порѣшили, что дѣло идетъ о появленіи новой, какой-нибудь другой, гораздо болѣе грозной и страшной эпидеміи. И вотъ начались догадки: „что же это за эпидемія, которую не рѣшаются даже назвать по имени; ужъ не чума ли, о которой еще недавно такъ много говорилось и писалось?.."

Такимъ образомъ администрація, стѣсняя печать, лишая ее возможности говорить о голодѣ и эпидеміяхъ, способствовала лишь усиленію въ обществѣ и въ народѣ тревоги, доходившей по временамъ даже до паники. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что цензоромъ „Самарской Газеты" въ то время былъ не кто иной, какъ мѣстный вице-губернаторъ г. Кондоиди, объ отношеніи котораго къ голоду мнѣ придется далѣе говорить болѣе подробно.

Заручившись отъ г. Дробышевскаго нѣкоторыми необходимыми свѣдѣніями, я поспѣшилъ на почту, чтобы отправить телеграммы и письма.

Захожу въ почтовую контору и застаю тамъ двухъ-трехъ чиновниковъ въ мундирахъ съ бѣлыми пуговицами и желтыми кантами.

— Могу я отправить телеграммы и заказныя письма?

— Телеграммы мы примемъ, но писемъ отправить сегодня нельзя.

— Слѣдовательно—завтра?

— И завтра нельзя.

— Въ такомъ случаѣ, когда же они пойдутъ?

— Послѣзавтра, во вторникъ.

— Ахъ, Боже мой! Что же мнѣ дѣлать? Это очень спѣшныя, важныя письма... Не можете ли вы сдѣлать исключеніе — принять отъ меня эти письма сегодня же: я здѣсь проѣздомъ и черезъ часъ уѣзжаю въ уѣздъ, въ самую глушь, гдѣ, быть-можетъ, цѣлую недѣлю не встрѣчу почтоваго отдѣленія.

Я вижу, какъ лицо чиновника, который велъ со мной бесѣду, начинаетъ омрачаться.

— Нѣтъ, этого нельзя, — сухо говоритъ онъ, — сегодня нѣтъ пріема... Долженъ же быть и намъ когда-нибудь праздникъ.

— О, разумѣется! — соглашаюсь я. — Но будьте добры, войдите въ мое положеніе. Разъ вы уже здѣсь, такъ сказать на службѣ, на работѣ, то почему бы вамъ не принять отъ меня моихъ писемъ? Вѣдь это дѣло пяти минутъ.

Мои настоянія производятъ, повидимому, непріятное впечатлѣніе на чиновника.

— Странное дѣло,—съ явнымъ раздраженіемъ говоритъ онъ:—для всѣхъ людей на свѣтѣ есть празд-

ники, только для почтовыхъ чиновниковъ ихъ нѣтъ.. Но вѣдь почтовые чиновники такіе же люди... Для нихъ также необходимъ отдыхъ. Вѣдь ни одинъ человѣкъ не можетъ жить безъ отдыха.

Я охотно и вполнѣ искренно соглашаюсь съ своимъ собесѣдникомъ. Конечно, онъ совершенно правъ: человѣкъ не можетъ жить безъ отдыха. Но... человѣкъ не можетъ жить и безъ хлѣба... А между тѣмъ, какъ многіе теперь не имѣютъ этого хлѣба! И даже сейчасъ, въ этотъ великій праздникъ, когда самый послѣдній бѣднякъ старается чѣмъ-нибудь скрасить свое тяжелое существованіе, старается на послѣдніе гроши приготовить себѣ какую-нибудь „пасху“, какой-нибудь куличъ или десятокъ красныхъ яицъ, — множество людей, истощенныхъ, больныхъ, здѣсь же, рядомъ съ нами, рады коркѣ чернаго хлѣба безъ лебеды и жолудей...

И стоило мнѣ сказать лишь нѣсколько словъ на эту тему, какъ выраженіе лица чиновника начало мѣняться.

— Такъ вы... стало-быть... по этому дѣлу?... по голоду?—говоритъ онъ.

— Да, по этому дѣлу... и эти письма, которыя вы не хотите принять отъ меня, также по этому самому дѣлу—по голоду.

Я вижу, какъ хмурое, суровое выраженіе исчезаетъ съ лица моего собесѣдника. Онъ протягиваетъ руку, беретъ мои письма, наклоняется къ чиновнику, сидѣвшему за книгой, и что-то говоритъ ему. Тотъ киваетъ ему головой.

Чрезъ нѣсколько минутъ письма мои были приняты, записаны въ книгу, я получилъ квитанціи и, горячо поблагодаривъ этихъ добрыхъ людей, дружески разстался съ ними.

IV.

У доктора Хлѣбникова.

Зная, что въ Ставрополѣ Обществомъ Краснаго Креста, при дѣятельномъ участіи мѣстной интеллигенціи, устроена столовая для голодающихъ, я поинтересовался посмотрѣть ее. Бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ развѣвался надъ длиннымъ, неуклюжимъ зданіемъ казарменнаго типа, въ которомъ помѣщались столовая и пекарня. Къ сожалѣнію, я уже не засталъ обѣда, такъ какъ по случаю праздника онъ былъ устроенъ значительно ранѣе обыкновеннаго времени. Мнѣ удалось лишь узнать, что всего изъ этой столовой кормится около 400 человѣкъ. Кстати замѣчу, что населеніе Ставрополя не превышаетъ 6.000 человѣкъ *).

Изъ столовой я пѣшкомъ направился къ доктору Хлѣбникову, завѣдывавшему столовыми самарскаго частнаго кружка въ нѣсколькихъ селеніяхъ Ставропольскаго уѣзда.

Утро было ясное, съ синяго безоблачнаго неба обильно лились яркіе солнечные лучи; тѣмъ не менѣе въ весеннемъ воздухѣ, благодаря холодку, на-

---

*) По послѣдней переписи число жителей г. Ставрополя опредѣлено въ 5.974 челов. обоего пола.

вѣваемому сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, чувствовалась свѣжесть. Залитыя лучами солнца улицы захолустнаго городка, состоявшія изъ маленькихъ домиковъ съ садами и палисадниками, выглядѣли болѣе уютно. Съ колоколенъ церквей, не переставая ни на минуту, раздавался праздничный звонъ колоколовъ. По улицамъ разъѣзжали чиновники, дѣлавшіе визиты. На крыльцѣ деревяннаго въ три окна домика сидѣли два молодыхъ парня, здоровые и краснощекіе, съ подбритыми затылками, въ новыхъ пиджакахъ, въ сапогахъ со сборами, и щелкали сѣмечки съ самымъ беззаботнымъ видомъ.

„А гдѣ же голодъ?“ вдругъ припомнился мнѣ вопросъ, которымъ бывало задавался В. Г. Короленко во время своей поѣздки по Нижегородской губерніи въ голодовку 1892 года. По словамъ талантливаго беллетриста, съ этимъ вопросомъ къ нему то и дѣло обращались тогда „многіе умные люди, пріѣзжавшіе изъ столицъ и съ удивленіемъ замѣчавшіе, что, напримѣръ, въ Нижнемъ-Новгородѣ на улицахъ не было замѣтно никакихъ признаковъ, по которымъ можно было бы сразу догадаться, что это—центръ одной изъ голодающихъ губерній“ *).

„Не то же ли самое и здѣсь?“ невольно думалъ я, направляясь къ доктору Хлѣбникову. Какіе признаки голода могъ бы подмѣтить пріѣзжій со стороны наблюдатель, напримѣръ, на улицахъ г. Ставрополя, уѣздъ котораго, по общему мнѣнію, считается однимъ изъ самыхъ пострадавшихъ? Особенно теперь, въ этотъ праздникъ, когда вся нищета, вся голь,

*) „Въ голодный годъ“ В. Г. Короленко. Спб., 1894 г., стр. 2-я.

„Все то, что голодно и блѣдно,
Что ходитъ голову склоня",—

все это, очевидно, попряталось и притаилось по своимъ трущобамъ (въ которыя мы, пріѣзжіе люди, никогда, конечно, не заглянемъ), не рѣшаясь смущать своими грязными лохмотьями, своимъ жалкимъ убожествомъ праздничнаго настроенія людей, которыхъ не коснулись лишенія и горе, вызванныя неурожаями и голодовкой...

Докторъ Хлѣбниковъ—постоянный житель г. Ставрополя, гдѣ онъ давно уже занимаетъ должность земскаго врача и завѣдуетъ мѣстной земской больницей. Послѣ обычныхъ рекомендацій и привѣтствій разговоръ нашъ быстро перешелъ на злобу дня — цынгу.

— Въ моемъ участкѣ,—сказалъ г. Хлѣбниковъ,—считается сейчасъ болѣе 500 человѣкъ больныхъ цынгою.

— А какъ великъ вашъ участокъ?

— Онъ состоитъ изъ пяти волостей, съ населеніемъ приблизительно около 38.500 человѣкъ.

Я поинтересовался узнать, какъ именно распредѣляются больные цынгой по различнымъ селеніямъ его участка.

— Крайне неравномѣрно, — отвѣчалъ г. Хлѣбниковъ.—Всего болѣе цынготныхъ въ селѣ Бритовкѣ или Выселкахъ, гдѣ ихъ зарегистрировано 300 человѣкъ.

— Это въ одномъ селѣ?

— Да... Затѣмъ въ Мордовской Барковкѣ обнаружено около 80-ти человѣкъ больныхъ цынгою. Изъ числа этихъ 80-ти человѣкъ у половины, т.-е. у 40 человѣкъ, цынга выражена пока еще въ сла-

бой степени, но несомнѣнно, что болѣзнь эта неминуемо приметъ тяжелый характеръ, если только немедленно же не будутъ приняты извѣстныя мѣры... Затѣмъ въ Сенчелеевѣ—40 цынготныхъ, въ Соколкахъ или Верхнемъ Сенчелеевѣ — 80, въ Матюшкинѣ—30... Что касается отдѣльныхъ случаевъ цынги, то ихъ можно встрѣтить по всѣмъ селеніямъ.

— А въ самомъ городѣ есть больные цынгой?

— Главнымъ образомъ—пришлые изъ сосѣднихъ селъ. Въ послѣднее время цынготныхъ больныхъ, обращающихся за помощью въ нашу больницу, является все больше и больше, поэтому мы вынуждены были открыть особое отдѣленіе больницы для цынготныхъ, въ отдѣльномъ помѣщеніи, и пригласить для ухода за ними особую фельдшерицу.

— Можно будетъ посмотрѣть эту больницу?

— Разумѣется.

— А какія, по вашему мнѣнію, главнѣйшія причины, вызывающія цынгу?—спросилъ я.

— Прежде всего, конечно, недостатокъ питанія; затѣмъ большое вліяніе имѣетъ однообразіе пищи. Мнѣ извѣстны случаи, когда цынга обнаруживалась въ семьяхъ вполнѣ обезпеченныхъ, напримѣръ, въ семьѣ одного весьма зажиточнаго мельника. Въ этихъ случаяхъ о недостаткѣ пищи, а тѣмъ болѣе хлѣба, не можетъ быть и рѣчи; причина же подобныхъ заболѣваній лежитъ исключительно въ однообразіи пищи. Полный неурожай овощей, отсутствіе капусты—вотъ что имѣетъ рѣшающее значеніе въ этихъ случаяхъ. Особенно это наблюдается во время постовъ, когда выборъ питательныхъ веществъ у крестьянъ, и безъ того крайне ограниченный, еще болѣе суживается. Наконецъ, недостатокъ свѣжаго,

чистаго воздуха, недостатокъ движенія также весьма сильно способствуетъ развитію цынги.

— А какъ быстро вылѣчивается цынга? — спросилъ я.

— Все зависитъ, конечно, отъ степени болѣзни и отъ условій обстановки, которыя окружаютъ больного, главнымъ же образомъ — отъ питанія. Легкія, первоначальныя формы цынги при благопріятныхъ условіяхъ вылѣчиваются въ 2—3 недѣли настолько, что всякія внѣшнія проявленія цынги исчезаютъ безслѣдно. Но тяжелыя формы цынги требуютъ продолжительнаго лѣченія, не менѣе двухъ—трехъ мѣсяцевъ.

— Сколько сейчасъ столовыхъ отъ самарскаго частнаго кружка въ вашемъ завѣдываніи? — спросилъ я.

— Всего у меня теперь 27 столовыхъ отъ самарскаго кружка, при чемъ столовыя эти расположены въ 13-ти селеніяхъ моего участка.

Я попросилъ моего собесѣдника указать селенія, въ которыхъ ощущается особенно сильная нужда и въ которыхъ болѣе всего необходимо скорѣйшее открытіе новыхъ столовыхъ.

— Безъ сомнѣнія, больше всего нужды въ Бритовкѣ или Выселкахъ и затѣмъ въ Мордовской Барковкѣ. Въ Бритовкѣ частный кружокъ кормитъ теперь 400 человѣкъ дѣтей; кромѣ того, Краснымъ Крестомъ открыто тамъ шесть столовыхъ для цынготныхъ больныхъ. Въ Мордовской Барковкѣ Красный Крестъ устроилъ двѣ столовыя на 80 человѣкъ цынготныхъ больныхъ. Но этимъ далеко, конечно, не исчерпывается нужда въ этихъ селеніяхъ. Затѣмъ въ моемъ участкѣ крайне необходимо устроить сто-

ловыя во многихъ мелкихъ селеніяхъ, особенно же въ Матюшкинѣ, человѣкъ на 50, и въ Благовѣщенскомъ Сусканѣ на такое же приблизительно число. Въ Сенчелеевѣ мѣстный священникъ проситъ увеличить столовую до 100 человѣкъ.

— Я думаю, вы здѣсь совсѣмъ замучились со столовыми и цынготными,—замѣтилъ я.

— Достается-таки, нечего сказать, — признался г. Хлѣбниковъ.

Затѣмъ рѣчь зашла о нормахъ питанія, принятыхъ въ столовыхъ частнаго кружка и Краснаго Креста и о послѣдствіяхъ, которыми сопровождается примѣненіе тѣхъ и другихъ нормъ на практикѣ; но объ этомъ я буду имѣть случай подробно говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

V.

Жертвы голода.

Цынготное отдѣленіе больницы помѣщалось въ небольшомъ флигелѣ, стоящемъ въ концѣ города, наотлетѣ, на самомъ берегу Волги.

Насъ встрѣтила фельдшерица, пожилая особа, скромно одѣтая, и провела въ женское отдѣленіе. Мы вошли въ свѣтлую, чистую комнату, загроможденную нарами, идущими вдоль стѣнъ. На нарахъ лежали женщины разнаго возраста, одѣтыя въ больничные халаты. Въ комнатѣ стоялъ тяжелый, удушливый запахъ—неизбѣжный, неискоренимый спутникъ цынготныхъ больныхъ.

При нашемъ входѣ многія изъ больныхъ обнаруживаютъ желаніе подняться и стараются принять сидячее положеніе, нѣкоторыя же продолжали лежать неподвижно, не шевелясь ни однимъ членомъ.

Подходимъ къ первой отъ входа больной—женщинѣ среднихъ лѣтъ, съ одутловатымъ лицомъ землистаго цвѣта и тщательно забинтованными ногами. Она съ трудомъ приподнимается на соломенномъ тюфякѣ, стараясь принять сидячее положеніе.

— Ты откуда?—спрашиваетъ докторъ Гранъ.

— Изъ Сенчелеева,—отвѣчаетъ больная.

— У васъ въ Сенчелеевѣ устроены столовыя,—

замѣчаетъ докторъ. — Что же, ты ходила въ столовую?

— Нѣтъ,—односложно отвѣчаетъ больная.

— Почему же не ходила?

— Ноги не годятся.

— Ноги не ходятъ, — пояснила лежавшая рядомъ съ больной другая женщина.

Докторъ желаетъ осмотрѣть ноги и проситъ развязать бинты. Обнажаются распухшія ноги, покрытыя въ разныхъ мѣстахъ темными кровоподтеками, въ родѣ тѣхъ синяковъ, которые остаются послѣ сильныхъ ушибовъ.

Докторъ осторожно ощупываетъ затвердѣвшія какъ дерево опухоли, въ то время какъ больная съ страдальческимъ видомъ тревожно слѣдитъ за его движеніями.

— Больно?

— Ломитъ... страсть...

— И на тѣлѣ есть кровоподтеки? — спрашиваетъ докторъ.

— У этой по всему тѣлу кровоподтеки,— замѣчаетъ фельдшерица.

— Открой-ка ротъ,—обращаясь къ больной, говоритъ докторъ.

Больная поспѣшно открываетъ ротъ, и въ ту же минуту отвратительное зловоніе широкой струей пахнуло на насъ.

Красныя воспаленныя десны страшно распухли и нависли надъ зубами настолько, что ихъ почти совсѣмъ не видно. Благодаря этому ротъ больной представлялъ изъ себя какъ бы одну сплошную, зіяющую рану.

Докторъ находитъ необходимымъ подробнѣе из-

слѣдовать ротъ, а я, признаюсь, не чувствуя въ себѣ мужества присутствовать при подобномъ изслѣдованіи, спѣшу отойти въ другой уголъ комнаты. Я стараюсь не смотрѣть на больныхъ, которыя при моемъ приближеніи, принимая меня за доктора, очевидно по усвоенной привычкѣ, широко открываютъ ротъ и показываютъ мнѣ распухшія и зіяющія кровью десны.

Не въ первый разъ мнѣ приходилось видѣть цынготныхъ больныхъ. Въ теченіе марта и апрѣля мѣсяцевъ 1899 года мнѣ случалось часто посѣщать самарскую губернскую земскую больницу, въ которой въ то время постоянно лежали цынготные больные. Пріѣзжавшіе къ намъ въ Самару „на голодъ" сотрудники и сотрудницы, обыкновенно не имѣвшіе никакого представленія о цынгѣ и ея проявленіяхъ, почти всегда просили показать имъ больныхъ цынгой, чтобы хотя сколько-нибудь ознакомиться съ характеромъ этой болѣзни и способами ея лѣченія. Позднѣе я имѣлъ случай наблюдать больныхъ цынгою въ самарской тюремной больницѣ.

Тяжелое, тягостное чувство выносилось каждый разъ изъ этихъ посѣщеній. Удручающимъ образомъ дѣйствовалъ на нервную систему самый видъ цынготныхъ больныхъ съ ихъ кровоподтеками, опухолями, изъязвленіями. Но это тягостное впечатлѣніе еще болѣе усиливалось сознаніемъ, неотступно преслѣдовавшимъ васъ, что главная причина всѣхъ этихъ ужасовъ, всѣхъ этихъ страданій заключалась лишь въ томъ, что у людей недоставало хлѣба, простого, чернаго хлѣба, безъ лебеды и желудей.

Посѣщая цынготныхъ больныхъ, я всегда старался, по возможности, выяснить вопросъ о ближай-

шихъ, непосредственныхъ причинахъ, вызвавшихъ появленіе и развитіе цынги въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Долженъ сказать, что причины эти почти всегда и почти вездѣ были однѣ и тѣ же: крайняя нужда, нищета, недостатокъ хлѣба и овощей, недостатокъ продовольственной помощи, долгое недоѣданіе, голодовка. И здѣсь, въ ставропольской больницѣ, мнѣ хотѣлось провѣрить это наблюденіе.

— Вѣдь вамъ же выдавали ссуду отъ земства?— спрашивали мы.— Стало-быть, хлѣбъ у васъ былъ?

— Выдавали,—апатично говоритъ больная. И затѣмъ, послѣ нѣкотораго молчанія, какъ бы про себя, замѣчаетъ:—„не хватало".

— Капуста, картошка у васъ были?—снова спрашивали мы.

Больная отрицательно качаетъ головой.

— Ничего у насъ не было... Хлѣбъ да водица одна...

— Мужъ твой хозяйствуетъ?

Она снова отрицательно покачала головой.

— Отчего же такъ?—спрашивали мы.

— Нечѣмъ взяться.

— Гдѣ же онъ?

— Въ работники пошелъ.

— Стало-быть, и не сѣялся нынѣшній годъ?

— Нѣтъ, — односложно и уныло отвѣчаетъ больная.

Переходимъ къ другой больной. Тотъ же ужасный ротъ, тѣ же распухшія десны, то же зловоніе, тѣ же кровоподтеки по тѣлу.

— Посѣялись? — спрашиваемъ мы, желая сразу опредѣлить экономическое положеніе больной и степень ея нужды.

— Третій годъ пошелъ, какъ не сѣемся.

— Отчего же такъ?

— Силушки нѣтъ.

— Скотъ-то есть какой-нибудь?

— Была одна коровушка, — въ прошломъ году проѣли... Свиньи были,—нонѣ проѣли...

— Гдѣ же твой мужъ?

— Къ барину пошелъ овецъ пасти.

Въ этомъ приблизительно родѣ были отвѣты и другихъ больныхъ. Такимъ образомъ, для насъ было вполнѣ ясно, что и здѣсь цынга больше всего захватила самый слабый въ экономическомъ отношеніи слой населенія — безлошадный, отбившійся отъ земли крестьянскій пролетаріатъ.

Слой этотъ совсѣмъ не такъ малъ, какъ многіе привыкли думать, притомъ же онъ во многихъ мѣстахъ Самарской губерніи (да и одной ли Самарской?) постепенно растетъ, увеличиваясь изъ года въ годъ; но особенно значительное и быстрое увеличеніе его замѣчается въ годы полныхъ неурожаевъ и голодовокъ. Памятный Россіи 1892-й годъ сослужилъ въ этомъ отношеніи особенно печальную службу, обездоливъ цѣлую массу крестьянства и обративъ въ бездомовыхъ пролетаріевъ - батраковъ огромное количество крестьянъ средняго достатка.

Безъ сомнѣнія, тѣ же самыя послѣдствія повлечетъ за собою и только-что пережитая голодовка 1898—99 года. Уже и теперь *) вполнѣ точно установлено, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ Самарской губерніи встрѣчаются села, въ которыхъ число безлошадныхъ дворовъ доходитъ до 43 — 44 процентовъ, а число

---

*) Писано въ 1899 году.

дворовъ, не имѣющихъ никакого скота — ни овцы, ни свиньи,—доходитъ до 28—39 процентовъ.

Мой спутникъ обращается къ фельдшерицѣ съ разспросами относительно состава пищи, которую даютъ больнымъ, и о томъ, есть ли у нихъ аппетитъ къ ѣдѣ.

— Сначала довольно долгое время цынготные больные не могутъ ничего ѣсть,—отвѣчаетъ фельдшерица. — Затѣмъ постепенно, понемногу начинаютъ привыкать къ пищѣ, но при этомъ очень часто заболѣваютъ сильными разстройствами желудка.

— Хочешь поѣсть чего-нибудь? — обращается докторъ къ больной женщинѣ, неподвижно лежащей на нарахъ.

— Не манитъ,—чуть слышно проговорила больная, устремивъ на доктора неподвижный взглядъ черныхъ, лихорадочно горѣвшихъ глазъ.

Фельдшерица объяснила, что эта больная недавно только поступила въ больницу, что она очень ослабла и поэтому пока не можетъ ничего ѣсть.

Докторъ совѣтуетъ давать больной бульонъ и кипяченое молоко.

— Нужно ѣсть хоть понемногу, — говоритъ онъ, обращаясь къ больной: — иначе нельзя поправиться...

— Не манитъ,—снова повторяетъ больная.—Сердце не на мѣстѣ.

— Отчего сердце не на мѣстѣ?—спрашиваю я.

Больная отвѣчаетъ не сразу.

— Дѣтишки дома... одни остались... некому присмотрѣть... голодомъ, бѣдненькія, насидятся...

Больная говоритъ чуть слышно, не двигаясь, не шевелясь; только глубоко ввалившіеся темные глаза

пытливо и упорно смотрятъ намъ прямо въ лицо, точно умоляя о помощи.

Въ этихъ лихорадочно горѣвшихъ глазахъ свѣтилась такая безысходная скорбь, такое глубокое горе, что, встрѣтившись съ ними своими глазами, я вдругъ почувствовалъ, что и у меня тоже „сердце не на мѣстѣ". Одинокія, голодныя „дѣтишки", брошенныя на произволъ судьбы въ холодной, нетопленной избѣ, безпріютныя, безпомощныя, какъ живыя встали предо мной.

. . . .

Взволнованный и потрясенный всѣмъ видѣннымъ, съ расходившимися нервами, я вышелъ на крыльцо. Никогда еще свѣжій волжскій воздухъ не казался мнѣ такимъ чистымъ, такимъ живительнымъ. Съ наслажденіемъ вдыхая его, я невольно остановился предъ широкимъ горизонтомъ, который разстилался предо мной. Волга, разлившись на огромное пространство, затопивъ всѣ острова, отмели и пески, которые такъ непріятно мозолятъ глаза въ теченіе лѣта,—стремительно мчала внизъ глубокія, мутныя воды. На противоположной сторонѣ высокой, живописной грядой тянулись Жигули, покрытыя густымъ лѣсомъ, только-что развертывавшимъ свои почки. Выступавшія мѣстами длинныя полосы полей и луговъ сливались съ синей далью.

Просторомъ, ширью, еще непочатой свѣжестью и свободой вѣяло отъ этого пейзажа, залитаго лучами весенняго солнца. Здѣсь было все, что нужно человѣку: вода, лѣса, поля, луга, и все это въ такихъ чудныхъ, исполненныхъ красоты сочетаніяхъ, которыя невольно и надолго приковывали къ себѣ вашъ взоръ...

Но, — увы! — эти раскинувшіеся во всѣ стороны луга, эти черноземныя поля, эти густо заросшіе лѣса принадлежали не тѣмъ, кто изъ года въ годъ обливалъ ихъ кровавымъ потомъ, кто ихъ пахалъ, косилъ, корчевалъ, воздѣлывалъ и оберегалъ, а лишь тѣмъ немногимъ и случайнымъ счастливцамъ и баловнямъ судьбы, которымъ, — по народной пословицѣ, — „бабушка ворожила“...

VI.

Голодающее село.—Первыя впечатлѣнія.—Сестры милосердія.

Около 12-ти часовъ дня намъ подали лошадей: двѣ пары, заложенныя въ плетенки на деревянныхъ дрогахъ. Въ одну изъ плетенокъ помѣстилась А. И. А—ова вмѣстѣ съ узлами платья и бѣлья для нуждающихся, а въ другую—я съ докторомъ.

Нашъ ямщикъ,—молодой, добродушный парень, видимо старавшійся заслужить расположеніе господъ, которыхъ онъ везъ,—то и дѣло покрикивалъ на своихъ шершавыхъ, захудалыхъ лошадокъ.

Первыя восемь верстъ отъ Ставрополя мы ѣхали лѣсомъ, прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ, принадлежащимъ казнѣ. Затѣмъ началась степь, черноземная степь—то ровная, какъ скатерть, то слегка волнистая, мѣстами распаханная подъ яровые, мѣстами сверкавшая яркою сочною зеленью молодыхъ озимей... Вверху синѣло небо, солнечные лучи все сильнѣе и сильнѣе нагрѣвали воздухъ, который казался голубымъ и глубокимъ. То и дѣло слышались веселыя, ликующія трели жаворонковъ, невидимо рѣявшихъ въ воздухѣ.

Въ два часа дня мы подъѣхали къ Бритовкѣ, Выселки тожъ. Это — большое село съ населеніемъ

свыше 5,000 человѣкъ, состоящимъ изъ русскихъ и татаръ. Въ одномъ концѣ села виднѣется православная церковь съ колокольнею, въ другомъ—двѣ татарскія мечети съ минаретами.

— А куда васъ везти?—спросилъ ямщикъ, подъѣзжая къ селу.

— Намъ нужно къ сестрамъ милосердія. Ты знаешь, гдѣ онѣ живутъ?

— Какъ не знать сестеръ,—сказалъ ямщикъ немного даже обиженнымъ тономъ за сомнѣніе къ его познаніямъ.—Мало ли я народу къ нимъ возилъ... Эй, вы, соколики!—съ особенною энергіей крикнулъ онъ и, взмахнувъ кнутомъ, началъ съ необыкновеннымъ усердіемъ подстегивать шершавыхъ и тощихъ „соколиковъ“.

Мы быстро покатили по широкой и прямой улицѣ села,—„перваго голодающаго села“, которое намъ предстояло увидѣть. „Какія-то впечатлѣнія ждутъ насъ здѣсь?“ думалъ я, вглядываясь въ два ряда крестьянскихъ избъ, которыя тянулись по обѣимъ сторонамъ улицы.

Постройка была небогатая, но и отнюдь не бѣдная, а средняя, вполнѣ обычная для этихъ мѣстъ. Въ глаза не бросалось ни раскрытыхъ крышъ, ни заколоченныхъ избъ, ни снесенныхъ дворовъ и плетней,—словомъ, ничего такого, что громко говорило бы вамъ о томъ, что это село голодаетъ, что жители его уже нѣсколько мѣсяцевъ терпятъ острую нужду, доведшую до нищеты и разоренія. Среди избъ виднѣлось немало „пятистѣнниковъ“; нѣкоторыя избы были крыты тесомъ. Лишь изрѣдка кое-гдѣ глазъ подмѣчалъ наглухо заколоченную избу или уныло торчавшія стропила ободранной крыши.

На заваленкахъ и крылечкахъ сидѣли мужики и бабы, изъ которыхъ нѣкоторые, очевидно, принарядились по-праздничному; кое-гдѣ виднѣлись яркіе цвѣтные сарафаны, рубахи и платки. Вотъ изъ одного двора выбѣжали двѣ лохматыя собаки и съ сиплымъ лаемъ кинулись на нашихъ лошадей.

И снова невольно вставалъ все тотъ же вопросъ: а гдѣ же голодъ? Въ самомъ дѣлѣ: гдѣ же голодъ, гдѣ та вопіющая нищета, о которой столько приходилось слышать, вообще, гдѣ тѣ ужасы, о которыхъ такъ много говорилось и писалось за послѣдніе мѣсяцы? И вслѣдъ за этимъ какъ-то разомъ и невольно приходили на память совершенно обратные, противоположные толки и разсказы тѣхъ закоренѣлыхъ скептиковъ, которые наперекоръ вполнѣ, казалось бы, очевиднымъ и несомнѣннымъ фактамъ и даннымъ продолжали упорно отрицать существованіе голода, продолжали утверждать, что все это преувеличено, все это раздуто газетами.

И хотя я отлично зналъ цѣну подобныхъ увѣреній, такъ какъ подавляющая масса извѣстныхъ мнѣ данныхъ и офиціальнаго и неофиціальнаго характера не оставляла никакого сомнѣнія относительно того, на чьей сторонѣ была правда въ этой поразительной разноголосицѣ, тѣмъ не менѣе... я принужденъ покаяться въ своемъ малодушіи: въ то время, какъ мы катили по главной улицѣ Бритовки и я не безъ изумленія разглядывалъ прочную и исправную крестьянскую стройку и подмѣчалъ кое-гдѣ виднѣвшіеся праздничные кафтаны, цвѣтные рубахи и платки,—я вдругъ усомнился въ точности своихъ свѣдѣній, и въ головѣ мелькнула мысль: а что и въ самомъ дѣлѣ, не преувеличены ли всѣ эти разсказы, толки и сооб-

щенія объ острой безысходной нуждѣ населенія? Такъ ли велико и грозно бѣдствіе, переживаемое селомъ и деревней, какъ объ этомъ говорятъ и пишутъ? Не слишкомъ ли въ самомъ дѣлѣ сгущены краски?...

Впереди насъ ѣхала А. И. А—ва, которая была назначена въ село Сахчу и потому должна была разстаться съ нами въ Бритовкѣ. Завернувшись въ черный пледъ, надвинувъ на голову синій беретъ, она безпомощно тряслась на перекладной, стараясь прислониться къ возвышавшемуся рядомъ съ ней огромному мѣшку съ пожертвованнымъ бѣльемъ и платьемъ для голодающихъ. При видѣ ея экипажа мужики снимали шапки и кланялись. Бабы степенно наклоняли свои головы и затѣмъ долго смотрѣли вслѣдъ экипажа, обмѣниваясь замѣчаніями.

Очевидно крестьяне узнавали въ нашей спутницѣ одну изъ тѣхъ „барышень", къ которымъ за это время успѣлъ уже привыкнуть здѣшній народъ, которыя съ такой готовностью отозвались на народное бѣдствіе и, явившись сюда въ качествѣ сестеръ милосердія, врачей, фельдшерицъ и завѣдующихъ столовыми, положили столько труда, внесли столько сердечнаго участія и заботливости къ облегченію тяжелой участи деревенскаго люда, пострадавшаго отъ неурожая.

Лошади остановились у крестьянской избы въ три окна съ маленькимъ пошатнувшимся крылечкомъ съ двумя-тремя ступеньками. На порогѣ избы, очевидно вызванныя нашими колокольчиками, показались двѣ сестры милосердія въ форменныхъ коричневаго цвѣта платьяхъ, въ бѣлыхъ пелеринкахъ, но безъ обычныхъ знаковъ Краснаго Креста. Послѣднее объяснялось тѣмъ, что мѣстное управленіе Общества

Краснаго Креста „во избѣжаніе превратныхъ толкованій“ рекомендовало въ мѣстностяхъ, населенныхъ татарами, избѣгать какъ знаковъ, такъ и самаго названія Краснаго Креста.

Одна изъ „сестеръ“ была особа среднихъ лѣтъ, крѣпкаго сложенія, бодрая и энергичная, другая— молодая дѣвушка, съ тонкимъ станомъ и блѣднымъ, нервнымъ лицомъ, которое оживлялось большими добрыми глазами. Обѣ онѣ были изъ Петербурга, изъ Евгеніевской общины.

Мы отрекомендовались, при чемъ сослались на уполномоченнаго Краснаго Креста С. В. Александровскаго, совѣтовавшаго намъ посѣтить ихъ. „Сестры“ радушно попросили насъ къ себѣ. Женщина, одѣтая въ черное платье съ бѣлымъ платкомъ на головѣ, выбѣжала изъ избы и начала переносить туда наши вещи. Это была монахиня одного изъ самарскихъ монастырей, назначенная въ помощь „сестрамъ“.

— Милости просимъ, — говорили сестры, входя вмѣстѣ съ нами въ избу.—А мы поджидаемъ батюшку: онъ хотѣлъ къ намъ съ крестомъ пріѣхать... *) Кстати у насъ и самоваръ готовъ.

Дѣйствительно вскорѣ пріѣхалъ священникъ, молодой, красивый блондинъ, отслужилъ молебенъ и поздравилъ всѣхъ съ праздникомъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже сидѣли за самоваромъ, ведя оживленную бесѣду.

— И вы въ такой праздникъ пустились въ дорогу,— проговорила молодая „сестра“, глядя на насъ съ такимъ выраженіемъ, точно мы въ самомъ дѣлѣ совершили какой-нибудь подвигъ.

---

*) Считаемъ нужнымъ напомнить читателю, что дѣло происходило въ первый день праздника Пасхи.

— Скажите, пожалуйста, какъ у васъ цынга?—спросилъ мой спутникъ.

— Здѣсь страшная цынга,—отвѣчала старшая сестра,—особенно у татаръ. Положительно можно сказать, что у нихъ нѣтъ ни одного дома, въ которомъ не было бы больного цынгой.

— И у чувашъ то же самое,—замѣтилъ священникъ,—въ каждомъ домѣ—больные цынгой... Болѣзненность огромная... Я такъ думаю, что если собрать домохозяевъ изъ всего моего прихода и опросить ихъ, то непремѣнно въ каждой семьѣ найдется больной, а въ другой—и двое.

— Но сейчасъ цынга стихаетъ, уменьшается?—спросилъ я.

— Напротивъ,—отвѣчали сестры,—не только не уменьшается, а наоборотъ, усиливается все болѣе и болѣе. Особенно же передъ Пасхой, въ послѣднія недѣли поста много заболѣвало цынгой.

— А насколько охотно обращается населеніе за медицинской помощью?—спросилъ докторъ.

— Татары вообще очень любятъ лѣчиться,—разсказывали сестры,—и притомъ они страшные притворщики. Бывали такіе случаи, что къ доктору татаринъ чуть-чуть идетъ, а то даже ползетъ на четвереинькахъ, а вечеромъ, смотришь, тотъ же татаринъ бѣгомъ бѣжитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Русскіе же никогда не позволяютъ себѣ ничего подобнаго, они даже стѣсняются обращаться за помощью, особенно при легкихъ формахъ цынги. Обыкновенно они обращаются къ доктору или въ больницу лишь тогда, когда слягутъ въ постель, лишатся ногъ...

— Это совершенно справедливо, — подтвердилъ священникъ:—русскіе не любятъ лѣчиться, а нѣко-

торые даже считаютъ это грѣхомъ, особенно старики и старухи. Случается, мнѣ на духу каются старухи: „Я, батюшка, грѣшница: лѣкарство изъ аптеки пила"...

По словамъ сестеръ милосердія, больные цынгой изъ русскихъ весьма неохотно поступаютъ въ больницы и при первой возможности уходятъ изъ нея.

— Какъ только начались полевыя работы,—разсказывали сестры,—крестьяне начали бросать больницы и, не вылѣчившись отъ цынги, спѣшили въ поле, чтобы пахать и сѣять. Удержать ихъ въ больницѣ не было никакихъ силъ, никакой возможности. Многіе уходили еще совсѣмъ слабые, не оправившись. Мы знаемъ, что дома они должны будутъ питаться очень плохо, такъ какъ у многихъ и хлѣба нѣтъ, не только что какого-нибудь приварка. Поэтому мы старались убѣдить ихъ остаться хоть не надолго въ больницѣ, чтобы оправиться, набраться силъ, окрѣпнуть.

— Ну, и что же?

— Гдѣ тутъ! Развѣ ихъ уговоришь? „Смотрите, говорю я,—разсказывала старшая сестра,— какъ бы вамъ снова не захворать дома-то отъ вашей пищи"... А они отвѣчаютъ: „Коли не посѣемся, — все равно умремъ съ голоду"...

— Главное наше горе,— продолжали сестры,— у насъ почти совсѣмъ нѣтъ никакихъ лѣкарствъ, никакихъ медикаментовъ. Ранѣе у насъ кое-что было, но теперь все вышло.

— Что же у васъ было? — спросилъ докторъ Гранъ.

— Была борная кислота, былъ таннинъ съ глицериномъ,—мы имъ смазывали десны у цынготныхъ, и

это очень имъ помогало. Но теперь и таннинъ, и глицеринъ, и борная кислота давно вышли, а между тѣмъ больныхъ прибываетъ все больше и больше, и всѣ они просятъ лѣкарства, а лѣкарствъ нѣтъ. Была летучая мазь, но теперь и отъ нея почти ничего не осталось.

Съ этими словами „сестра" достала съ полки большую бутыль, на днѣ которой чуть-чуть виднѣлся тонкій слой мази желтоватаго цвѣта.

— Ваша летучая мазь, очевидно, давно уже улетучилась,—невольно сострилъ я.

— Да, а между тѣмъ каждый день съ ранняго утра къ намъ являются больные цынгой, стучатъ въ окна, входятъ въ избу, просятъ и умоляютъ дать имъ лѣкарствъ. Они не хотятъ вѣрить, что у насъ нѣтъ никакихъ лѣкарствъ...

— Что же вы не требуете лѣкарствъ изъ Краснаго Креста?—спросилъ я.

Сестры молча переглянулись. Оказалось, что онѣ не разъ писали и лично просили о высылкѣ имъ медикаментовъ, но до сихъ поръ ихъ просьбы не имѣли никакого результата. Тотъ, кто имѣлъ случай близко стоять къ дѣятельности нашего Краснаго Креста, навѣрное согласится съ нами, что тамъ всегда царили хаосъ и канцелярщина.

Разговоръ перешелъ на другія нужды крестьянскаго населенія: на недостатокъ топлива, платья и бѣлья. На мой вопросъ по этому поводу священникъ только махнулъ рукой.

— Бѣдствуютъ сильно,—сказалъ онъ.—Мужики то и дѣло приходятъ безъ рубахи, въ однихъ лохмотьяхъ. Въ особенности чуваши. О ребятишкахъ и говорить нечего: положительно нагишомъ ходятъ...

Теперь слава Богу тепло, солнышко грѣетъ; а что зимой было,—не приведи Богъ! Жалости достойно... Да, пострадалъ народъ эту зиму, нечего сказать. Бывало зайдешь въ избу: ребятишки дрожмя дрожатъ, зубъ на зубъ не попадаетъ... На печку бѣдные забьются, а печка-то стоитъ нетопленая, холодная... Извѣстно—ни дровъ, ни соломы не было, откуда же тепла взять?

Сестры милосердія подтверждали полную справедливость свѣдѣній, сообщаемыхъ священникомъ, и въ свою очередь пополняли эти свѣдѣнія разсказами о необычайныхъ нуждѣ и нищетѣ, которыя царили среди татарскаго населенія и которыя имъ приходилось лично наблюдать за время своего пребыванія въ Бритовкѣ. Не довѣрять всѣмъ этимъ разсказамъ и отзывамъ не было, конечно, никакого основанія, хотя они и не согласовались съ моимъ первымъ, личнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня Бритовкой. Но вѣдь давно извѣстно, какъ опасно довѣряться первому мимолетному впечатлѣнію, разъ дѣло касается сложныхъ жизненныхъ явленій.

— Что же, батюшка, здѣсь всегда были такая бѣдность и нужда?—спросилъ я.

— Помилуйте, зачѣмъ всегда,—возразилъ священникъ.—Три года назадъ это село было, можно сказать, вполнѣ обезпечено. Здѣшніе мужики сыто жили. Но начались неурожаи: три года подъ рядъ были неурожаи. Ну, понятное дѣло, народъ ослабъ, обезсилѣлъ.

Этимъ былымъ достаткомъ, былой зажиточностью и объясняется главнымъ образомъ та исправность крестьянской постройки и одежды, которая такъ смутила меня при въѣздѣ въ Бритовку. Къ тому

же, какъ оказалось, намъ пришлось проѣхать по главной и самой богатой улицѣ села, въ которой живетъ все то, что есть наиболѣе зажиточнаго, наиболѣе состоятельнаго въ этомъ селѣ.

— Вотъ походите по селу, по нашимъ закоулкамъ,—насмотритесь на нашу бѣдноту... Не приведи Богъ,—замѣтилъ священникъ.—А ужъ среди татаръ—и говорить нечего.

Мы старались выяснить, въ чемъ главнымъ образомъ состоятъ обязанности сестеръ милосердія въ Бритовкѣ.

— О, у нихъ здѣсь дѣла по горло!—сказалъ священникъ.

И дѣйствительно, на долю сестеръ милосердія здѣсь выпала цѣлая масса труда, хлопотъ и всякаго рода волненій. На ихъ рукахъ всѣ больнички, всѣ столовыя для цынготныхъ, выдача провизіи для всѣхъ вообще столовыхъ Краснаго Креста, пріемъ больныхъ, уходъ за ними. Въ Бритовкѣ—шесть больничекъ и столько же столовыхъ для цынготныхъ. Въ каждой такой столовой кормится по 30 человѣкъ больныхъ. Съ ранняго утра и до поздней ночи „сестры“ не имѣютъ ни минуты покоя.

Чуть свѣтъ больные уже стучатся къ нимъ въ избу за лѣкарствами .Затѣмъ нужно развѣсить и раздать провизію на столовыя, нужно лично наблюсти за пекарками и кухарками, нужно обойти всѣ больнички, раскиданныя въ разныхъ концахъ огромнаго села, осмотрѣть больныхъ, смазать имъ ляписомъ десны, натереть іодомъ, забинтовать ноги, сдѣлать наставленія хожалкамъ. Нужно обойти тѣхъ больныхъ, которые лежатъ на домахъ, не желая поступать въ больницы, нужно вести подробную отчетность по расходованію всѣхъ продуктовъ и т. д.

Представлялось въ высшей степени страннымъ, что въ такомъ огромномъ селѣ, въ которомъ *зарегистрированныхъ* больныхъ было болѣе 300 человѣкъ, не было ни врача, ни студента-медика, ни фельдшера, ни фельдшерицы. Обязанности всѣхъ этихъ лицъ лежали всецѣло на двухъ сестрахъ милосердія, на которыхъ, кромѣ того, были возложены и всѣ хозяйственныя заботы по веденію столовыхъ Краснаго Креста. Понятно, что онѣ были страшно переутомлены, особенно младшая сестра, г-жа Юргенсъ.

— Она пріѣхала къ намъ сюда здоровой, цвѣтущей дѣвушкой,—разсказывалъ священникъ,—а теперь, посмотрите, что съ ней сталось. Отъ постоянной непосильной работы, отъ всѣхъ этихъ волненій она вся извелась, похудѣла, поблѣднѣла... Право, вѣдь краше въ гробъ кладутъ...

Докторъ Гранъ обѣщалъ возбудить вопросъ о командированіи въ Бритовку врача или студента-медика. Такая мѣра была тѣмъ болѣе необходима, что ближайшій къ этому селу земскій врачъ г. Хлѣбниковъ, заваленный работой по городу Ставрополю и по своему участку, при всемъ своемъ желаніи рѣшительно не имѣлъ возможности часто посѣщать Бритовку и удѣлять должное вниманіе массѣ больныхъ, бывшихъ въ этомъ селѣ.

VII.

Голодъ во всемъ его ужасѣ.

Мы рѣшили осмотрѣть цынготныя больнички, открытыя въ Бритовкѣ Краснымъ Крестомъ. Всѣхъ больничекъ было шесть: одна—для русскихъ и пять—для татаръ. Намъ подали двѣ маленькія плетенки, изъ которыхъ въ одну сѣли сестры милосердія, а въ другую—я съ докторомъ. Свой осмотръ мы начали съ ближайшей больнички, которая оказалась русско-чувашской.

Обыкновенная крестьянская изба на двѣ половины, съ бревенчатыми, потемнѣвшими отъ времени стѣнами и массивной русской печью. Въ одной половинѣ помѣщалось мужское отдѣленіе, въ другой—женское. Вдоль стѣнъ устроены деревянныя нары, на которыхъ другъ подлѣ друга лежали больные, одѣтые въ собственное крестьянское платье; ни больничныхъ халатовъ, ни больничнаго бѣлья здѣсь уже не было.

Мы вошли сначала въ женское отдѣленіе больнички. Тотъ же специфическій, удушливый, гнилостный запахъ, который составляетъ неизбѣжную принадлежность цынготныхъ больныхъ. Тотъ же рядъ безкровныхъ, землистаго цвѣта, припухшихъ лицъ, тѣ же воспаленные, лихорадочные взгляды, въ которыхъ свѣтится такое глубокое страданіе. Та же

вялость и неподвижность... Все это жертвы долгаго, хроническаго недоѣданія, жертвы острой безпощадной нужды, которая изо дня въ день въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ терзала и душила людей, все это жертвы голода.

Особенно тяжелое, удручающее впечатлѣніе производила одна больная, совершенно обезсилѣвшая отъ потери крови, которая постоянно идетъ у нея изъ десенъ. Докторъ проситъ ее открыть ротъ. Больная, продолжая неподвижно лежать, послушно раскрываетъ ротъ. Мы увидѣли страшно распухшія, синебагровыя, покрытыя язвами десны, изъ которыхъ сочилась кровь. Зубовъ не было видно: какъ оказалось, они уже выпали отъ цынги.

— Кровь-то ужъ больно одолѣваетъ, — говоритъ хожалка,—чашками идетъ.

Почти рядомъ съ этою женщиной помѣщалась на нарахъ другая тяжело больная. Она также неподвижно лежитъ на спинѣ, устремивъ лихорадочно горящій взглядъ куда-то вдаль. Отъ времени до времени она подноситъ ко рту какую-то сѣрую тряпку, обтираетъ ею губы и выплевываетъ въ нее кровь, сочащуюся изъ десенъ.

Заглянувъ въ ротъ больной, я былъ пораженъ новымъ, до сихъ поръ не виданнымъ мною явленіемъ. Я вижу,—хотя нѣкоторое время и не вѣрю своимъ глазамъ, — какъ отъ распухшихъ десенъ въ разныя стороны отдѣляются какіе-то безобразные, мясистые отростки, которые наполняютъ ротъ, вижу, какъ цѣлые куски живого мяса буквально отваливаются отъ десенъ. Я не въ силахъ скрыть своего ужаса.

— Боже мой, что это такое?—шопотомъ спрашиваю я доктора.

— Это—разращеніе во рту, которое въ медицинѣ по внѣшнему виду извѣстно подъ именемъ „цвѣтной капусты“,—шепчетъ мнѣ мой спутникъ.

— Но эти куски... вѣдь это явное разложеніе?..

— Сильнѣйшее пораженіе десенъ,—шопотомъ говоритъ мнѣ на ухо докторъ Гранъ.

Я спѣшу записать имя несчастной женщины. По словамъ сестеръ милосердія, это была мѣстная крестьянка Александра Тюмина, 49 лѣтъ отъ роду.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выясняется, что обѣ эти больныя происходятъ изъ крестьянскихъ семей, долго боровшихся съ голодовкой, но въ концѣ концовъ принужденныхъ распродать весь свой скотъ до послѣдней курицы, весь свой скарбъ и дошедшихъ до полной нищеты... Разсказъ первой больной о томъ, какъ она употребляла всевозможныя усилія для того, чтобы отстоять послѣднюю телушку и сохранить ее для дѣтей, произвелъ на насъ тягостное впечатлѣніе.

Переходимъ въ мужское отдѣленіе. Здѣсь все наше вниманіе приковываетъ къ себѣ больной, лицо котораго,—щеки, лобъ, носъ и даже уши, даже губы,— было совершенно бѣлое, точно оно было выдѣлано изъ мѣла или алебастра. Лицо мертвеца обыкновенно менѣе страшно, чѣмъ это лицо цынготнаго больного.

Докторъ, замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное на меня видомъ больного, шепчетъ мнѣ: „Ужасающее малокровіе“, и затѣмъ обращается съ разспросами къ „сестрамъ“ и хожалкѣ.

— На рукахъ въ больницу принесли,—шепчетъ хожалка;—ни рукой, ни ногой не могъ двинуть...

Мы молча подошли къ больному, не рѣшаясь безпокоить его своими вопросами. Онъ вскинулъ на

насъ свои глаза, которые казались особенно большими на его исхудавшемъ, осунувшемся лицѣ, и, какъ бы прочитавъ на нашихъ лицахъ нѣмой вопросъ, проговорилъ: „Кровь доняла“...

Проронивъ эти слова, онъ снова, казалось, погрузился въ состояніе полной безучастности и апатіи. Едва ли онъ сознавалъ то, что дѣлалось вокругъ него.

— Вчера семь разъ кровь шла,—пояснила хожалка, кивая въ сторону больного.—Не чаяли, что и живъ останется. Батюшку призывали... соборовали и причащали...

Рядомъ съ этимъ больнымъ лежали другіе, которые при нашемъ приближеніи открывали ротъ, обдавая насъ отвратительнымъ зловоніемъ, показывали качающіеся зубы и спѣшили развязать забинтованныя ноги. Снова предъ глазами замелькали разрыхленныя десны, темные кровоподтеки на разныхъ частяхъ тѣла, распухшія и твердыя, какъ дерево, ноги, язвы, сочившіяся кровью и сукровицей...

Докторъ, скрѣпя сердце, приступаетъ къ осмотру больныхъ, мягко и внимательно изслѣдуя болячки, но я... я чувствую, какъ спазмы начинаютъ сжимать мнѣ горло, какъ дышать становится все труднѣе, какъ въ груди что-то кипитъ и клокочетъ, и я спѣшу выбѣжать поскорѣе изъ больницы на чистый воздухъ...

На дворѣ въ ожиданіи доктора стояло нѣсколько женщинъ съ дѣтьми; онѣ пришли, чтобы посовѣтоваться съ врачомъ насчетъ своей болѣзни и показать ему дѣтей, такъ же страдавшихъ отъ какой-то непонятной для нихъ болѣзни. Достаточно было посмотрѣть на припухшія, зеленыя лица пришедшихъ,

достаточно было выслушать ихъ жалобы на слабость на хворь во рту и въ ногахъ, чтобы понять, какая именно болѣзнь привела ихъ сюда.

Въ сопровожденіи сестеръ милосердія мы постепенно объѣхали всѣ больнички. Для этого намъ пришлось побывать въ разныхъ концахъ огромнаго села, пришлось посѣтить разные переулки, въ которыхъ гнѣздилась сельская бѣднота, деревенскій пролетаріатъ. Здѣсь на всемъ лежала яркая печать бьющей въ глаза нужды и нищеты.

Жалкія лачуги, холодныя зимой, нестерпимо душныя лѣтомъ, всегда сырыя и зловонныя, крохотныя, вросшія въ землю избушки въ одно окно, убогія и мрачныя мазанки изъ самана, наконецъ, эти поистинѣ ужасныя землянки, въ которыя добрый хозяинъ не рѣшился бы поставить надолго свой скотъ, своихъ собакъ, но въ которыхъ цѣлыми годами жили люди съ слабыми, больными дѣтьми. У многихъ изъ этихъ лачугъ крыши были совсѣмъ сняты вмѣстѣ со стропилами; крыши пошли на кормъ скоту, а стропила— на топливо. На нѣкоторыхъ избахъ безобразными клочьями торчала старая, совершенно прогнившая солома; если она уцѣлѣла, то только потому, что отъ нея, очевидно, отвернулся даже голодный крестьянскій скотъ.

Очень многія избы стояли совершенно одиноко, точно карточные домики: вокругъ нихъ не было ни двора, ни плетня, ни сараевъ, ни деревца. Если все это было ранѣе, то за зиму все это было продано, срублено, сожжено вмѣсто дровъ. Вообще весь внѣшній видъ села съ его единственной улицей, состоявшей изъ прочныхъ пятистѣнниковъ и цѣлаго лабиринта переулковъ, наполненныхъ разоренными,

ободранными лачугами, могъ бы служить прекрасной иллюстраціей того процесса „разслоенія“ деревни, о которомъ еще недавно такъ много говорилось и писалось у насъ.

Когда мы колесили по улицамъ и переулкамъ Бритовки, намъ то и дѣло попадались на глаза красные и темно-синіе флаги, прикрѣпленные къ шестамъ около тѣхъ домовъ, въ которыхъ помѣщались столовыя и больнички. Красный флагъ означалъ столовую, темносиній—больничку.

Въ первой татарской больничкѣ мы пробыли не болѣе 15-ти минутъ, но когда мы вышли на улицу, то здѣсь насъ ждала уже цѣлая толпа татаръ и татарокъ съ дѣтьми. Едва мы показались изъ калитки, какъ они обступили насъ со всѣхъ сторонъ. Кланяясь и жестикулируя, они ломанымъ русскимъ языкомъ, пересыпаемымъ татарскими словечками и цѣлыми фразами, просили насъ осмотрѣть ихъ, просили помочь имъ.

Одни изъ нихъ обнажали ноги и показывали намъ темные кровоподтеки и затвердѣвшія опухоли, другіе открывали ротъ и показывали распухшія десны.

— Аурта аякъ *),—говорили одни.

— Аурта тышь **),—говорили другіе.

— Сдѣлай милость, бачка... Помогай...

Докторъ осматриваетъ больныхъ, при чемъ старается по возможности успокоить ихъ, констатируетъ цынгу въ разныхъ степеняхъ развитія, и затѣмъ между нимъ и сестрами происходитъ вполголоса слѣдующій діалогъ:

---

*) Т.-е. болятъ ноги.

**) Т.-е. болитъ ротъ.

— Іодъ есть у васъ?—тихо спрашиваетъ докторъ.

— Сейчасъ нѣтъ, весь вышелъ.

— А уксуснокислое кали?

— Тоже нѣтъ,—съ горечью говоритъ сестра.

— Перевязочные матеріалы, марля?—шепчетъ докторъ.

— Нѣтъ у насъ ничего!—съ отчаяніемъ признаются сестры.

Докторъ объясняетъ больнымъ, что сейчасъ всѣ лѣкарства вышли, но что онъ немедленно же постарается прислать сюда все, что только необходимо для ихъ лѣченія. Вмѣстѣ съ этимъ объясняется, что главнымъ и лучшимъ лѣкарствомъ для нихъ является хорошее питаніе: „ашать нужно хорошо". А такъ какъ они возражали на это, что дома у нихъ нѣтъ ничего „ашать", то поэтому имъ предлагалось поступать въ больнички или же кормиться въ столовыхъ. При этомъ мы обѣщали хлопотать о томъ, чтобы число больничекъ и столовыхъ было увеличено.

— Вы не повѣрите,—говорили намъ потомъ сестры милосердія,—какъ невыносимо тяжело наше положеніе безъ всякихъ лѣкарствъ, безъ всякой возможности помочь всей этой массѣ больныхъ... Мы не въ силахъ долѣе переносить это. Право, мы готовы все бросить и уѣхать отсюда, чтобы не видѣть этого ужаса...

Всѣ больнички оказались переполненными цынготными больными, главнымъ образомъ, конечно, татарами и особенно татарками. Въ каждой больничкѣ помѣщалось около 30-ти человѣкъ больныхъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ обыкновенно были съ тяжелыми формами цынги. Какъ извѣстно, цынга проявляется въ весьма разнообразныхъ формахъ, на-

чиная съ пораженій десенъ и кончая контрактурами ногъ и т. п.

Угнетающее впечатлѣніе производилъ видъ этихъ несчастныхъ, пригвожденныхъ къ нарамъ людей. Мысль о томъ, что все это — жертвы долгаго систематическаго недоѣданія или, точнѣе говоря, голоданія, вызывала особенно горькое чувство.

Затѣмъ крайне тяжелое, удручающее впечатлѣніе производили также тѣ сцены, которыя каждый разъ происходили при нашемъ выходѣ изъ больницъ. Очевидно, вѣсть о нашемъ пріѣздѣ облетѣла уже все село, и всѣ тѣ больные, которые почему-нибудь не попали въ больнички и остались на домахъ, но которые могли еще двигаться,— всѣ они сходились къ больничкамъ и ждали тутъ нашего выхода, нерѣдко цѣлою толпой.

Еще до своей поѣздки на голодъ мнѣ много и съ разныхъ сторонъ пришлось наслышаться о притворствѣ татаръ, о томъ, какъ часто они прибѣгаютъ къ обманамъ и симуляціямъ, какъ часто искусственно вызываютъ у себя на тѣлѣ разныя опухоли и болячки, съ цѣлью вызвать состраданіе къ себѣ, чтобы этимъ путемъ добиться помощи и пособія.

— Вы будете у татаръ,—не вѣрьте имъ, — предупреждали меня многіе изъ самарцевъ;—вы не можете себѣ представить, что это за отчаянные симулянты. Они нарочно растираютъ себѣ перцемъ десны, нарочно туго перевязываютъ ноги, чтобы вызвать опухоли... Вообще имѣйте въ виду, что разные виды симуляціи въ большомъ ходу среди татаръ...

Наслышавшись подобныхъ разсказовъ, я, признаюсь, съ недовѣріемъ и предубѣжденіемъ приближался къ толпѣ, ожидавшей нашего выхода изъ боль-

нички. Но по мѣрѣ того, какъ я ближе знакомился съ этою толпой, входя въ соприкосновеніе съ отдѣльными лицами, составлявшими ее, чувство недовѣрія и подозрѣнія весьма быстро исчезло. Да и могло ли быть иначе?

Вѣдь передъ нами толпились обитатели тѣхъ самыхъ убійственныхъ землянокъ и лачугъ съ раскрытыми крышами, которыя мы видѣли вокругъ себя и въ которыхъ эти обитатели вмѣстѣ со своими дѣтьми сидѣли безъ хлѣба, безъ топлива, почти безъ платья. Босые, въ грязныхъ лохмотьяхъ, въ какихъ-то рубищахъ, едва покрывавшихъ тѣло, они производили впечатлѣніе не сельчанъ, а скорѣе нищихъ,—бездомовыхъ, безпріютныхъ и больныхъ...

Ни одного свѣжаго, здороваго лица! Наоборотъ, у всѣхъ изнуренныя, осунувшіяся или же припухшія желтыя лица. Почти у всѣхъ страшное исхуданіе тѣла, вялые мускулы, вялая кожа, слабый пульсъ, сиплый голосъ,—словомъ, всѣ явные признаки крайняго изнуренія, истощенія.

Еще одна черта страшно поразила меня. Наблюдая эту толпу, вглядываясь въ лица толпившихся предъ нами людей, я былъ пораженъ необыкновеннымъ выраженіемъ глазъ большей части этихъ бѣдняковъ. У многихъ изъ нихъ былъ тотъ растерянный, блуждающій взглядъ, который бываетъ только у человѣка, выбитаго изъ колеи, — у человѣка, потерявшаго подъ собою почву, потерявшаго надежду на возможность справиться съ налетѣвшимъ на него несчастьемъ. Это—взглядъ человѣка, дошедшаго почти до полнаго отчаянія, — человѣка, который близокъ къ безумію, къ утратѣ всѣхъ задерживающихъ центровъ и регуляторовъ.

Мнѣ казалось, что зловѣщій призракъ голода и смерти виталъ надъ этою толпой, поселяя въ ней ужасъ и отчаяніе. Много нужды, много страданій должны были перенести эти люди прежде, чѣмъ дойти до такого состоянія.

Этимъ я не хочу сказать, что всѣ слухи о наклонности татаръ къ симуляціямъ совершенно ложны, что случаи подобныхъ симуляцій среди нихъ невозможны. Ничуть не бывало. Но мнѣ весьма сдается, что слухи и толки о такого рода симуляціяхъ слишкомъ преувеличены. По крайней мѣрѣ въ Бритовкѣ, гдѣ намъ пришлось видѣть сотни голодавшихъ татаръ и татарокъ, мнѣ не удалось установить и подмѣтить ни одного подобнаго случая. Точно къ такому же выводу пришелъ и мой спутникъ, д-ръ Гранъ, на долю котораго выпало осмотрѣть и выслушать цѣлую массу больныхъ и голодныхъ въ этомъ селѣ.

Закончивъ осмотръ больничекъ, мы проѣхали къ священнику о. Павлу Ильину, который взялъ съ насъ слово, что до отъѣзда изъ Бритовки мы непремѣнно посѣтимъ его. Послѣ всего только-что видѣннаго нами какъ-то странно и неловко, почти дико чувствовалось въ уютныхъ свѣтлыхъ комнатахъ, съ гардинами на окнахъ, съ мягкою мебелью, со столомъ, накрытымъ бѣлой скатертью и уставленнымъ куличами, окороками и разными другими явствами.

У священника мы познакомились съ учительницей села Бритовки А. И. Снѣгиревой, которая завѣдывала столовыми для русскихъ дѣтей въ этомъ селѣ. Г-жа Снѣгирева уже двадцать лѣтъ служитъ учительницей въ Бритовкѣ и благодаря этому хорошо знакома съ мѣстнымъ населеніемъ. Продукты для

столовыхъ она получала изъ Ставрополя, отъ г-жи Муриновой, которая аккуратно каждыя двѣ недѣли высылала все, что̀ нужно для столовыхъ по ея требованію.

Г-жа Снѣгирева охотно взялась раздать наиболѣе нуждающимся крестьянамъ привезенное мною платье и бѣлье. Священникъ о. Ильинъ обѣщалъ помочь ей въ этомъ.

Снова явился неизбѣжный чай и снова начались еще болѣе неизбѣжные здѣсь разсказы о переживаемой народомъ голодовкѣ, о цынгѣ, о дѣятельности столовыхъ самарскаго частнаго кружка и больничекъ Краснаго Креста.

Между прочимъ рѣчь зашла о „казенныхъ лошадяхъ“, только-что передъ тѣмъ розданныхъ населенію.

— На наше село,—сообщилъ священникъ,—было назначено девять лошадей, но изъ нихъ трехъ не довели до села: дорогой пали.

На вопросъ, отчего пали, священникъ отвѣчалъ:

— Да ужъ больно плохи были лошади. Одна лошадь, не доходя до села, утонула въ овражкѣ: ослабла, значитъ, до того, что не хватило силъ перейти овражекъ. Двѣ другія лошади прямо пали въ дорогѣ. Остальныхъ пригнали въ село... Какъ увидѣлъ я ихъ, такъ только руками всплеснулъ: ну, лошади, нечего сказать!

— А что̀?

— Одры-одрами! До чего онѣ отощали—и сказать невозможно. Маклаки какъ рога торчатъ... Между ребрами два пальца проходятъ... Истинно говорю... То-есть еле-еле живы... Какъ онѣ будутъ работать—одинъ Господь вѣдаетъ.

— Навѣрное, не всѣ же лошади были такъ плохи,—замѣтилъ я.—Вѣдь были же и хорошія?

— Хорошихъ было только двѣ лошади,—такъ рублей за пятьдесятъ... Затѣмъ слышно, что многія лошади простудились, такъ какъ переправляли ихъ въ самую распутицу... Привели ихъ сюда, роздали бѣднякамъ. Первымъ дѣломъ нужно было бы ихъ подкормить, а подкормить нечѣмъ: кормовъ-то нынѣ и у богатыхъ нѣтъ, а не-то что у бѣдняковъ...

— Но вѣдь на прокормъ этихъ лошадей выдавались деньги?

— Вѣрно, выдавались,—по три рубля на лошадь. Но сами посудите, что можно купить на эти деньги при теперешней дороговизнѣ кормовъ?.. Да и то нужно сказать, что другой бѣднякъ, наголодавшись, вмѣсто сѣна-то, пожалуй, мучки купитъ на эти деньги, чтобы самому поѣсть да ребятишекъ своихъ голодныхъ накормить...

Я спросилъ, какъ обстоитъ дѣло въ сосѣднихъ деревняхъ.

— Нужды вездѣ много,—отвѣтилъ батюшка,—особенно же сильно бѣдствуютъ въ деревнѣ Свѣтлое-Озеро, въ Калмыцкомъ и Мартыновкѣ. Мартыновка—раскольничья деревня, тамъ всѣ крестьяне австрійской секты придерживаются. Бѣдствіе сильное... Хотѣлъ было я о нихъ похлопотать, написать въ попечительство или въ Красный Крестъ, да пріостановился...

— Почему же, батюшка?

— Признаться сказать, поопасался. Думаю себѣ: удобно ли мнѣ, православному іерею, хлопотать за раскольниковъ? Какъ бы за это непріятностей не

нажить. Неизвѣстно, какъ начальство взглянетъ... Можно вѣдь ни за что̀ пострадать...

Въ это время ударили къ вечернѣ. Священникъ перекрестился. Ему предстояло отправиться въ церковь, чтобы служить пасхальную вечерню. Мы начали прощаться. Провожая насъ, о. Ильинъ повидимому съ искреннимъ чувствомъ замѣтилъ:

— Да... не будь помощи отъ Краснаго Креста и частнаго кружка, здѣшній народъ перемеръ бы отъ голоду... Спасибо добрымъ людямъ—помогли!..

Распростившись съ отцомъ Павломъ и г-жей Снѣгиревой, мы отправились на квартиру къ сестрамъ милосердія, куда намъ вскорѣ подали лошадей. Спустя нѣсколько минутъ мы выѣхали изъ Бритовки.

Грустные, сумрачные мы молча сидѣли въ тѣсной плетенкѣ. Когда мы проѣзжали мимо церкви, тамъ шла вечерня, виднѣлись зажженныя свѣчи, изъ открытыхъ оконъ слышались пасхальные, радостные гимны. И почему-то невольно приходили на память стихи поэта:

Христосъ воскресъ поютъ во храмѣ,
Но грустно мнѣ... душа молчитъ:
Міръ полонъ кровью и слезами,
И этотъ гимнъ предъ алтарями
Такъ оскорбительно звучитъ...

Намъ пришлось снова проѣхать значительную часть села, при чемъ среди покосившихся лачугъ и ободранныхъ крышъ попадались на глаза и исправныя постройки, и опрятные костюмы, и лающія собаки, но теперь все это уже не смущало меня, и вопросъ, „да гдѣ же голодъ“, болѣе не возникалъ. Теперь для подобнаго вопроса уже не могло быть повода и мѣста, такъ какъ въ первомъ же селѣ, ко-

торое намъ пришлось посѣтить, мы воочію увидѣли настоящій и несомнѣнный голодъ, во всемъ его ужасѣ, со всѣми его роковыми послѣдствіями, видѣли сотни людей, которыхъ голодъ пригвоздилъ къ постели, которыхъ онъ обезобразилъ, изсушилъ, обезкровилъ, покрывъ ихъ тѣло кровоподтеками и язвами, которыхъ онъ надолго, если не на всю жизнь, сдѣлалъ калѣками...

VIII.

Студенты на голодѣ.

Въ восьмомъ часу вечера мы пріѣхали въ село Ташолку, въ которомъ считается 2.166 душъ обоего пола. Населеніе почти исключительно русское, безъ замѣтной примѣси инородцевъ. Широкая главная улица села, по которой мы только-что проѣхали, несмотря на праздничное время (стоялъ первый день Пасхи), была тиха и безлюдна.

Начинало смеркаться, когда пара тощихъ земскихъ клячъ подвезла насъ къ „взъѣзжей“. Въ весеннемъ влажномъ воздухѣ чувствовалась свѣжесть. Вылѣзши изъ тѣсной плетенки, въ которой намъ пришлось просидѣть, скрючившись, почти цѣлые три часа, мы расправляли себѣ отекшіе члены, наблюдая въ то же время за переноской нашихъ вещей.

Хозяинъ взъѣзжей, степенный мужикъ, среднихъ лѣтъ, съ медленными движеніями, подошелъ къ намъ, кивнулъ головой и проговорилъ:

— Съ праздникомъ.

— Спасибо, братъ. Какъ вы встрѣтили праздникъ?—спросилъ я.

— Наша стрѣча—не приведи Богъ.

— Почему такъ?

— У многихъ, чай, и хлѣба-то не было разговѣться... Не ѣмши, чай, и праздникъ-то стрѣтили.

— Неужели были и такіе?

— А то какъ же?.. Не далече ходить, вотъ, къ примѣру, мой шабёръ *), что насупротивъ живетъ... который день и печки не топитъ: нечѣмъ хлѣба замѣсить.

Хозяинъ указалъ на темную избу, стоявшую наискось отъ взъѣзжей и, казалось, мрачно выглядывавшую изъ-подъ растрепанной копны прогнившей соломы, смѣшанной съ глиной.

— Но вѣдь у васъ есть столовыя?

— Точно... есть,—немного помолчавъ, сказалъ мужикъ.—Но только... тоже вѣдь совѣсть запрещаетъ...

Желая, чтобы мой собесѣдникъ высказался болѣе опредѣленно, я спросилъ его:

— Что запрещаетъ совѣсть?

— А то какъ же?—пояснилъ онъ.—Какъ никакъ цѣлый свой вѣкъ хозяиномъ прожилъ... подъ окнами-то, слава Богу, не доводилось стоять... Господь миловалъ. А тутъ вдругъ—въ столовую. На старости лѣтъ: „Христа ради“... Вотъ оно горе-то наше!—съ чувствомъ закончилъ мужикъ.

Мнѣ невольно припомнились при этомъ ожесточенные крики, поднятые въ извѣстной части общества и печати по поводу столовыхъ, устраиваемыхъ для голодающаго населенія, которое якобы только и ждетъ даровой кормежки, чтобы избавиться отъ необходимости работать и спокойно лежать на печи.

— А кто у васъ здѣсь столовыми завѣдуетъ?—спросилъ мой спутникъ, докторъ Гранъ.

— Икономъ.

— Какой экономъ?

---

*) Шабёръ—сосѣдъ.

— Икономъ, Владиміръ Өедоровичъ... изъ студентовъ, сказываютъ... Онъ у насъ столовыми командуетъ, провизію выдаетъ... ужъ который мѣсяцъ здѣсь живетъ у насъ... Хорошій молодецъ...

— А больничка у васъ есть?

— Намедни открылась... Больничкой той дохтуръ завѣдуетъ... Дохтура, слышь, прислали...

Мы выразили желаніе повидать „эконома“ и доктора.

— Дохтуръ-отъ должно въ гостяхъ у батюшки сидитъ... Не иначе... А икономъ тотъ теперь безпремѣнно дома. Его фатера недалече... Живой рукой можно добѣжать...

Мы отправились по указанному намъ направленію. Но не успѣли мы сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ вдоль улицы, какъ завидѣли идущаго навстрѣчу намъ молодого человѣка въ студенческомъ пальто.

Это и былъ „экономъ“, студентъ Юрьевскаго университета, В. Ө. К—овъ. Вмѣстѣ съ двумя своими товарищами-студентами онъ пріѣхалъ къ намъ въ Самару въ концѣ зимы съ рекомендательнымъ письмомъ отъ профессора Шмурло. Юноши явились съ горячимъ желаніемъ поработать на пользу голодающаго населенія. Двое изъ нихъ были назначены въ Бугульминскій уѣздъ, а третій, г. К—овъ, — въ Ставропольскій, въ распоряженіе члена самарскаго частнаго кружка, удѣльнаго чиновника г. Гакичко, завѣдывавшаго мусорскимъ райономъ.

Они пріѣхали въ Самару какъ разъ въ тотъ моментъ, когда зимній путь быстро рушился, вслѣдствіе чего имъ пришлось добираться до мѣста назначенія съ немалымъ трудомъ. Трудность путешествія еще болѣе осложнялась тѣмъ обстоятельствомъ, что

юноши, очевидно, надѣясь на грядущую весну, явились черезчуръ налегкѣ: безъ шубъ, безъ валенокъ, въ студенческихъ пальто, подбитыхъ вѣтромъ, да мелкихъ резиновыхъ калошахъ.

Добравшись кой-какъ до тѣхъ селъ, въ которыя они были назначены, молодые люди тотчасъ же, что называется съ мѣста въ карьеръ, приступили къ работѣ, при чемъ первымъ дѣломъ занялись собираніемъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи населенія, съ цѣлью выясненія степени нужды и размѣровъ необходимой помощи. Интеллигентные, развитые люди, начитанные по экономическимъ и общественнымъ вопросамъ, знакомые, хотя и чисто теоретически, съ условіями народной и въ частности крестьянской жизни, они весьма быстро оріентировались въ новыхъ условіяхъ дѣятельности и вскорѣ собрали подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о матеріальномъ положеніи каждаго двора въ тѣхъ районахъ, которые были назначены имъ.

Выяснивъ число наиболѣе нуждающихся семей и количество дѣтей въ нихъ, студенты, не теряя ни минуты времени, принялись за устройство и открытіе дѣтскихъ столовыхъ. Такъ какъ самарскій частный кружокъ ставилъ себѣ задачей помощь исключительно однимъ дѣтямъ, какъ наиболѣе безпомощной части населенія, поэтому и студенты, работавшіе отъ кружка, могли устраивать столовыя только для дѣтей не старше 13 лѣтъ. Исключенія изъ этого правила начали допускаться позднѣе, при чемъ исключенія эти распространялись главнымъ образомъ на дряхлыхъ, бездомовыхъ стариковъ и старухъ, которые получали разрѣшеніе посѣщать дѣтскія столовыя.

О томъ, что именно нашли наши студенты на мѣстахъ, куда они были направлены, лучше всего выясняется въ письмѣ одного изъ нихъ, В. Ѳ. К—ова. Письмо это было получено пишущимъ эти строки въ первыхъ числахъ апрѣля мѣсяца (1899 г.) изъ села Ташолки, Ставропольскаго уѣзда. Написанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ изъ перваго знакомства съ голодающей деревней, письмо это, несомнѣнно, представляетъ значительный интересъ, а потому я и позволяю себѣ привести его здѣсь цѣликомъ.

„Передайте, пожалуйста, на первомъ засѣданіи (самарскаго частнаго) кружка то, что происходитъ у насъ въ Ташолкѣ,—писалъ г. К—овъ.—Помощь дѣтямъ у насъ организовалась порядочно, изъ 437 нуждающихся пользуются пропитаніемъ 333; число это можетъ быть увеличено до 400, и тогда почти всѣ дѣти будутъ сыты.

„Это было бы очень пріятно, если бы матери и отцы ихъ также были сыты и здоровы. Но этого-то какъ разъ и нѣтъ. Приходитъ рабочее время. Нужны сила, здоровье. А куда же годенъ хворый человѣкъ? Какой онъ работникъ? Вотъ и опять въ перспективѣ виднѣется мрачная картина. Дорогое время пропущено. Полевыя работы не сдѣланы—и опять голодовка. Теперь уже нельзя (будетъ) свалить на засуху, саранчу, червя и другихъ козловъ отпущенія. Правда, теперь пострадаютъ не всѣ семьи, а только тѣ, гдѣ есть больные, но это нисколько не измѣняетъ существа дѣла. Мнѣ думается, что остановиться на помощи (однимъ) дѣтямъ нельзя, если только есть возможность итти дальше. А возможность эта должна быть.

„Теперь у насъ въ Ташолкѣ распространяется цынга. Нѣкоторые больные (я знаю человѣкъ десять) уже совсѣмъ лежатъ. Нужно видѣть этихъ больныхъ, чтобы понять всю горечь ихъ существованія. Разлагаться заживо, при сознаніи и страшныхъ страданіяхъ!.. Я не знаю, можетъ ли быть что-нибудь мучительнѣе этого.

„И вотъ приходится быть очевидцемъ медленнаго угасанія многихъ поильцевъ и кормильцевъ. А тутъ еще примѣшивается сознаніе, что достаточно было бы дать этимъ больнымъ: чаю съ лимономъ, горячей здоровой пищи и т. п., то-есть того, чѣмъ мы, здоровые, пользуемся ежедневно и, такъ сказать, безсознательно, и они всѣ встали бы на ноги. Тогда дѣлается до того гадко, что радъ бы самъ захворать цынгой.

„У насъ на 2.000 жителей нѣтъ фельдшера. Поэтому, какъ только я пріѣхалъ, меня стали всюду приглашать смотрѣть больныхъ. Но что могъ я сдѣлать? Я могъ только дать нѣкоторымъ чаю и сахару, сказать нѣсколько рецептовъ укрѣпленія зубовъ, наговорить кучу сочувствій, сожалѣній и т. д. и въ концѣ концовъ съ горечью сознаться въ душѣ, что ничего не сдѣлалъ. На первое время я хотя давалъ чай, сахаръ, особенно слабымъ — бѣлый хлѣбъ, потомъ Елизавета Андреевна Сосновская *) дала мнѣ для больныхъ краснаго вина, морсу, мяты, такъ что я хоть что-нибудь, да давалъ больнымъ. А теперь я не могу дѣлать и этого. Своихъ денегъ у меня нѣтъ, а (самарскій) кружокъ, какъ мнѣ извѣстно, не задается цѣлью помогать взрослымъ больнымъ.

---

*) Мѣстная помѣщица.

Мало того, я прежде утѣшалъ больныхъ скорымъ пріѣздомъ врача, такъ какъ, по моему настоянію, сельскими властями былъ посланъ рапортъ о цынгѣ въ Ташолкѣ—въ волостное правленіе и къ земскому врачу г. Глушкову. Но теперь я не могу дѣлать и этого, потому что отъ медицинскаго персонала слыхалъ, что не имѣетъ смысла народъ „булгачить", ибо цынга существуетъ во всѣхъ селеніяхъ, а всѣхъ все равно не вылѣчишь.

„Значитъ, не будетъ у насъ больнымъ никакой помощи. „Выздоровѣть, такъ сами выздоровѣютъ, а умереть, такъ умрутъ". Можетъ-быть, это такъ и будетъ, но мнѣ кажется, преступно не ударить палецъ о палецъ для измѣненія такого порядка.

„Лично у меня теперь назрѣлъ такой планъ: всѣхъ больныхъ теперь въ Ташолкѣ я знаю человѣкъ 50—60. Вотъ для нихъ и устроить бы специальную столовую, гдѣ готовились бы кушанья, полезныя цынготнымъ. Далѣе имъ выдавался бы чай-сахаръ, особенно слабымъ—бѣлый хлѣбъ и т. д. Еще лучше бы было, если бы пріѣхалъ въ Ташолку студентъ-медикъ, фельдшеръ или сестра милосердія. Между больными чаще всего встрѣчаются женщины. Много молодыхъ. Есть беременныя. У нѣкоторыхъ грудныя дѣти.

„Во что бы то ни стало имъ нужно помочь. Если нельзя это устроить отъ кружка, то нельзя ли какъ-нибудь частно? Будьте любезны, А. С., напишите мнѣ свой личный взглядъ, что мнѣ дѣлать въ такомъ положеніи? Какъ отнесется кружокъ къ моему предложенію?"

Письмо это не только ярко рисуетъ печальное положеніе крестьянъ села Ташолокъ во время голо-

довки, но вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ и съ отношеніемъ автора письма къ тому, что ему пришлось встрѣтить въ этомъ селѣ, съ его первыми непосредственными впечатлѣніями, вынесенными отъ тяжелой мрачной дѣйствительности.

Само собою разумѣется, что письмо это немедленно же было сообщено мною комитету самарскаго кружка, который, однако, и на этотъ разъ не нашелъ возможнымъ отступить отъ разъ поставленной задачи—помогать однимъ дѣтямъ. Въ виду этого по необходимости пришлось искать помощи въ другихъ учрежденіяхъ.

Тогда я передалъ письмо г. К—ова въ особое совѣщаніе, которое было организовано въ то время въ г. Самарѣ для борьбы съ голодомъ и эпидеміями и въ составъ котораго входили представители земства, Краснаго Креста, мѣстной администраціи, медицинскаго персонала и т. д. Присутствовавшій въ этомъ совѣщаніи уполномоченный Краснаго Креста г. Александровскій заявилъ, что онъ немедленно же откроетъ въ Ташолкѣ больничку для цынготныхъ больныхъ и командируетъ въ это село студента-медика, кончающаго курсъ. Обѣщаніе это дѣйствительно было исполнено, больничка въ Ташолкѣ вскорѣ была открыта, и туда былъ назначенъ Краснымъ Крестомъ студентъ-медикъ... но что это былъ за студентъ, мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Съ другой стороны тревога, забитая К—овымъ въ Ташолкѣ, заставила встрепенуться и мѣстныя сельскія и уѣздныя власти, которыя до тѣхъ поръ упорно дѣлали видъ, что они рѣшительно не замѣчаютъ ничего серьезнаго и тревожнаго въ положеніи населенія окружающихъ ихъ селъ и деревень. Рапорты по начальству старосты села Ташолки, написанные

и отправленные по настоянію К—ова о появленіи цынги, сдѣлали свое дѣло. Игнорировать далѣе голодовку было уже невозможно. Становые пристава, земскіе начальники и т. п. начальство волей-неволей должно было признать не только появленіе цынги, но и ея быстрое распространеніе.

9 апрѣля врачъ Ставропольскаго уѣзднаго земства г. Глушковъ сообщалъ въ санитарное бюро Самарской губернской земской управы, что, объѣхавъ, вслѣдствіе рапорта ташолкскаго сельскаго старосты и сообщеній становового пристава, селенія Ташолкской волости, онъ обнаружилъ въ нихъ многочисленныя заболѣванія цынгой, а именно въ селѣ Вишенкахъ оказалось 37 человѣкъ больныхъ цынгою, въ Куроѣдовѣ—15, въ деревнѣ Рѣпьевкѣ—17 и въ селѣ Ташолкѣ—24.

„Въ виду значительнаго распространенія цынги—писалъ далѣе г. Глушковъ,—весьма малочисленнаго персонала при ввѣренной мнѣ больницѣ, значительнаго наплыва какъ амбулаторныхъ, такъ и стаціонарныхъ больныхъ, я лично самъ не могъ принять на себя хотя какую-либо организацію помощи въ этихъ селахъ, вслѣдствіе чего является крайнею необходимостью приглашеніе санитарнаго отряда въ Ташолкскую волость, такъ какъ вся она почти цѣликомъ охвачена цынгой“. При этомъ врачъ пояснялъ, что „за послѣднее время, судя по даннымъ амбулаторіи ввѣренной ему больницы, цынга проявляется въ весьма значительномъ количествѣ, увеличиваясь съ каждымъ днемъ почти по всему участку, такъ что можно съ положительностью сказать, что нѣтъ ни одного села въ участкѣ, въ которомъ нельзя было бы обнаружить отъ 5 до 10 заболѣваній цынгою...“

Но возвращаюсь къ нашему прiѣзду въ Ташолку. Мы дружески встрѣтились съ К—овымъ, который пригласилъ насъ къ себѣ,—онъ снималъ большую крестьянскую избу,—и здѣсь за стаканомъ чая мы долго просидѣли у него въ разговорѣ о голодовкѣ, цынгѣ и дѣятельности лицъ, работавшихъ на голодѣ отъ самарскаго частнаго кружка и Краснаго Креста. Затѣмъ, закусивъ чѣмъ Богъ послалъ, мы расположились у него на ночлегъ, рѣшивши на слѣдующiй день утромъ осмотрѣть больничку для цынготныхъ и всѣ столовыя, устроенныя въ Ташолкѣ для дѣтей и „лицъ съ ослабленнымъ питанiемъ“.

IX.

Студентъ изъ Краснаго Креста.

На другой день мы поднялись довольно рано, такъ какъ, помимо всего прочаго, спанье на грязномъ полу крестьянской избы, при чемъ роль матраца исполнялъ жидкій пледъ, отнюдь не могло вызывать желанія оставаться подольше въ этой импровизированной постели.

Только-что мы усѣлись за самоваръ, какъ въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, лѣтъ 25, въ тужуркѣ студента военно-медицинской академіи. Щегольской костюмъ, безукоризненное бѣлье, выхоленныя лицо и руки, наконецъ самая манера держаться—все это говорило за принадлежность молодого человѣка къ извѣстному студенческому типу. Расшаркавшись съ непринужденностью человѣка, привыкшаго къ свѣтскому обществу, онъ не безъ нѣкотораго апломба отрекомендовался намъ. Какъ оказалось, это былъ командированный въ Ташолку Краснымъ Крестомъ медикъ 5-го курса г. X. или „дохтуръ", какъ его прозвали крестьяне.

Сейчасъ же, конечно, завязался общій разговоръ на тему о цынгѣ.

— Давно ли открыта здѣсь больничка для цынготныхъ?—спросилъ докторъ Гранъ.

— Всего лишь три дня тому назадъ,—отвѣчалъ Х., покручивая свои маленькіе черные усики.

— А сколько больныхъ принято въ больничку?

— Пока поступило 13 человѣкъ, всего же должно поступить 25.

— Скажите, пожалуйста, какъ велико у васъ общее число всѣхъ цынготныхъ больныхъ? — спрашиваемъ мы студента-медика.

Г. Х. сознается, что онъ не знаетъ общаго числа больныхъ въ виду того, что онъ еще такъ недавно пріѣхалъ сюда.

Точно такъ же онъ не могъ сказать ничего опредѣленнаго по вопросу о томъ: растетъ ли цынга или же, наоборотъ, слабѣетъ. Только одинъ интересный фактъ удалось намъ узнать отъ г. Х., а именно, что постоянно открываются новые больные, ранѣе совершенно неизвѣстные. Такъ, напримѣръ, 17-го апрѣля обнаружена цѣлая сотня больныхъ цынгою въ сосѣднихъ селахъ: Куроѣдовѣ, Вишенкахъ и Рѣпьевкѣ...

Затѣмъ разговоръ какъ-то вдругъ сошелъ на условія жизни лицъ, работающихъ на голодѣ.

Покручивая свои маленькіе усики, съ явнымъ желаніемъ придать имъ видъ „стрѣлки", Х. очень досадовалъ на то, что ему приходится проводить праздники въ такой отчаянной глуши, какъ эта Ташолка. Между тѣмъ онъ могъ бы поѣхать въ Самару, гдѣ у него много хорошихъ знакомыхъ среди представителей Краснаго Креста. Они звали его къ себѣ, чтобы вмѣстѣ разговѣться. Тамъ, разумѣется, можно было бы весьма недурно и весело провести время. Къ тому же онъ знакомъ и съ домомъ губернатора... И такъ далѣе все въ томъ же родѣ.

Во время этого разговора вдругъ отворилась дверь

и оттуда выглянула какая-то женщина, которая позвала г. Х. Тотъ вышелъ; изъ сѣней доносился женскій голосъ, что-то взволнованно сообщавшій медику: Минутъ черезъ пять Х. снова вернулся въ избу.

— Что такое случилось?—спросилъ К—овъ.

— Приходила хожалка изъ больницы, говоритъ. „Матвѣй Алексѣевъ больно плохъ... должно кончается"...

— Что съ нимъ? Чѣмъ онъ боленъ? — спросилъ д-ръ Гранъ.

— По-моему—цынга въ тяжелой, запущенной формѣ,—сказалъ Х., — и больше ничего... Однако нужно пойти посмотрѣть.

И онъ началъ было прощаться, но мы выразили желаніе итти вмѣстѣ съ нимъ.

Больничка, помѣщавшаяся въ большой крестьянской избѣ, состояла изъ двухъ отдѣленій: мужского и женскаго. Сначала мы попадаемъ въ женское отдѣленіе.

Прежде всего невольно бросается въ глаза больная женщина съ мертвеннымъ цвѣтомъ лица. Рядомъ съ ней лежитъ другая—съ страшными отеками лица, рукъ и ногъ. Какъ оказывается, она больна уже цѣлые шесть мѣсяцевъ, слѣдовательно, цынга поразила ее еще въ октябрѣ мѣсяцѣ. Опухшія ноги были темносиняго цвѣта и твердыя, какъ дерево. Но она больше всего жалуется на ротъ.

— Во рту не годится... хлѣба не могу ѣсть, — съ трудомъ объясняетъ она намъ.

Въ женскомъ же отдѣленіи помѣщаются маленькія дѣти, также больныя цынгой... Видъ этихъ крошекъ, обезсиленныхъ цынгой, которая сдѣлала ихъ вялыми и неподвижными, страшно щемитъ сердце...

Но мы спѣшимъ въ мужское отдѣленіе, гдѣ, по словамъ К—ова, кромѣ Матвѣя Алексѣева, лежатъ еще крестьяне Соболевы съ необыкновенно тяжелыми формами цынги.

— Вотъ Матвѣй Алексѣевъ!—говоритъ г. Х., останавливаясь около крестьянина среднихъ лѣтъ, хорошаго роста, который неподвижно, какъ пластъ, лежитъ на нарахъ.

Заглянувъ въ лицо больного, мы въ ужасѣ останавливаемся передъ нимъ. Боже, что сдѣлала съ нимъ цынга! Восковое, какъ у мертвеца, лицо отекло и распухло до такой степени, что правый глазъ совсѣмъ не былъ виденъ, такъ какъ онъ исчезъ въ опухоли. Побѣлѣвшія губы невѣроятно распухли, особенно верхняя, которая стала толщиной съ руку средняго человѣка. Цынга буквально стерла образъ человѣческій съ лица этого несчастнаго. Ротъ былъ раскрытъ, но зубовъ не было видно, такъ какъ они совершенно исчезли въ нависшихъ, воспаленныхъ деснахъ. Изъ деcенъ безпрерывно сочилась кровь, стекая на бороду, которая вся была смочена кровью. Онъ лежалъ, не шевелясь, и былъ настолько слабъ, что хожалки рѣшили, что онъ „кончается“, и побѣжали за докторомъ...

Тутъ же на нарахъ, неподалеку отъ Матвѣя Алексѣева, лежали двое крестьянъ Соболевыхъ, изъ которыхъ у одного была контрактура ногъ, а у другого бросались въ глаза совершенно высохшія, безпомощно висѣвшія руки. Твердыя, точно выточенныя изъ кости или дерева ноги перваго Соболева были сведены въ колѣнѣ почти подъ прямымъ угломъ, такъ что онъ не имѣлъ никакой возможности ни разогнуть ихъ, ни встать на ноги.

— Пластомъ принесли въ больницу шесть человѣкъ,—пояснила намъ хожалка и тутъ же добавила, что Соболевыхъ и женщину съ отеками исповѣдывали и причащали, такъ какъ не надѣялись, что они выживутъ.

Когда мы выходили изъ больницы, насъ встрѣтили двѣ женщины, которыя обратились къ моему спутнику съ просьбой помочь имъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Ноги не годятся,—сказала одна изъ женщинъ указывая на обвязанныя тряпками ноги.

— А у тебя что?—спросилъ д-ръ Гранъ.

— Ротъ не годится,—прошамкала другая.

Все это были жертвы цынги, а слѣдовательно и голодовки. Такъ какъ потомъ, при обходѣ села, цынготные больные то и дѣло приставали къ доктору Грану, то меня заинтересовалъ вопросъ: почему больные ищутъ совѣта и помощи у проѣзжаго врача въ то время, когда у нихъ въ селѣ живетъ постоянный врачъ, спецiально командированный для борьбы съ цынгой. Не считаю нужнымъ скрывать, что при выясненiи этого вопроса, мнѣ, къ сожалѣнiю, пришлось услышать немало такихъ отзывовъ и разсказовъ, которые рисовали въ довольно непривлекательномъ свѣтѣ дѣятельность медика, командированнаго Краснымъ Крестомъ въ село Ташолку.

Такъ, между прочимъ, указывалось на крайне формальное и даже небрежное отношенiе, какое проявлялъ г. Х. къ своимъ пацiентамъ. Люди, заслуживающiе полнаго довѣрiя, разсказывали, что наскоро осмотрѣвъ больныхъ, онъ обыкновенно расточалъ имъ совѣты и наставленiя, примѣрно, въ такомъ родѣ:

— Вотъ вамъ порошки... вотъ пилюли... принимайте ихъ предъ обѣдомъ и ужиномъ.

Бѣдный молодой человѣкъ, очевидно, забывалъ даже, что огромное большинство его паціентовъ — „голодающіе“, у которыхъ, конечно, не было ни обѣда, ни ужина...

Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе, чтобы разсказать еще объ одной своей встрѣчѣ съ г. X. Спустя мѣсяца два послѣ посѣщенія мною Ташолки судьба снова случайно столкнула меня съ нимъ. Это было въ Самарѣ, въ вагонѣ почтоваго поѣзда Самаро-Златоустовской желѣзной дороги; я ѣхалъ съ цѣлью посѣтить столовыя, открытыя въ селахъ Троицкомъ и Воздвиженкѣ, Самарскаго уѣзда. Предъ самымъ отходомъ поѣзда въ вагонъ второго класса, гдѣ я сидѣлъ, вошелъ студентъ-медикъ, въ которомъ я тотчасъ же узналъ „дохтура“ г. X. Онъ выглядѣлъ еще щеголеватѣе, довольнѣе и самоувѣреннѣе, чѣмъ во время нашей первой встрѣчи въ селѣ Ташолкѣ.

Мнѣ показалось, что при видѣ меня молодой медикъ вдругъ какъ-то смутился. Я слышалъ, что вскорѣ послѣ нашего посѣщенія Ташолки г. X. былъ куда-то переведенъ. Быть-можетъ, онъ приписывалъ этотъ переводъ тому впечатлѣнію, которое мы вынесли изъ своего посѣщенія Ташолки и знакомства съ лицами, работавшими въ этомъ селѣ. Однако очень скоро онъ вполнѣ овладѣлъ собой, подошелъ ко мнѣ и тотчасъ же вступилъ въ бесѣду со свойственной ему непринужденностью.

Г. X. сообщилъ мнѣ, что онъ живетъ теперь въ Самарѣ и состоитъ въ распоряженіи не то уполно-

моченнаго Краснаго Креста, не то мѣстнаго управленія этого Общества — хорошо не помню. Во всякомъ случаѣ онъ очень доволенъ своимъ переводомъ въ Самару, такъ какъ здѣсь у него много знакомыхъ, начиная съ дома губернатора... Софья Борисовна постоянно приглашаетъ его на всѣ вечера и обѣды... Здѣсь очень порядочный театръ... много интересныхъ барышень... словомъ, здѣсь можно очень нескучно проводить время... но, конечно, это не то, что въ Петербургѣ, гдѣ онъ намѣренъ устроиться по возвращеніи отсюда... Онъ выбралъ себѣ спеціальность, которая, навѣрное, доставитъ ему хорошую, доходную практику. Ему извѣстны врачи, которые благодаря той же спеціальности — венерическія болѣзни,—зарабатываютъ большія деньги и въ короткое сравнительно время составляютъ цѣлыя состоянія...

Когда я слушалъ разсказы своего случайнаго спутника о самарскихъ развлеченіяхъ, о театрѣ, о вечерахъ и т. п., мнѣ невольно вспомнились тѣ молодыя, интеллигентныя барышни и пожилыя дамы, а также разные студенты, которые пріѣзжали къ намъ въ Самару во время голодовки съ цѣлью предложить свои услуги по организаціи помощи голоднымъ и больнымъ. О, какъ они были далеки тогда отъ всякаго желанія, даже отъ всякой мысли о развлеченіяхъ, о театрахъ и вечерахъ! Какъ они были полны стремленія возможно скорѣе попасть въ глухія села и деревни, населеніе которыхъ изнывало отъ нужды, голода и болѣзней!.. Точно пламенемъ они охвачены были однимъ страстнымъ желаніемъ—поскорѣе, чѣмъ только возможно, облегчить страданія людей, которые пухли отъ долгаго голода, отъ недостатка хлѣба, отъ цынги.

Нужно сказать, что въ Самару вообще довольно часто наѣзжаютъ разные гастролеры, „знатные ино-

странцы“, извѣстные пѣвцы и пѣвицы въ родѣ Яковлева, Мравиной, Фигнеръ, Фостремъ и т. д. Пріѣзжали они и во время голода, хотя значительно рѣже. Зная, какимъ огромнымъ обаяніемъ пользуются въ провинціи имена нашихъ оперныхъ знаменитостей, я иногда предлагалъ съѣхавшимся въ Самару молодымъ барышнямъ и пожилымъ дамамъ: не пожелаютъ ли онѣ отправиться въ театръ, чтобы послушать Яковлева или Мравину. Вѣдь это такой рѣдкій случай для лицъ, живущихъ въ провинціи.

Нужно было видѣть то искреннее недоумѣніе, съ какимъ встрѣчались подобныя предложенія. Выраженіе глазъ и лицъ, казалось, говорило: „Какъ! Неужели можно думать о театрѣ и пѣвицахъ *здѣсь*, *теперь*, когда въ 20 верстахъ отсюда опухшіе отъ голода и цынги люди напрасно ждутъ куска хлѣба и какой-нибудь помощи“...

Но люди *такого* закала обыкновенно не шли въ Красный Крестъ, они не хотѣли имѣть ничего общаго съ этимъ учрежденіемъ, и предпочитали работать на пользу народа самостоятельно и свободно. Лучшая часть русскаго общества уже въ то время относилась отрицательно, съ явнымъ недовѣріемъ къ дѣятельности Краснаго Креста,—насквозь проникнутой бюрократическимъ характеромъ. Разныя приманки, въ родѣ крупныхъ окладовъ и значительныхъ гонораровъ, съ помощью которыхъ Красный Крестъ старался привлечь къ себѣ энергичныхъ и дѣльныхъ сотрудниковъ—не имѣли особенной цѣны въ глазахъ той части общества, которая шла на голодъ, будучи воодушевлена чисто идейными стремленіями.

Но вернемся въ Ташолку и посѣтимъ вмѣстѣ съ „экономомъ“ устроенныя имъ столовыя для дѣтей „голодающихъ“.

X.

Дѣтскія столовыя.

Ежедневно, ровно въ половинѣ двѣнадцатаго, раздается ударъ церковнаго колокола, по которому всѣ дѣти, обѣдающія въ столовыхъ, направляются туда со всѣхъ сторонъ. На столовыхъ самарскаго частнаго кружка развѣвается бѣлый флагъ съ красными буквами: С. Ч. К. Для тѣхъ дѣтей, которыя по малолѣтству не могутъ ходить, пищу берутъ ихъ родные, взрослые члены семьи, приходя ежедневно въ столовыя съ кувшинами и мѣшечками, иногда съ чашками для второго блюда.

Если мы посѣтимъ одну изъ такихъ столовыхъ, то мы будемъ имѣть представленіе о всѣхъ.

Хорошая, большая, свѣтлая изба, съ русской печью въ углу. Около огромнаго котла, вмазаннаго въ печь, суетятся двѣ кухарки или „стряпухи"—хозяйки избы,—чисто и опрятно одѣтыя женщины. Одна изъ нихъ большой деревянной ложкой помѣшиваетъ въ котлѣ, изъ котораго матовыми клубами поднимается паръ, расплывающійся въ комнатномъ воздухѣ.

Въ переднемъ углу избы за столомъ сидитъ молодой крестьянинъ, дѣлая отмѣтки карандашомъ въ лежащемъ предъ нимъ спискѣ. Это списокъ крестьянъ, дѣти которыхъ пользуются столовыми; противъ каждой фамиліи обозначено число дѣтей и количество

порцій, какое въ правѣ получить каждая семья. Одному—ковшъ похлебки и фунтъ хлѣба, другому—два ковша и два фунта хлѣба и т. д.

— Это мой помощникъ по завѣдыванію столовой, выбранный самими крестьянами, — отрекомендовалъ К—овъ молодого человѣка, сидѣвшаго за столомъ.

Желая возможно ближе заинтересовать крестьянъ въ дѣлѣ столовыхъ и привлечь ихъ къ непосредственному участію въ этомъ дѣлѣ, К—овъ обратился къ сельскому обществу съ просьбой назначить ему помощниковъ по завѣдыванію столовыми изъ среды самихъ сельчанъ. Вслѣдствіе этого общество избрало по одному человѣку на каждую столовую.

Ежедневно К—овъ вмѣстѣ съ своими помощниками составляетъ расписаніе всѣхъ продуктовъ, необходимыхъ на извѣстный день: сколько слѣдуетъ положить въ котелъ, сколько нужно хлѣба. Выбранный крестьянами завѣдующій столовой развѣшиваетъ хлѣбъ и выдаетъ по одному фунту на каждаго обѣдающаго. Расписаніе продуктовъ и количества необходимаго хлѣба съ указаніемъ числа обѣдающихъ вывѣшивается на стѣнѣ въ столовой. Согласно этого расписанія, К—овъ выдаетъ продукты кухаркамъ или стряпухамъ на нѣсколько дней, а именно: муку, пшено, масло, горохъ и т. д.

Стряпуха, въ присутствіи завѣдующаго столовой, кладетъ въ котелъ продукты, согласно расписанія, которое виситъ на стѣнѣ. Затѣмъ завѣдующій столовой ежедневно составляетъ записку на клочкѣ бумаги о всѣхъ продуктахъ, положенныхъ въ котелъ и вообще истраченныхъ въ теченіе отчетнаго дня. Такъ какъ двое изъ завѣдующихъ столовыми не знаютъ грамотѣ, то записки для нихъ пишутся школь-

никами изъ числа пользующихся обѣдами въ столовыхъ.

Благодаря такой отчетности, „экономъ",—какъ зовутъ крестьяне студента К—ова,—въ каждый данный моментъ можетъ знать, сколько продуктовъ израсходовано, сколько должно быть на рукахъ у стряпухъ и сколько остается налицо въ складѣ. Отчетность въ израсходованіи продуктовъ и денегъ ведется отдѣльно по каждой столовой и общая по всему селу. Формы отчетности выработаны завѣдующимъ участкомъ г. Гакичко, совмѣстно съ В. Ѳ. К—овымъ.

Обѣдающіе собираются въ столовой; сюда же приходятъ всѣ тѣ, которые получаютъ пищу на домъ. „Завѣдующій", какъ мѣстный житель, знаетъ въ лицо всѣхъ пользующихся безплатными обѣдами; поэтому никакихъ недоразумѣній тутъ возникнуть не можетъ. Да и сама стряпуха успѣла уже запомнить, кому и сколько ковшей похлебки или порцій каши слѣдуетъ отпускать. Пища доставляется на домъ горячей, такъ какъ каждая столовая обслуживаетъ сравнительно небольшой районъ.

— Что же у васъ сегодня готовится на обѣдъ?—спрашиваю я „эконома".

— О, у насъ сегодня зеленыя щи изъ свѣжей крапивы,—не безъ гордости заявляетъ Владиміръ Ѳедоровичъ.—Не знаю только, удались ли?..

— А ты попробуй, — весело говоритъ одна изъ стряпухъ и протягиваетъ „эконому" деревянную, грубо выдѣланную ложку.

Экономъ пробуетъ горячую жидкость и находитъ, что „щи важныя".

Пробуетъ хлѣбъ. Онъ хорошъ, хотя, несомнѣнно, могъ быть лучше, но, по объясненію К—ова, мука

на этотъ разъ оказалась не совсѣмъ удачной. Поставщикъ, мелекескій купецъ Сергѣевъ, доставилъ плохую муку.

— У васъ ежедневно по два блюда на обѣдъ? — спрашиваю я.

— Нѣтъ, у насъ пять дней въ недѣлю готовится по два блюда и два дня — въ среду и пятницу — по одному блюду.

— У тебя Владиміръ Өедоровичъ, лукъ-отъ зеленый скоро, чай, поспѣетъ?—сказала стряпуха, обращаясь къ эконому.

— Скоро долженъ поспѣть,—отвѣчалъ тотъ.

— Какой лукъ?—спросилъ я студента.

— А я посадилъ здѣсь луку полтора пуда, — сказалъ К—овъ. Дѣло въ томъ, что всѣ огороды здѣсь до сихъ поръ стоятъ пустыми, такъ какъ ни у кого изъ крестьянъ нѣтъ сѣмянъ: ни капусты, ни картофеля, ни луку...

Острая нужда въ хлѣбѣ и овощахъ почувствовалась въ Ташолкѣ еще ранней осенью. Первые случаи заболѣванія цынгой, какъ мы видѣли, относятся къ октябрю мѣсяцу. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ у крестьянъ исчезали послѣдніе запасы отъ прошлыхъ лѣтъ, нужда постепенно росла и увеличивалась. Между тѣмъ земская продовольственная помощь достигла Ташолки только въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда была выдана въ первый разъ правительственная ссуда на 973 ѣдока. Затѣмъ въ январѣ ссуда была выдана на 1.003 ѣдока, въ февралѣ — на 1.008 ѣдоковъ, въ мартѣ—на 1.010, въ апрѣлѣ на 883, въ маѣ и іюнѣ на 1.006 ѣдоковъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ ссуда уже не выдавалась.

Что же касается частной помощи, то она явилась

въ Ташолку *только весной*, а именно первая столовая была открыта К—овымъ лишь 30 марта. Такимъ образомъ всю осень и первые зимніе мѣсяцы народъ голодалъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Если бы помощь была оказана своевременно, то, конечно, цынга не могла бы развиться здѣсь и не проявилась бы въ такихъ тяжелыхъ, ужасныхъ формахъ.

Первая столовая была открыта на 65 человѣкъ дѣтей; но на слѣдующій же день число обѣдающихъ дѣтей возрасло до 116. Затѣмъ 1 апрѣля кормилось 275 дѣтей, 2 апрѣля—334, съ 9 апрѣля—408, а въ моментъ нашего пріѣзда въ Ташолку, въ половинѣ апрѣля, въ четырехъ столовыхъ самарскаго кружка кормилось 412 человѣкъ дѣтей въ возрастѣ отъ одного года до 13 лѣтъ.

Кромѣ этого, во время нашего пріѣзда въ Ташолку, тамъ дѣйствовали пять столовыхъ Краснаго Креста, изъ которыхъ въ четырехъ кормились „лица съ ослабленнымъ питаніемъ“ въ числѣ 200 человѣкъ, а въ пятой — больные цынгой въ количествѣ 50 человѣкъ. Первыми четырьмя столовыми завѣдывалъ мѣстный священникъ—о. Смирновъ, а цынготной столовой—студентъ-медикъ г. X.

Но такъ какъ всѣ эти столовыя возникли лишь въ самое послѣднее время, то само собой понятно, что онѣ не могли предупредить появленія и развитія здѣсь цынги, почва для которой была подготовлена въ теченіе осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ.

Съ другой стороны, необходимо имѣть въ виду, что столовыя Краснаго Креста, благодаря крайне недостаточнымъ продовольственнымъ нормамъ, которыя были приняты въ нихъ, совсѣмъ не достигали профилактической цѣли и не могли задерживать раз-

витіе цынги. Достаточно сказать, что въ столовыхъ, устраиваемыхъ Краснымъ Крестомъ для лицъ съ ослабленнымъ питаніемъ, совсѣмъ не полагалось мяса; вмѣсто него употреблялось *сало*. Въ щи и кулешъ вмѣсто мяса клали два золотника сала на каждаго обѣдающаго. Затѣмъ и всѣ другіе продукты, въ родѣ капусты, гороха, пшена и т. п., отпускались въ значительно меньшемъ количествѣ, чѣмъ требуетъ нормальный пищевой паекъ, установленный гигіеной, тотъ паекъ, который является пищевымъ minimum, при соблюденіи котораго организмъ приходитъ въ равновѣсіе обмѣна веществъ *).

— Наша цѣль только подкармливать голодныхъ, чтобы не дать имъ умереть голодной смертью, — откровенно заявляли по этому поводу представители Краснаго Креста.—Дать больше этого мы, къ сожалѣнію, не можемъ, такъ какъ не имѣемъ средствъ.

Кормленіе въ столовыхъ, устраиваемыхъ самарскимъ частнымъ кружкомъ, было обставлено несравненно лучше, вполнѣ согласно съ требованіями гигіены; въ нихъ на каждаго обѣдающаго полагалось по $^{1}/_{4}$ фунта мяса; большею частью обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ, между тѣмъ какъ въ Красномъ Крестѣ давалось лишь одно блюдо,—чаще всего прѣсная, малопитательная „кашица“, состоявшая изъ пшена и сала. Понятно, что населеніе, принужденное пользоваться даровымъ кормленіемъ, особенно цѣнило столовыя, устраиваемыя частнымъ кружкомъ.

Въ Ташолкѣ отношенія народа къ столовымъ кружка были самыя лучшія. Крестьяне очень охотно, по

*) Подробнѣе объ этомъ см. статью д-ра Кряжимскаго въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1900 годъ, № 1-й.

первому слову наряжали подводы за провизіей, всегда безплатно, хотя лошади были страшно обезсилены безкормицей. Однажды былъ даже случай, что лошадь пала, не дойдя до села. Къ своему „эконому изъ студентовъ“ крестьяне относились самымъ любовнымъ образомъ.

Въ Ташолкѣ намъ случайно пришлось столкнуться съ представителями двухъ противоположныхъ типовъ студентовъ, работавшихъ на голодѣ. Отмѣчая свѣтлыя, отрадныя стороны глубоко-симпатичнаго общественнаго явленія, я въ то же время отнюдь не желалъ утаивать, не жалалъ скрывать и о его темныхъ сторонахъ. А онѣ, конечно, были, какъ бываютъ, къ сожалѣнію, во всякомъ дѣлѣ, во всякомъ движеніи какъ бы ни было послѣднее идеально и возвышенно въ своихъ основахъ, по своимъ внутреннимъ мотивамъ. Гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣни. И чѣмъ ярче и свѣтлѣе день, тѣмъ рѣзче и опредѣленнѣе тѣни...

Еще по поводу голодовки 1891—92 года покойный Н. К. Михайловскій, говоря о томъ высокомъ подъемѣ духа, который заставлялъ молодежь того времени итти въ глушь нашихъ селъ и деревень на помощь населенію, страдавшему отъ голода и тифа, противопоставлялъ эту молодежь тѣмъ „ремесленникамъ медицины“ и „приказчикамъ продовольствія“, которые, пристроившись къ живому, великому дѣлу, вносили въ него лишь сухой, бездушный формализмъ.

Конечно, и въ голодовку 1898—99 года можно было встрѣтить тѣхъ же „ремесленниковъ медицины“, тѣхъ же „приказчиковъ продовольствія“, а кромѣ нихъ еще не мало другихъ профессіональныхъ „акробатовъ благотворительности“, которые, съ апломбомъ выступая подъ флагомъ помощи народу, заботились

о достиженіи лишь своихъ собственныхъ мелкихъ, личныхъ цѣлей, цѣлей карьеры и рекламы.

Само собою разумѣется, что подобные типы выходили не изъ среды молодежи. И потому я непремѣнно долженъ сдѣлать здѣсь оговорку, которую и прошу имѣть въ виду всѣхъ тѣхъ, въ чьи руки попадетъ этотъ очеркъ, а именно, что среди молодежи, работавшей на голодѣ, типъ въ родѣ г. X. являлся *рѣдкимъ исключеніемъ.*

Огромное же большинство студентовъ, молодыхъ врачей, фельдшерицъ, сестеръ милосердія шли въ поволжскія степи, воодушевленные искреннимъ желаніемъ облегчить страданія, нужду и горе народа, разореннаго неурожаями и голодовкой, шли бороться съ болѣзнями и эпидеміями, нерѣдко рискуя собственнымъ здоровьемъ и даже жизнью...

Большинство этихъ лицъ не желали ограничивать свою дѣятельность тѣми узкими рамками, которыя въ этомъ случаѣ ставили комитетъ самарскаго частнаго кружка и управленіе Краснаго Креста, но по мѣрѣ силъ старались помогать населенію, пораженному голодовкой, всѣми способами, всѣми средствами...

Устраивая столовыя для дѣтей, стариковъ и старухъ или, съ другой стороны, для лицъ съ ослабленнымъ питаніемъ, они въ то же время лѣчили и ухаживали за больными цынготными и тифозными, организовали ясли, пріюты и продовольственные пункты, старались всячески помогать крестьянамъ, разореннымъ неурожаями и голодовкой, покупали имъ лошадей, коровъ, выкупали имъ одежду, сбрую, топоры, пилы, сохи, самовары, которые были заложены бѣдняками подъ давленіемъ нагрянувшей жестокой нужды, покупали для нихъ сѣмена овощей,

картофеля, капусты, пріобрѣтали плуги, кое-гдѣ пытались устраивать нѣчто въ родѣ домовъ трудолюбія и мастерскихъ и т. д., и т. д.

Но особенно кипучей энергіей и полнымъ, беззавѣтнымъ самоотверженіемъ отличалась дѣятельность именно учащейся молодежи — студентовъ и слушательницъ разныхъ курсовъ... Мы увѣрены, что этотъ отзывъ подтвердятъ всѣ тѣ, кому пришлось болѣе или менѣе близко стоять къ дѣлу организаціи помощи голодающимъ „въ кампанію" 1898—99 года. Съ своей стороны мы надѣемся со временемъ еще разъ вернуться къ этому вопросу и посвятить ему особый очеркъ, въ которомъ приведемъ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи факты и данныя, болѣе подробно рисующіе дѣятельность учащейся молодежи въ голодовку 1898—99 года.

XI.

Эпидемическій врачъ.

Мы уже шестой день въ пути. За это время мы посѣтили цѣлый рядъ селъ и деревень: Куроѣдово, Вишенки (бывшее имѣніе Ив. С. Аксакова), Мордово озеро, Мулѣевъ врагъ, Филипповку, Новую Майну, посадъ Мелекесъ, село Сабакаево, Лебяжье, Новую Маныклу, Александровку и т. д.

И почти во всѣхъ этихъ селахъ мы встрѣчали массы людей, влачившихъ голодное и полуголодное существованіе, больныхъ, истощенныхъ, опухшихъ отъ цынги, обезображенныхъ ею...

Въ четвергъ, 22 апрѣля, мы подъѣзжали къ Сентемирамъ.

Стояло ясное, чудное утро. Изъ глубины темносиняго неба молодое весеннее солнце сыпало на зеленѣющую степь миріады лучей яркихъ, блестящихъ, но не знойныхъ и жгучихъ, какъ лѣтомъ, а мягкихъ и ласкающихъ. Купаясь въ этихъ лучахъ, спиралью поднимаясь къ небу, жаворонки заливались звонкими ликующими трелями, точно привѣтствуя и воспѣвая эту ширь степную, это приволье и свободу... Кстати: если соловей у насъ слыветъ пѣвцомъ любви, то жаворонокъ, по всей справедливости, долженъ быть признанъ пѣвцомъ свободы...

Тройка крупныхъ, сытыхъ лошадей изъ сосѣдней

помѣщичьей усадьбы мчала насъ въ татарское село Сентемиры, сильно пострадавшее отъ неурожая. Ровная, гладкая безлѣсная степь широко раскинулась передъ нами. Вокругъ — ни кустика. Только вдали чуть замѣтной лентой вилась рѣчка Черемшанъ, на берегу которой чернѣлъ лѣсъ, принадлежащій удѣлу.

— А гдѣ мы остановимся въ Сентемирахъ?—спросилъ я своего спутника, доктора Г—на, завѣдывающаго санитарнымъ бюро самарскаго губернскаго земства.

— Поѣдемъ прямо къ доктору Яблонскому. Онъ работаетъ здѣсь съ февраля мѣсяца, и отъ него мы можемъ получить всѣ свѣдѣнія, необходимыя намъ.

Докторъ Яблонскій состоялъ „эпидемическимъ врачомъ“ самарскаго земства. Такъ называются врачи, которые приглашаются земствомъ на время для борьбы съ той или другой эпидеміей.

Я уже ранѣе много слышалъ о дѣятельности г. Яблонскаго въ качествѣ эпидемическаго врача, о необыкновенной энергіи, которую онъ проявилъ, будучи командированъ на цынгу. Особенно много пришлось поработать ему и состоящимъ при немъ фельдшерицамъ на первыхъ порахъ по пріѣздѣ въ Сентемиры, когда предстояла необходимость выяснить размѣры цынги и общее состояніе здоровья населенія, а также экономическія условія и степень нужды.

Въ этихъ видахъ г. Яблонскій, вмѣстѣ съ фельдшерицами, обошелъ всѣ дворы во всѣхъ трехъ Сентемирахъ, а также въ сосѣднихъ селеніяхъ Старо-Бѣсовкѣ и Малой-Ивановкѣ, — всего болѣе тысячи дворовъ,—и лично осмотрѣлъ всѣхъ больныхъ. Ежедневно въ 9 часовъ утра выходили они изъ дома и начинали свой обходъ крестьянскихъ избъ, что̀ про-

должалось до 7 час. вечера. При этомъ ими были собраны по особой программѣ, составленной врачомъ Яблонскимъ, чрезвычайно подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія, касающіяся санитарнаго и экономическаго положенія населенія.

По вечерамъ же имъ приходилось работать надъ группировкой собранныхъ свѣдѣній, приведеніемъ ихъ въ порядокъ, заниматься составленіемъ списковъ крестьянъ, нуждающихся въ усиленномъ питаніи и лѣченіи, приготовленіемъ лѣкарствъ для больныхъ и т. д. Вслѣдъ затѣмъ они должны были немедленно же приступить къ устройству и открытію безплатныхъ столовыхъ и больничекъ для цынготныхъ, нанять подходящія помѣщенія, пріискать хожалокъ, позаботиться о доставкѣ свѣжей и доброкачественной провизіи и проч. Все это требовало отъ нихъ еще нѣсколько лишнихъ часовъ труда въ день; такимъ образомъ имъ приходилось проводить за работой по 15—16 часовъ въ сутки и даже болѣе...

Кучеръ осадилъ лошадей у крайней избы, глядѣвшей тремя окнами прямо въ степь. Изба эта отличалась отъ другихъ только тѣмъ, что она была новая, видимо недавно построенная и потому не успѣвшая еще почернѣть и загрязниться.

Насъ встрѣтилъ на крыльцѣ докторъ Яблонскій, молодой человѣкъ, крѣпкій и бодрый, одѣтый въ синюю кубовую рубаху и высокіе сапоги. Онъ пригласилъ насъ въ избу и познакомилъ съ своей женой, молодой и цвѣтущей блондинкой съ открытымъ симпатичнымъ лицомъ, въ кофточкѣ яркаго цвѣта.

Конечно, тотчасъ же начались разспросы и толки на темы о голодовкѣ, неурожаѣ и цынгѣ.

— Плохія дѣла здѣсь у насъ, — отвѣчалъ докторъ

Яблонскій на наши вопросы. — Неурожай въ Сентемирахъ (въ 1898 г.) былъ полный: не родилось ни хлѣбовъ, ни травъ. Притомъ же населеніе, за весьма рѣдкими исключеніями, совершенно не имѣло запасовъ отъ предыдущихъ годовъ. Вслѣдствіе этого къ осени народъ очутился въ крайне критическомъ положеніи: во многихъ семьяхъ хлѣба могло хватить не болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, а у значительнаго большинства и совсѣмъ его не было. Скотъ кормить было нечѣмъ. Всѣ кинулись продавать его, конечно, за безцѣнокъ. Сельскіе базары были переполнены скотомъ; коровы, лошади, овцы, свиньи продавались чуть не за гроши,—тѣмъ не менѣе, покупателей не было.

— Почему же богатые, зажиточные крестьяне, купцы, наконецъ, не покупали скотъ?

— Очень понятно почему, — отвѣчалъ г. Яблонскій: — кормà были чудовищно дороги, а для убоя брать было нельзя, такъ какъ стояла теплая, дождливая осень. Очутившись въ безвыходномъ положеніи, крестьяне начали сами рѣзать скотъ, но и тутъ ихъ ждала, конечно, бѣда: вслѣдствіе теплой осени мясо все сгнило. Съ октября мѣсяца начали выдавать земскую ссуду, но при этомъ, какъ извѣстно, всѣ лица рабочаго возраста лишены были права на полученіе ссуды. При этихъ условіяхъ ссуда, особенно въ семьяхъ со многими работниками, оказалась болѣе чѣмъ недостаточной и отнюдь не спасала населеніе отъ недоѣданія и голодовки. Крестьяне начали продавать и закладывать все мало-мальски лишнее: болѣе цѣнную одежду, самовары, перины, и т. п. Между тѣмъ нужда съ каждымъ днемъ росла и становилась все острѣе. Нужно думать, что въ де-

кабрѣ мѣсяцѣ появились первые случаи заболѣванія цынгой, но они оставались необнаруженными.

— А когда Красный Крестъ пришелъ на помощь?— спросилъ я.

— Только въ январѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ съ февраля начали выдавать продовольственную ссуду и на работниковъ, но время уже было упущено, здоровье населенія было подорвано, и потому цынга начала косить, начала широко распространяться по селамъ.

Признавая, что этіологія цынги далеко еще не выяснена въ должной степени, докторъ Яблонскій тѣмъ не менѣе утверждалъ, что главной причиной появленія и сильнаго развитія цынги слѣдуетъ считать, какъ онъ осторожно выражался, „недостаточное питаніе". Всѣ же остальные факторы, которымъ обыкновенно приписывается болѣе или менѣе важное значеніе, по его мнѣнію, врядъ ли играли большую роль въ дѣлѣ развитія цынги.

Внимательно сдѣдя за ходомъ болѣзни, за всѣми ея проявленіями, г. Яблонскій подмѣчалъ такіе явленія и факты, которые совершенно не укладывались въ общепринятыя рубрики и не поддавались объясненію съ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя считались болѣе или менѣе установленными.

Такъ, напримѣръ, заболѣванія цынгою встрѣчались,—хотя, разумѣется, въ гораздо меньшемъ числѣ,—и въ болѣе зажиточныхъ семьяхъ. Были случаи даже, когда цынгою заболѣвали и очень богатые люди. Впослѣдствіи въ подробномъ отчетѣ о своей дѣятельности *) докторъ Яблонскій указывалъ, что

*) „Врачебная хроника Самарской губерніи" 1900 г., № 2, изданіе самарской губернской земской управы.

ему приходилось наблюдать больныхъ цынгой „въ семьяхъ, имѣвшихъ на нѣсколько сотъ и даже тысячъ пудовъ хлѣба, много скота, въ семьяхъ, которыя ежедневно питались хорошей пищей, мясомъ въ достаточномъ количествѣ",—словомъ, въ такихъ семьяхъ, на благосостояніи которыхъ неурожай и голодовка не могли отразиться въ сколько-нибудь замѣтной степени.

Съ другой стороны, „въ семьяхъ, безусловно нуждающихся, нищихъ, не наблюдалось иногда ни одного случая цынги, несмотря на видимое истощеніе членовъ этихъ семей". „Чѣмъ объяснить эти факты?"—спрашиваетъ г. Яблонскій.—„Затѣмъ далѣе,—пишетъ онъ,—если признавать цынгу за болѣзнь, (всецѣло) происходящую отъ недостаточнаго питанія, то мы должны бы, повидимому, наблюдать всегда такое теченіе болѣзни: сначала истощеніе организма въ бóльшей или мéньшей степени, а затѣмъ уже тѣ или другіе симптомы цынги, и опять-таки въ извѣстной постепенности, отъ болѣе легкихъ къ болѣе тяжелымъ... Между тѣмъ мнѣ не разъ приходилось наблюдать такіе случаи: является субъектъ самаго цвѣтущаго вида, полный, упитанный. При первомъ взглядѣ даже и не подумаешь о цынгѣ. И вдругъ при осмотрѣ оказывается цынга, да еще зачастую въ тяжелой формѣ, съ инфильтратами на ногахъ, съ пораженіемъ суставовъ. Какъ это объяснить?" *)

Однако, эти отдѣльные случаи отнюдь, конечно, не могутъ поколебать того наблюденія, которое сдѣлано огромнымъ большинствомъ врачей, работавшихъ тогда, а именно, что появленію цынги въ массѣ на-

*) Тамъ же, стр. 19—20.

селенія всегда предшествуетъ извѣстный, болѣе или менѣе продолжительный періодъ хроническаго недоѣданія или же плохого, недостаточнаго и черезчуръ однообразнаго питанія. Прямая и тѣсная зависимость между развитіемъ цынги и тяжелымъ экономическимъ положеніемъ населенія, между прочимъ, наглядно и ярко выяснена и г. Яблонскимъ въ его отчетѣ цѣлымъ рядомъ статистическихъ таблицъ, показывающихъ, какъ отразилось разстройство имущественнаго благосостоянія жителей въ разныхъ селеніяхъ на бо̀льшемъ или мѐньшемъ распространеніи цынги.

На мой вопросъ: какъ велико у нихъ число больныхъ цынгой,—докторъ Яблонскій отвѣчалъ:

— Сейчасъ у насъ, т.-е. въ Сентемирахъ и въ Старо-Бѣсовкѣ, около 400 человѣкъ цынготныхъ.

— Это ужасно!—невольно вырвалось у меня.—Но скажите, докторъ: уменьшается ли, по крайней мѣрѣ, число больныхъ?

— Я могу только сказать, что *до сихъ поръ* оно все росло. Когда я пріѣхалъ сюда, то засталъ здѣсь 60 человѣкъ цынготныхъ, которые были зарегистрированы до моего пріѣзда. Затѣмъ, въ теченіе слѣдующихъ двухъ недѣль число ихъ возросло до 200 человѣкъ. Теперь, какъ я уже сказалъ, 400 человѣкъ больныхъ... Впрочемъ, сейчасъ цынга какъ будто начинаетъ останавливаться; по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе дни новыхъ больныхъ не прибываетъ.

Борьба съ цынгой и плохимъ питаніемъ идетъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ посредствомъ столовыхъ и больничекъ.

— Сейчасъ у меня восемь больничекъ,—говорилъ г. Яблонскій,—но я долженъ сказать, что число это

колеблется, такъ какъ я открываю и закрываю ихъ по мѣрѣ надобности. Какъ только зарегистровываются новые тяжело-больные, а мѣстъ въ существующихъ больничкахъ нѣтъ,—я немедленно же нанимаю подходящее помѣщеніе (часто даже у кого-нибудь изъ больныхъ), приспособляю его, нанимаю или перевожу изъ другой больницы хожалку, и на слѣдующій же день больничка готова и тотчасъ же наполняется больными... Надобность минуетъ, и больница закрывается или же переводится въ другое мѣсто.

Мы поинтересовались узнать, на какихъ условіяхъ снимаются у крестьянъ помѣщенія подъ больнички.

— Обыкновенно рубля за три въ мѣсяцъ,—отвѣчалъ докторъ Яблонскій. — Въ эту плату входитъ отопленіе, вода, самовары и услуги хозяевъ. Не правда ли, очень недорого?.. Но въ чемъ здѣсь встрѣчается большой недостатокъ, такъ это въ русскихъ умѣлыхъ хожалкахъ. Въ виду этого приходится назначать имъ сравнительно большую (конечно, по мѣстнымъ цѣнамъ) плату, а именно, отъ 5 до 8 рублей въ мѣсяцъ на ихъ харчахъ. За эту плату почти всегда можно найти такихъ хожалокъ, которыя будутъ дорожить своимъ мѣстомъ и добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ.

Кромѣ больницъ, въ Сентемирахъ было десять столовыхъ для больныхъ цынгой и двѣнадцать столовыхъ „дѣтско-народныхъ“, для дѣтей и взрослыхъ съ ослабленнымъ питаніемъ. Всего въ этихъ столовыхъ кормилось 500 дѣтей и 350 больныхъ цынгой. Ближайшимъ образомъ столовыми завѣдуютъ муллы, подъ контролемъ врача и фельдшерицъ. Дѣло ведется хорошо, никакихъ недоразумѣній не возникаетъ. Одно только крайне огорчаетъ медицинскій персо-

налъ: это именно уменьшеніе мясной порціи для цынготныхъ,—на чемъ настояла администрація Краснаго Креста.

На первыхъ порахъ цынготнымъ больнымъ давали ½ фунта мяса, одну чайную чашку капусты, ¼ фунта картофеля, одну или двѣ луковицы, 2 фунта хлѣба, уксусъ, перецъ и соль. Но Красный Крестъ нашелъ эту порцію слишкомъ обильной и дорого стоящей, а потому потребовалъ наполовину уменьшить мясную порцію, вслѣдствіе чего пришлось давать уже не ½ фунта мяса, а только ¼ фунта. И хотя всѣ врачи, особенно земскіе, категорически высказывались противъ такого уменьшенія, тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, они принуждены были подчиниться распоряженію, шедшему свыше, — конечно, въ тѣхъ столовыхъ, которыя содержались на средства Краснаго Креста.

Докторъ Яблонскій горячо нападалъ на порядокъ, при которомъ населеніе, до послѣдней степени изнуренное и обезсилѣвшее, кормили одной „кашицей“ съ саломъ, а мясо давалось чудь не гемеопатическими дозами.

— Вездѣ,—говорилъ онъ,—гдѣ кормили этой кашицей—всегда появлялась цынга. Между тѣмъ и до сихъ поръ во многихъ столовыхъ Краснаго Креста продолжаютъ кормить одной кашицей съ саломъ. Въ этомъ, между прочимъ, нужно видѣть одну изъ причинъ, почему цынга до сихъ поръ не поддается лѣченію, почему она не только не уменьшается, а наоборотъ, растетъ все болѣе и болѣе.

— У насъ,—разсказывалъ д-ръ Яблонскій,—очень часто бывали случаи, когда цынготный больной, благодаря хорошему питанію въ больницѣ, поправлялся

и уходилъ изъ больницы здоровымъ. Но проходилъ мѣсяцъ, и тотъ же больной возвращался снова въ больницу съ сильно развитою цынгой...

На этой почвѣ въ теченіе всей этой болѣзни происходила постоянная и упорная борьба представителей, съ одной стороны, земской медицины, съ другой—Краснаго Креста. Послѣдніе нерѣдко прямо и откровенно заявляли, что ихъ цѣль—только поддерживать населеніе, не давать ему погибать, умирать съ голоду. При этомъ въ оправданіе себѣ они обыкновенно ссылались на крайній недостатокъ средствъ, отпускавшихся въ ихъ распоряженіе.

Но публикѣ было хорошо извѣстно, какія огромныя средства шли въ Красномъ Крестѣ на жалованье уполномоченныхъ и особенно главноуполномоченныхъ, на ихъ поѣздки, разъѣзды и т. д.

XII.

Голодающіе татары.

Неурожай и голодовка 1898—99 года, какъ мы уже упоминали, всего тяжелѣе отозвались на татарскомъ населеніи. Отсюда понятно, почему цынга главнымъ образомъ поражала татаръ. Въ Старо-Бѣсовской волости, въ районъ которой входятъ Сентемиры, больныхъ цынгою было зарегистрировано 687 человѣкъ, при чемъ по народностямъ число это распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

	Наличныхъ душъ.	Больныхъ цынгой.	% больныхъ.
Гатары . . .	4.272	649	15%
Мордва . . .	1.666	35	2%
Русскіе . . .	157	3	2%
Всего . . .	6.095	687	11%

Такимъ образомъ, изъ 687 человѣкъ больныхъ цынгой татаръ было 649. Рѣшающее значеніе въ этомъ случаѣ имѣли, конечно, экономическія причины,—крайняя необезпеченность татарскаго населенія въ матеріальномъ отношеніи,—но необходимо признать, что, кромѣ чисто экономическихъ причинъ, не малую роль играли здѣсь и нѣкоторыя бытовыя условія и особенности склада татарской жизни, въ числѣ которыхъ прежде всего слѣдуетъ указать на семейное и общественное положеніе татарскихъ жен-

щинъ, ихъ затворничество и приниженное, почти рабское состояніе.

Татарки вынуждены все время проводить дома, въ тѣсныхъ и душныхъ избахъ; онѣ почти совсѣмъ не выходятъ на воздухъ, не показываются на улицѣ, не имѣютъ права даже посѣщать мечети, а должны молиться дома. Питаются татарскія женщины лишь остатками отъ трапезы мужчинъ. Г. Яблонскій разсказываетъ, что „въ татарскомъ населеніи, при постепенномъ истощеніи запасовъ, прежде всего начинаютъ недоѣдать женщины: мужчины ѣдятъ прежде женщинъ, съѣдаютъ лучшую пищу и большее количество. Женщины питаются остатками и къ тому же дѣлятся лучшими кусочками съ дѣтьми. Съ дальнѣйшимъ истощеніемъ запасовъ, когда нужда обостряется, начинаютъ хворать уже дѣти и женщины, а за ними мужчины“.

Благодаря указаннымъ условіямъ, огромный процентъ заболѣваній цынгою выпадаетъ на долю именно татарскихъ женщинъ. По вычисленію д-ра Яблонскаго, въ среднемъ выводѣ этотъ процентъ равняется 74% общаго числа больныхъ цынгою, тогда какъ относительно мужчинъ процентъ этотъ достигаетъ лишь 26. Процентъ больныхъ женщинъ колеблется по селеніямъ отъ 83, какъ, напримѣръ, въ Старо-Бѣсовкѣ, до 66, какъ это было въ Старомъ-Сентемирѣ, а процентъ больныхъ мужчинъ—отъ 17 до 34. Что касается возраста больныхъ цынгою, то преобладали заболѣванія въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ и отъ 30 до 40 лѣтъ. Слѣдовательно, наибольшее число заболѣваній падаетъ на рабочій возрастъ.

Пользуясь отчетомъ д-ра Яблонскаго, мы постараемся намѣтить здѣсь хотя краткую характеристику

сентемировскихъ татаръ, ихъ культурной и экономической жизни. Какъ мы уже замѣтили, населеніе въ Сентемирахъ—сплошь татарское. Русскіе встрѣчаются здѣсь только среди торговцевъ, писарей и т. п. Разговорный языкъ—татарскій, хотя мужчины почти всѣ говорятъ или, по крайней мѣрѣ, хорошо понимаютъ по-русски. Но женщины въ большинствѣ случаевъ совершенно не знаютъ русскаго языка. Немногіе русскіе, проживающіе здѣсь, также предпочитаютъ говорить при сношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ по-татарски.

Во всѣхъ селеніяхъ имѣются татарскія школы не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ. За обученіе нигдѣ обязательной платы не установлено,—кто сколько дастъ. Учителями являются свои же односельцы. Къ сожалѣнію, все ученіе въ татарскихъ школахъ состоитъ лишь въ заучиваніи наиболѣе важныхъ мѣстъ аль-корана и шаріата, а также въ письмѣ по-татарски. Исключеніемъ изъ этого правила является одна школа въ Среднемъ-Сентемирѣ, въ которой мулла учитъ дѣтей и счету, при чемъ главнымъ образомъ даетъ разныя практическія наставленія,—напримѣръ, какъ дѣлить землю.

Школы помѣщаются въ общественныхъ зданіяхъ, обыкновенно поблизости мечети, при чемъ школьныя помѣщенія всегда тѣсны и антигигіеничны. Благодаря этимъ школамъ, извѣстный процентъ взрослаго населенія (даже и женщины) умѣютъ читать и писать по-татарски. Русскую же грамоту знаютъ только очень немногіе бывшіе солдаты да муллы изъ молодыхъ, для которыхъ знаніе русской грамоты стало теперь обязательно.

Такъ какъ многіе изъ болѣе зажиточныхъ татаръ

занимаются разными торговыми оборотами, для чего ѣздятъ въ Самару, Казань и другіе города, бѣднота же уходитъ на лѣто въ разныя мѣстности Россіи „бурлачить“ (такъ они называютъ отхожія полевыя работы), то народъ, благодаря такому подвижному образу жизни, отличается извѣстной развитостью, особенно по сравненію съ сосѣднимъ, болѣе осѣдлымъ, мордовскимъ и чувашскимъ населеніемъ. Въ доказательство извѣстнаго рода культурности татарскаго населенія г. Яблонскій приводитъ слѣдующіе факты.

„Мнѣ не разъ,—говоритъ онъ,—приходилось бесѣдовать съ отдѣльными татарами о пользѣ изученія русской грамоты. Сплошь и рядомъ заводили объ этомъ рѣчь сами татары и даже муллы, и большинство изъ нихъ, особенно молодежь, выражало желательность открытія русской школы. Я не разъ слышалъ отъ другихъ обратное, что татары видятъ въ русской школѣ первый шагъ къ вѣроотступничеству, страшно падки на всякіе слухи о насильственномъ крещеніи и т. д. По своему личному опыту я не могу подтвердить этого“.

Такую перемѣну въ отношеніяхъ татаръ къ русскимъ г. Яблонскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Татарамъ за послѣднія голодовки пришлось не мало перевидать русскихъ интеллигентовъ, жившихъ съ ними долгіе мѣсяцы, кормившихъ и лѣчившихъ ихъ, и, разумѣется, татары, не видя никакого худа отъ этихъ пришлецовъ, видя, наоборотъ, уваженіе къ своей религіи и обычаямъ, вѣроятно уже не такъ упорно изыскиваютъ въ каждомъ русскомъ начинаніи подрывъ ихъ религіи. Напримѣръ, когда весной нынѣшняго (1899) года стали открываться въ

большомъ количествѣ ясли для дѣтей, и я тоже задумалъ было открыть ясли въ Сентемирахъ, то татары, прослышавши объ этомъ, одолѣли меня просьбами записать ихъ дѣтей въ ясли. Яслей мнѣ не удалось открыть по другимъ причинамъ, но я указываю на этотъ фактъ, какъ на доказательство извѣстнаго довѣрія къ русскому начинанію. Я самъ указывалъ просителямъ на ихъ боязнь, что дѣтей окрестятъ, но они только смѣялись надъ этимъ, а многіе вліятельные татары увѣряли меня, что никакихъ недоразумѣній по этому поводу не будетъ" *).

Эти наблюденія и факты представляютъ, по нашему мнѣнію, большую цѣнность, такъ какъ наглядно показываютъ, насколько преувеличены распространенные у насъ отзывы о татарахъ, рисующіе ихъ узкими, закоренѣлыми фанатиками, относящимися съ непримиримой враждой ко всякимъ культурнымъ начинаніямъ, разъ только эти начинанія идутъ отъ русскихъ.

Такимъ образомъ оказывается, что пока проводниками подобныхъ начинаній являются разнаго ранга чиновники — все равно, въ мундирахъ или рясахъ— мы постоянно слышимъ о косности татаръ, о ихъ фанатизмѣ, о ихъ враждебномъ и подозрительномъ отношеніи ко всему, что только исходитъ отъ русскихъ. Но вотъ къ тѣмъ же татарамъ, въ тяжелую для нихъ минуту, являются простые, нечиновные люди въ видѣ врачей, фельдшерицъ, организаторовъ столовыхъ, яслей и т. д.,—и картина сразу мѣняется:

---

*) „Эпидемія цынги въ Старо-Бѣсовской волости ставропольскаго уѣзда", „Врачебная хроника Самарской губерніи, 1900 г. № 2, стр. 4—5.

тѣ же самые татары охотно и вполнѣ довѣряются этимъ людямъ, отдаютъ имъ своихъ дѣтей, выражаютъ готовность посѣщать русскія школы, просятъ объ ихъ открытіи и т. д. Словомъ,— никакихъ слѣдовъ, никакой тѣни вражды, косности и фанатизма, а совершенно напротивъ—полное довѣріе, искреннее чувство глубокой благодарности за все то, что̀ для нихъ дѣлается.

Надъ этимъ поучительнымъ контрастомъ слѣдовало бы серьезно подумать тѣмъ, кто говоритъ о невозможности для русскихъ людей оказывать культурное воздѣйствіе на татарское населеніе. Очевидно, что неуспѣхъ и неудачи просвѣтительной дѣятельности русскихъ миссій среди татаръ слѣдуетъ объяснить не закоренѣлой враждой и не фанатизмомъ этой народности, а чѣмъ-нибудь другимъ, лежащимъ въ характерѣ самихъ миссій и ихъ дѣятелей, въ тѣхъ пріемахъ и способахъ, посредствомъ которыхъ послѣдніе ведутъ свою культурную дѣятельность.

По отзыву г. Яблонскаго, близко изучившаго татаръ, послѣдніе въ общемъ весьма добродушны, гостепріимны, безпечны и довольно-таки легкомысленны. Всѣ эти черты являются, конечно, характернымъ наслѣдіемъ ихъ прежней кочевой жизни. Изъ болѣе отрицательныхъ сторонъ ихъ характера д-ръ Яблонскій указываетъ въ своемъ отчетѣ „на извѣстный узкій эгоизмъ“: крайнее нежеланіе помочь, въ случаѣ бѣды, ближнему, не только иновѣрцу, но даже и своему односельчанину-татарину. Богатые татары всегда не прочь попользоваться несчастіемъ сосѣда, принявъ отъ него въ закладъ какую-нибудь вещь, конечно, за ростовщическіе проценты.

Мы уже упоминали, что извѣстный восточный взглядъ на женщину характеренъ для большинства татаръ, хотя, по словамъ г. Яблонскаго, ему приходилось наблюдать не мало исключенiй изъ этого. „Такъ, напримѣръ, многоженство въ настоящее время значительно уменьшается: *по двѣ* жены имѣетъ меньшинство, *три* жены являются уже исключенiемъ, *четырехъ* — нѣтъ ни у кого. Этотъ фактъ ограниченiя многоженства является, съ одной стороны, слѣдствiемъ тяжелыхъ экономическихъ условiй (послѣдняго времени), съ другой, какъ я убѣдился изъ своихъ наблюденiй, обусловливается уже чисто сознательнымъ отношенiемъ къ многоженству“.

Въ то же время „замѣтно извѣстное стремленiе къ уничтоженiю нѣкоторыхъ стѣснительныхъ обрядовъ и обычаевъ. Такъ, напримѣръ, закрыванiе лица женщинами почти уже не наблюдается; прикрываютъ только, да и то не всегда, при разговорѣ съ мужчинами-татарами, ротъ рукой или кончикомъ платка, такъ что, очевидно, смотрятъ на это какъ на простую формальность“.

Въ области семейныхъ отношенiй прежде всего необходимо отмѣтить „патрiархальность, безпрекословное подчиненiе главѣ семьи—старшему въ домѣ. Вслѣдствiе этого семейная жизнь течетъ очень тихо, монотонно. Мало ссоръ и брани. Драки — „ученiе женъ“ — является исключенiемъ, что, съ одной стороны, объясняется легкостью развода, съ другой — отсутствiемъ пьянства“. Хотя „многiе татары, особенно изъ молодыхъ или солдатъ, при случаѣ, не прочь выпить, но это дѣлается втихомолку, въ четырехъ стѣнахъ. Пьяный татаринъ или съ папироской не рѣшится показаться на улицѣ“.

На мой вопросъ: „лѣнивы ли татары?“—г. Яблонскій отвѣчалъ: — „Совсѣмъ нѣтъ!.. Напротивъ, они считаются усердными работниками. Во многихъ экономіяхъ даже предпочитаютъ татаръ русскимъ рабочимъ. Но они безпечны; при томъ же у нихъ большую роль играетъ равнодушное, фаталистическое отношеніе къ своей судьбѣ... Этими особенностями, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить, что земля у нихъ обрабатывается, въ большинствѣ случаевъ, небрежно: не удобряется, плохо пашется, яровыя не пропалываются и т. д. Огородовъ у нихъ совсѣмъ нѣтъ, отчасти потому, что нѣтъ удобныхъ мѣстъ для ихъ разведенія; отчасти же потому, что татары совсѣмъ не имѣютъ потребности въ овощахъ, обходясь безъ капусты, огурцовъ, луку и т. п. У нихъ свой особый столъ; многіе татары, напримѣръ, никогда не пробовали щей; вслѣдствіе этого, на первыхъ порахъ, въ нашихъ столовыхъ многіе изъ нихъ отказывались отъ щей. Но это только на первыхъ порахъ, такъ какъ затѣмъ они очень быстро привыкали къ русскимъ блюдамъ“.

Въ своемъ отчетѣ г. Яблонскій разсказываетъ, что такъ какъ у него вначалѣ совершенно не было интеллигентныхъ помощниковъ (единственная фельдшерская ученица была завалена чисто-медицинской работой), то по необходимости ему пришлось дѣло продовольствія возложить на мѣстное населеніе—сельское попечительство Краснаго Креста, оставивъ, конечно, за медицинскимъ персоналомъ право контроля. Дѣло продовольствія было поставлено такъ: всѣ продукты для 6-го участка, въ районѣ котораго находились Сентемиры, закупались участковымъ попечительствомъ и хранились въ центральномъ складѣ,

въ Куликовкѣ. Сентемиры были раздѣлены по приходамъ и въ каждомъ былъ назначенъ завѣдующій столовыми мулла. На обязанности этого муллы было своевременно заботиться о доставкѣ продуктовъ изъ Куликовки и ежедневная выдача ихъ пекарямъ. Что же касается чая, сахара, вина и прочихъ подобныхъ продуктовъ, то они всегда выдавались медицинскимъ персоналомъ.

Во избѣжаніе злоупотребленій и для большей увѣренности въ полученіи обѣдающими всего назначеннаго сполна, въ Сентемирахъ былъ заведенъ такой порядокъ: по доставкѣ изъ центральнаго склада продукты принимались завѣдующимъ столовыми съ вѣсу и вносились въ книги. Въ столовыя продукты выдавались ежедневно, по числу обѣдающихъ, на слѣдующій день. За правильностью выдачи должны были слѣдить и удостовѣрять особые дежурные, назначаемые на каждый день изъ болѣе уважаемыхъ крестьянъ. Эти дежурные обязаны были присутствовать при пріемѣ провизіи изъ склада и, кромѣ того, должны были слѣдить и въ столовыхъ, какъ за приготовленіемъ пищи, такъ и за правильной раздачей порцій.

„Мнѣ, — пишетъ г. Яблонскій, — не пришлось раскаяваться въ этой отдачѣ дѣла продовольствія въ руки мѣстнаго (т.-е. татарскаго) населенія. Всѣ исполняли порученныя обязанности очень добросовѣстно и внимательно. А главное, населеніе относилось съ полнымъ довѣріемъ къ такому порядку и видѣло въ немъ полную гарантію отъ злоупотребленій. Обѣдающіе не разъ выражали (чему я былъ свидѣтель) благодарности пекарямъ и дежурнымъ за ихъ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Поэтому, когда впо-

слѣдствіи персоналъ мой увеличился, я уже не рѣшился мѣнять установленнаго порядка, усиливъ только нашъ контроль“ *).

Относительно экономическаго положенія татарскаго населенія д-ръ Яблонскій приводитъ въ своемъ отчетѣ цѣлый рядъ статистическихъ таблицъ, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что даже въ селеніяхъ экономически болѣе обезпеченныхъ благосостояніе жителей находится въ самомъ безотрадномъ, самомъ вопіющемъ положеніи. Такъ, напримѣръ, въ Старомъ-Сентемирѣ, сравнительно наиболѣе богатомъ изъ всѣхъ четырехъ селеній, 41% домохозяевъ не имѣетъ *никакихъ построекъ, кромѣ избы*. Семей, не имѣющихъ ни одной лошади, въ Сентемирахъ 26%, въ Верхнемъ-Сентемирѣ—41%. Двухъ лошадей и болѣе имѣютъ 26% домохозяевъ; при этомъ необходимо имѣть въ виду, что по мѣстнымъ условіямъ одной лошади для веденія хозяйства и обработки земли совершенно недостаточно.

При такомъ состояніи хозяйства населеніе не можетъ, конечно, имѣть сколько-нибудь достаточныхъ запасовъ хлѣба. И дѣйствительно, осенью 1898 года какъ оказалось по изслѣдованію д-ра Яблонскаго, во всѣхъ четырехъ Сентемирахъ только 13% домохозяевъ имѣли болѣе 10 пудовъ хлѣба на семью. Особенно же въ тяжеломъ положеніи оказалось населеніе Средняго и Верхняго-Сентемира, среди котораго „59% *семей не имѣли ни зерна хлѣба*“. Къ этому нужно добавить огромную задолженность населенія казнѣ, земству и частнымъ лицамъ.

На основаніи подобнаго рода данныхъ д-ръ Яблон-

---

*) Тамъ же стр. 45.

скій слѣдующими чертами обрисовываетъ современное состояніе хозяйства самарскаго крестьянина. „Экономическое положеніе крестьянъ,—пишетъ онъ въ своемъ отчетѣ,—настолько шатко, что малѣйшій толчокъ, малѣйшее несчастіе можетъ выбить его изъ колеи самостоятельнаго работника-хозяина. Надѣлы у большинства до того малы, что и въ урожайный годъ крестьяне перебиваются, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ; стоитъ же только не уродиться хлѣбу, и нашъ мужикъ попадаетъ сразу въ безвыходное положеніе, изъ котораго безъ посторонней помощи уже не выберется. Не окажутъ ему этой помощи — остается умирать. Ничего нѣтъ поэтому удивительнаго, что нашу деревню ежегодно посѣщаютъ всевозможныя эпидеміи: не цынга, такъ—тифъ, не тифъ, такъ—скарлатина, оспа и т. д. И всѣ эти бѣдствія мужикъ переноситъ терпѣливо: валяется въ горячкѣ на сырой, грязной соломѣ, прикрытый тряпьемъ; питается при дизентеріи огурцами и капустой съ квасомъ и ржанымъ хлѣбомъ; умираетъ сотнями въ раннемъ дѣтствѣ отъ поносовъ и т. д.

„Только въ минуты самыхъ тяжелыхъ бѣдствій, въ годы неурожаевъ, къ нему приходятъ на помощь и правительство, и частная благотворительность. Но вѣдь это палліативы. Вѣдь этой помощью только временно спасешь мужика отъ голодной смерти; все равно онъ, награжденный всякими послѣдствіями своего хроническаго недоѣданія и своего неблагодарнаго труда—катарами, ломотами и другими недугами,—умретъ раньше времени... Развѣ не ужасно такое положеніе“?.. *).

*) „Врачебная хроника самарской губерніи“ 1900 г., № 2, стр. 26 и 27.

XIII.

Необыкновенная дѣвушка.

Какъ докторъ Яблонскій, такъ и его жена отзывались самымъ лучшимъ образомъ о дѣятельности ученицъ старшихъ курсовъ самарской фельдшерской школы, командированныхъ губернской земской управой въ помощь больнымъ, за недостаткомъ фельдшерицъ, окончившихъ польный курсъ. Особенно горячо, почти восторженно отзывались они объ ученицѣ той же школы, г-жѣ Ганъ, молодой дѣвушкѣ, жившей въ Сентемирахъ въ качествѣ фельдшерицы.

— Это—замѣчательная, рѣдкая дѣвушка!—говорила г-жа Яблонская.—Вотъ ужъ кто преданъ дѣлу всей душой... Нужно видѣть, какъ она обращается съ больными, какъ ухаживаетъ за ними!.. Ея мать—бѣдная женщина, вдова, у которой на рукахъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ обучающихся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Эта почтенная женщина употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы дать своимъ дѣтямъ возможность получить образованіе. И вотъ, наша барышня, г-жа Ганъ, желая оказать помощь своей матери, высылаетъ ей почти все, что она здѣсь получаетъ. Себѣ она оставляетъ лишь три рубля, на которые и живетъ здѣсь. Можете себѣ представить, какъ можно прожить мѣсяцъ на три рубля!.. И сколько мы ни уговаривали

ее, сколько ни убѣждали, что это можетъ очень вредно отозваться на ея здоровьѣ,—она осталась непреклонной. Она совсѣмъ не думаетъ о себѣ, не думаетъ о томъ, придется ли ей поѣсть, удастся ли ей отдохнуть...

— И замѣтьте,—сказалъ докторъ Яблонскій,—что это при постоянной работѣ, а нерѣдко и при безсонныхъ ночахъ. Между тѣмъ, она совсѣмъ не отличается крѣпкимъ здоровьемъ, скорѣе—напротивъ: слабенькая, худенькая, маленькаго роста. Я все время боюсь, что она захвораетъ, заболѣетъ цынгой,—продолжалъ докторъ.—По моему мнѣнію, это неизбѣжно при такомъ переутомленіи съ одной стороны и при такомъ питаніи—съ другой.

— А что было вначалѣ!—воскликнула г-жа Яблонская.—Когда она только что пріѣхала сюда, мы предложили ей свои услуги относительно пріисканія для нея квартиры на селѣ. Но она наотрѣзъ отказалась поселиться на отдѣльной квартирѣ, а рѣшила жить въ самой больницѣ, чтобы быть какъ можно ближе къ больнымъ, чтобы имѣть возможность ежеминутно помогать тяжело больнымъ. Мы, конечно, всячески отговаривали ее отъ этого, пугали ее, что она можетъ заразиться, но она осталась при своемъ рѣшеніи, и дѣйствительно поселилась въ одной изъ цынготныхъ больничекъ... Вы, разумѣется, знаете эти больнички, помѣщающіяся въ татарскихъ избахъ и нерѣдко состоящія изъ одной комнаты съ перегородкой... Ганъ помѣстилась за печкой, гдѣ устроила себѣ койку изъ досокъ. А тутъ же, рядомъ—женское отдѣленіе больницы, переполненное больными. Среди нихъ были съ тяжелыми формами, было нѣсколько дѣтей... Конечно, дѣти плачутъ, кричатъ,

больные стонутъ, но она какъ будто не тяготилась всѣмъ этимъ. Съ какой любовью, съ какой нѣжностью она начала ухаживать за всѣми больными! Какъ она няньчилась съ дѣтьми! Она ихъ мыла, стригла, причесывала, одѣвала въ чистое бѣлье, кормила... И знаете, чѣмъ все это кончилось?

— Конечно, она заболѣла?—сказалъ я.

— Да, она получила страшную чесотку... заразилась ею отъ больныхъ дѣтей. И только послѣ этого удалось, наконецъ, убѣдить ее покинуть больницу и поселиться на отдѣльной квартирѣ... Да, это удивительная, необыкновенная дѣвушка!—взволнованно закончила г-жа Яблонская.

Эти разсказы глубоко забирали за-сердце. Съ невольнымъ волненіемъ слушали мы сообщеніе о подвигахъ героической дѣвушки. Мы выразили желаніе если можно, повидать г-жу Ганъ.

— Она теперь, навѣрное, въ какой-нибудь больницѣ или же обходитъ избы, навѣщая больныхъ, — сказалъ д-ръ Яблонскій.— Мы непремѣнно встрѣтимъ ее гдѣ-нибудь, когда поѣдемъ по больницамъ.

Во время этого разговора вдругъ съ улицы послышались колокольчики и бубенчики, и къ дому съ шумомъ подкатила тройка лошадей.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ уполномоченный общества Краснаго Креста, С. В. Александровскій вмѣстѣ съ сестрой милосердія, молодой и высокой блондинкой. Онъ тотчасъ же познакомилъ насъ съ своей спутницей, сестрой милосердія, и при этомъ объяснилъ намъ, что, пользуясь праздниками, она захотѣла навѣстить свою знакомую, княжну Д—ову, жившую, также въ качествѣ сестры

милосердія, въ одномъ изъ сосѣднихъ селъ, куда онъ и взялся подвезти ее.

Это уже былъ совсѣмъ другой типъ „сестры", сравнительно съ тѣми, которыхъ мнѣ приходилось видѣть до сихъ поръ. Здѣсь прежде всего чувствовалась „барышня", съ ея заботами о туалетѣ, о „красѣ ногтей", о стройности фигуры. Неправильныя черты лица въ значительной степени скрадывались хорошимъ цвѣтомъ кожи, густыми, эффектно причесанными волосами и большими, выразительными глазами, которыми она, видимо, умѣла искусно владѣть.

Г-нъ Александровскій сообщилъ намъ въ то же время, что онъ только что былъ въ Шламской волости, Самарскаго уѣзда, гдѣ цынга свирѣпствуетъ съ страшной силой среди татарскаго населенія. Особенно сильно поражено цынгой татарское село Нурлаты, въ которомъ зарегистрировано 887 человѣкъ больныхъ цынгой. Затѣмъ цынга сильно распространена въ Тюгальбугахъ, хотя тамъ давно уже работаетъ медицинскій отрядъ, снаряженный на средства фонъ-Вокано, владѣльца Жигулевскаго пивовареннаго завода.

Эти свѣдѣнія производили, разумѣется, крайне тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ насъ... Около тысячи человѣкъ больныхъ въ одномъ селѣ! Тысяча человѣкъ, опухшихъ отъ изнуренія и голода!.. Цынга явно принимала характеръ огромнаго народнаго бѣдствія. Предъ всѣми невольно вставалъ тревожный вопросъ: что-то будетъ дальше?

— Слава Богу, что о тифѣ пока мало слышно,— замѣтилъ кто-то.— Сыпной тифъ появился въ Бугульминскомъ уѣздѣ, въ участкѣ женщины-врача, г-жи Паевской. Затѣмъ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно сильно распространенъ брюшной тифъ. Изъ другихъ же уѣздовъ пока нѣтъ свѣдѣній о тифѣ.

Разговоръ, между прочимъ, коснулся вопроса о заразительности цынги, при чемъ г. Александровскій выразилъ увѣренность, что цынга заразительна.

— У насъ въ Красномъ Крестѣ,—сказалъ онъ,—цынгой переболѣли: два студента, двѣ сестры милосердія и двѣ хожалки... Чѣмъ можно объяснить ихъ болѣзни, какъ не заразой? Питались они, конечно, хорошо и вообще жили сравнительно въ благопріятныхъ условіяхъ.

Затѣмъ онъ разсказалъ о самоотверженномъ поступкѣ одной фельдшерицы, г-жи Березовской. Она работала тамъ же и заразилась, получивъ сыпной тифъ въ тяжелой формѣ, но какъ только ей удалось оправиться отъ опасной болѣзни, она тотчасъ же снова вернулась на свой постъ, чтобы лѣчить больныхъ, ходить за ними, кормить голодныхъ.

Слѣдомъ за уполномоченнымъ Краснаго Креста подъѣхалъ самарскій врачебный инспекторъ Д. П. Борейша—въ форменномъ сюртукѣ со свѣтлыми пуговицами и петличками. Маленькая изба, занимаемая докторомъ Яблонскимъ, наполнилась гостями. Молодая хозяйка радушно угощала всѣхъ чаемъ и скромной деревенской закуской, состоявшей изъ яицъ, масла и сыра.

Выпивъ наскоро по стакану чая, мы отправились по больницамъ. Докторъ Яблонскій съ г. Александровскимъ и г. Граномъ помѣстились въ тарантасѣ, а я съ врачебнымъ инспекторомъ—усѣлся въ плетенкѣ.

Въ то время, какъ мы, подъѣхавъ къ ближайшей

больницѣ, вылѣзали изъ экипажей, я замѣтилъ крестьянскую телѣгу, приближавшуюся къ больницѣ съ противоположной стороны. Въ ней сидѣла дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ и бѣломъ платкѣ на головѣ, игравшемъ, очевидно, роль шляпки и въ то же время зонтика. Легко соскочивъ съ телѣги, дѣвушка направилась къ доктору Яблонскому, держа въ одной рукѣ мѣшокъ, а въ другой—какую-то тетрадь.

— По обыкновенію, въ полномъ вооруженіи,—добродушно замѣтилъ докторъ Яблонскій, здороваясь съ пріѣхавшей:—съ лѣкарствами, термометромъ и дневникомъ!.. Господа!—прибавилъ онъ, обращаясь къ намъ:—позвольте вамъ представить О. Ю. Ганъ.

Предъ нами стояла молоденькая дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, небольшого роста, брюнетка, съ блѣднымъ лицомъ и большими темными глазами, смотрѣвшими внимательно и грустно.

Съ глубокимъ уваженіемъ пожалъ я худенькую руку этой маленькой героини.

— Вотъ барышня, которая наканунѣ цынги,—сказалъ, обращаясь къ намъ, докторъ Яблонскій.

Тутъ всѣ мы заговорили разомъ, адресуясь къ „барышнѣ“.

— Да, да, чего добраго!—говорилъ одинъ:—цынга шутить не любитъ.

— Вамъ необходимо обратить вниманіе на собственное питаніе,—внушительно совѣтовалъ другой.

— Вы слишкомъ рискуете своимъ здоровьемъ,—предупреждалъ третій.—Всякое переутомленіе крайне вредно отражается на организмѣ... особенно при тѣхъ условіяхъ, которыя окружаютъ васъ здѣсь.

Молодая дѣвушка, кидая на насъ смущенные взгляды, застѣнчиво объясняла, что она не отказываетъ

себѣ ни въ чемъ необходимомъ, что работа ее не утомляетъ, что она питается „какъ слѣдуетъ".

Выслушавъ эти объясненія, докторъ Яблонскій только махнулъ рукой.

Вспомнивъ, что у меня въ саквояжѣ была бутылка хорошаго портвейна, захваченная мной на всякій случай, я поспѣшилъ достать ее и, извинившись, обратился къ г-жѣ Ганъ съ убѣдительной просьбой взять это вино, такъ какъ оно можетъ быть полезно ей при работѣ и томъ образѣ жизни, который ей приходится вести здѣсь.

Г-жа Ганъ съ недоумѣніемъ смотрѣла на меня, не рѣшаясь взять вино.

Всѣ пріѣзжіе поспѣшили поддержать меня.

— Пожалуйста, берите, берите это вино... Это очень полезно, это необходимо для васъ...

Она колебалась. Но затѣмъ, очевидно, уступая общимъ просьбамъ, взяла бутылку, спрятала ее въ свой мѣшокъ съ медикаментами и, кивнувъ мнѣ головой, проговорила: „Благодарю васъ".

Д-ръ Яблонскій, стоя въ сторонѣ и смотря на эту сцену, какъ-то загадочно улыбался.

— Готовъ держать пари, господа,—увѣренно проговорилъ онъ,—что это вино немедленно же окажется у цынготныхъ больныхъ... Я знаю это по многимъ опытамъ.

Г-жа Ганъ бросила на него взглядъ, въ которомъ чувствовалась укоризна за то, что онъ такъ скоро разгадалъ и такъ измѣннически выдалъ ея тайный замыселъ.

Тогда снова всѣ заговорили и запротестовали:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не должны этого дѣлать!.. отнюдь не должны... Вы непремѣнно сами должны пить

это вино... Слышите!.. Это вамъ необходимо, иначе вы заболѣете.

Она, улыбаясь, кивала головой, въ то время какъ въ ея глазахъ попрежнему свѣтилась тихая грусть.

Мы входимъ въ женскую цынготную больничку. Обычная обстановка: довольно просторная крестьянская изба съ широкими татарскими нарами вдоль стѣнъ. Нары унизаны лежащими на нихъ женщинами и дѣтьми разныхъ возрастовъ. При нашемъ входѣ нѣкоторыя изъ больныхъ пытаются сѣсть, другія стараются прикрыть свое лицо, но бо̀льшая часть лежитъ неподвижно, точно окаменѣвъ отъ изнуренія и боли.

Докторъ Яблонскій обращаетъ наше вниманіе на цѣлую семью, пораженную цынгой.

Ужасный видъ имѣетъ женщина съ распухшимъ отъ цынги лицомъ, съ тѣломъ, покрытымъ отеками. Но еще болѣе ужасенъ лежащій рядомъ съ нею ея пятилѣтній ребенокъ, страдающій воспаленіемъ спинного мозга и въ то же время обезображенный цынгой. Тутъ же рядомъ лежатъ и другія дѣти разныхъ возрастовъ, но всѣ одинаково блѣдныя, безкровныя, истощенныя и опухшія...

Нѣтъ, у докторовъ, очевидно, болѣе крѣпкіе, болѣе привычные и закаленные нервы, чѣмъ у насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, не принадлежащихъ къ этой почтенной корпораціи. Вотъ они подошли къ только-что упомянутой мною группѣ больныхъ и начинаютъ внимательно ощупывать худыя и дряблыя тѣла дѣтей, покрытыя опухолями и отеками.

Но намъ, простымъ смертнымъ, не привыкшимъ

къ созерцанію человѣческихъ страданій въ такихъ яркихъ, кричащихъ формахъ и притомъ въ такихъ огромныхъ дозахъ, — рѣшительно не подъ силу подобныя зрѣлища. Къ тому же видъ больныхъ, страдающихъ дѣтей-крошекъ—всегда невыносимо-тяжелъ. Но еще болѣе удручающимъ образомъ дѣйствуетъ на васъ, конечно, видъ дѣтей, заморенныхъ долгимъ голоданіемъ, дѣтей, у которыхъ голодъ отнялъ ихъ свѣжесть, ихъ живость, которыхъ онъ изуродовалъ и приковалъ къ постели... Бѣдныя, несчастныя дѣтки!..

Чувствуя на себѣ неподвижно устремленные дѣтскіе взгляды, въ которыхъ свѣтится нѣмая жалоба и въ то же время какъ бы мольба о помощи, вы невольно начинаете терять присутствіе духа, начинаете задыхаться, такъ какъ слезы неудержимо навертываются на глазахъ, рыданія подступаютъ къ горлу и нѣтъ силъ побороть ихъ. Вы близки къ истерикѣ и, чтобы предупредить ея взрывъ, спѣшите выбѣжать изъ избы...

Черезъ какіе-нибудь полчаса времени врачи направляются въ другую больницу. Кое-какъ оправившись и успокоившись, вы также идете слѣдомъ за ними, хотя и знаете, что тамъ васъ ждутъ тѣ же гнетущія впечатлѣнія, которыя такъ невозможно взвинтили и расхлябали ваши нервы...

Въ одной изъ больницъ мнѣ, между прочимъ, удалось видѣть г-жу Ганъ на самой работѣ. Она смазывала іодомъ во рту больныхъ цынгой, забинтовывала ноги, на которыхъ виднѣлись язвы, массажировала опухоли и т. д. При этомъ она разспрашивала больныхъ, наполовину по - татарски, наполовину по-русски, о состояніи ихъ здоровья, объ аппетитѣ и проч. Чуть ли не всѣхъ больныхъ она

знала по имени,—очевидно, знала даже ихъ семьи, такъ какъ сообщала больнымъ свѣдѣнія о ихъ родичахъ, которыхъ она навѣщала при обходѣ крестьянскихъ избъ.

Я видѣлъ, какъ прояснялись лица больныхъ, когда къ нимъ подходила молодая фельдшерица. Я видѣлъ, какъ охотно, съ какимъ полнымъ довѣріемъ предоставляли они ей свои распухшія дёсны, свои сведенныя ноги, свои опухоли и болячки. Во взглядахъ, которыми они слѣдили за движеніями молодой дѣвушки, свѣтилось такое глубокое чувство благодарности и привязанности!

Это отношеніе чувствовалось и сказывалось во всемъ; очевидно, оно отражалось и на самой г-жѣ Ганъ, вызывая въ ней извѣстное чувство нравственнаго удовлетворенія. Она подходила къ нарамъ съ бодрымъ, веселымъ видомъ, который успокоительно и ободряюще дѣйствовалъ на больныхъ... Дѣти-татарчонки старались протиснуться къ ней. Болѣе здоровые малыши заигрывали съ ней, ловили ее за руки, заглядывали ей въ глаза, что-то лепетали, улыбались и хихикали...

Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе, такъ какъ мнѣ хочется разсказать еще объ одной встрѣчѣ съ г-жей Ганъ,—встрѣчѣ, происшедшей въ Самарѣ, спустя годъ послѣ перваго моего знакомства съ нею въ Сентемирахъ. Это было какъ разъ въ то время, когда въ Самарѣ вдругъ обнаружено было нѣсколько случаевъ заболѣванія какой-то въ высшей степени серьезной, опасной и въ то же время загадочной болѣзнью. Случаи закончились смертью, которая наступила очень быстро. Мѣстные

врачи, во главѣ съ земскимъ прозекторомъ, докторомъ медицины, г. Кавецкимъ, признали болѣзнь за чуму,—настоящую азіатскую чуму.

Началась ужасная горячка. Изъ Петербурга по телеграфу получались строжайшія предписанія относительно немедленнаго принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Между прочимъ, было предписано тотчасъ же изолировать самымъ тщательнымъ образомъ губернскую земскую больницу, въ которой умерли больные чумой, а также и тѣ дома, въ которыхъ они жили передъ самой болѣзнью. Организовался особый комитетъ изъ представителей администраціи, города и земства для борьбы съ грозной эпидеміей.

Ожидался пріѣздъ предсѣдателя Высочайше учрежденной чумной коммиссіи, принца Ольденбургскаго, о необыкновенной энергіи и строгости котораго разсказывали цѣлыя легенды. Подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ, представители губернской власти вдругъ воспрянули, утративъ свое олимпійское спокойствіе и китайскую неподвижность, засуетились, забывъ даже о послѣобѣденномъ снѣ, винтѣ и „Гражданинѣ". О страшной заразительности азіатской гостьи, объ ея смертоносности передавались безчисленные разсказы—одинъ другого ужаснѣе.

Паника все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала обществомъ. Говорили о строжайшемъ карантинѣ, который вотъ-вотъ долженъ учредиться надъ Самарой. Многіе серьезно подумывали о бѣгствѣ изъ зачумленнаго города. Губернская управа работала, что называется, не покладая рукъ. Засѣданія, совѣщанія, комитеты слѣдовали одинъ за другимъ. Между прочимъ, земству предстояло организовать нѣсколько отрядовъ изъ врачей, фельдшерицъ и санитаровъ,

на случай появленія страшной гостьи въ томъ или другомъ пунктѣ губерніи.

Въ пріемной губернской управы почти всегда толпился разный народъ—искатели мѣстъ, занятій, стипендій, подрядовъ и т. д. Войдя однажды въ эту пріемную (я служилъ тогда секретаремъ самарской губернской земской управы), въ числѣ разныхъ посѣтителей я замѣтилъ молодую дѣвушку, небольшого роста, одѣтую во все темное. Она скромно сидѣла на стулѣ, въ уголкѣ, въ ожиданіи очереди. Лицо и фигура показались мнѣ знакомыми, но по близорукости я не сразу узналъ.

Гдѣ-то я видѣлъ эти грустные глаза,—подумалось мнѣ въ то время, какъ я проходилъ мимо. Но вотъ барышня поднимается со стула и направляется ко мнѣ. Сцена въ Сентемирахъ предъ цынготной больницей вдругъ ярко всплыла въ моей памяти... Это была г-жа Ганъ.

— Здравствуйте! — сказалъ я. — Очень радъ васъ видѣть... Вы имѣете какое-нибудь дѣло въ управѣ?

— У меня просьба... большая... Правда ли, что управа вызываетъ фельдшерицъ на эпидемію?—спросила она.

— Да, правда, — отвѣтилъ я. — Почему это васъ интересуетъ?

— Я желала бы поступить фельдшерицей и отправиться на эту эпидемію.

— А вы знаете, что это за эпидемія?—спросилъ я.

— Да, знаю,—спокойно отвѣчала дѣвушка.

Я замѣтилъ, какъ присутствовавшіе при этомъ разговорѣ посѣтители поглядѣли на отважную барышню и многозначительно переглянулись между собой.

— Врачи констатировали чуму,—продолжалъ я.

— Да, я слышала.

Мнѣ подумалось, что, быть-можетъ, она недостаточно уяснила себѣ предстоящую ей огромную опасность.

— И вы... не боитесь?—спросилъ я.

Она отрицательно покачала головой.

— Долженъ же кто-нибудь помогать больнымъ,—просто сказала она. И затѣмъ добавила:—особенно въ такой болѣзни.—Въ этихъ немногихъ словахъ слышалось убѣжденіе, исходившее несомнѣнно изъ глубины души.

Мы помолчали.—Да, это не то, что цынга,—еще разъ попытался было я запугать смѣлую барышню.

Она какъ-то снисходительно улыбнулась и проговорила:

— Я знаю.—И тутъ же обратилась ко мнѣ съ просьбою передать предсѣдателю губернской управы о ея непремѣнномъ желаніи отправиться на эпидемію.

Я обѣщалъ ей, при чемъ выразилъ увѣренность, что просьба ея навѣрное будетъ удовлетворена, тѣмъ болѣе, что желающихъ отправиться на чуму пока очень мало; между тѣмъ земство не можетъ, конечно, не принять во вниманіе ея дѣятельности по борьбѣ съ цынгой.

— Благодарю васъ,—проговорила она, какъ нельзя болѣе довольная, и протянула мнѣ руку.

Лицо ея вдругъ оживилось, свѣтившееся въ глазахъ грустное чувство исчезло, она кивнула мнѣ головой и легкой, быстрой походкой направилась къ выходу.

Помню, какими изумленными взглядами проводили молодую дѣвушку присутствовавшія при этой сценѣ

разныя чуйки и поддевки, помню, какъ одинъ изъ присутствовавшихъ, покачавъ головой, сказалъ:

— Ну, и смѣлая же барышня!.. На рѣдкость... Чумы, вишь, и той не страшится...

— Храбрая! — убѣжденнымъ тономъ и съ явнымъ одобреніемъ произнесъ какой-то усатый пиджакъ, и многозначительно добавилъ:—Отважная барышня!..

Видимо, они и не подозрѣвали о существованіи такихъ „храбрыхъ" барышень, такихъ „смѣлыхъ" молодыхъ людей, которые всегда готовы явиться на помощь народу въ самыя трудныя и тяжелыя для него минуты и которые не остановятся ни передъ какой жертвой, ни передъ какой опасностью...

XIV.

Печать, цензура и голодъ.

Изъ Сентемиръ мы переѣхали въ западную часть Самарскаго уѣзда, гдѣ побывали въ татарскихъ селахъ Старыя и Новыя Тюгальбуги, населеніе которыхъ особенно сильно страдало отъ голодовки и цынги. Затѣмъ мы снова вернулись въ Ставропольскій уѣздъ и посѣтили: Боровку, Абдулово или Среднюю Кандалу, Ертуганово, Чердаклы, Рѣпьевку или Архангельское и цѣлый рядъ другихъ селъ и деревень, лежащихъ между этими пунктами.

Здѣсь мы повсюду встрѣчали ту же жестокую, вопіющую нужду, особенно среди татарскаго населенія, встрѣчали множество людей истощенныхъ и обезсиленныхъ цынгой. Въ цынготныхъ больничкахъ и въ крестьянскихъ избахъ намъ постоянно приходилось наблюдать тѣ же самыя сцены, которыя я уже описалъ въ предыдущихъ главахъ.

Среди всѣхъ этихъ тяжелыхъ, удручающихъ впечатлѣній единственной отрадой было наблюдать дѣятельность лицъ, работавшихъ на голодѣ. Надъ оказаніемъ помощи населенію, страдавшему отъ голода и цынги, здѣсь энергично работали земскіе врачи, учителя и учительницы народныхъ школъ, нѣкоторые изъ мѣстныхъ помѣщиковъ и помѣщицъ. Но главный контингентъ работавшихъ на голодѣ соста-

вляли, безъ сомнѣнія, пріѣзжіе изъ Петербурга, Москвы и другихъ городовъ Россіи. Въ числѣ этихъ лицъ были студенты различныхъ учебныхъ заведеній, слушательницы разныхъ высшихъ курсовъ, дамы и барышни „изъ общества“ и т. д.

Позволю себѣ назвать хотя нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ. Тутъ, между прочимъ, были студенты Московскаго университета Хрѣнниковъ и Лебедевъ, жена петербургскаго врача г-жа Эдельсонъ, интеллигентная барышня изъ г. Луганска А. С. Савичъ, слушательница курсовъ Лесгафта г-жа Роговина, А. И. Успенская, урожденная Засуличъ, дочь покойнаго редактора-издателя „Недѣли“ Н. П. Гайдебурова, дочь извѣстнаго профессора и писателя Н. Н. Вагнеръ и многіе другіе...

Доѣхавъ до Волги и переночевавъ въ усадьбѣ земскаго дѣятеля Н. А. Шишкова, мы утромъ переправились на другой берегъ рѣки, въ г. Симбирскъ, гдѣ находятся пароходныя пристани, чтобы оттуда возвратиться на пароходѣ въ Самару. Въ Симбирскѣ мы должны были остановиться на день, чтобы повидаться съ докторомъ П. Ф. Кудрявцевымъ, завѣдывавшимъ въ то время санитарнымъ бюро Симбирскаго губернскаго земства, и отправить разныя нужныя телеграммы и письма.

Первымъ моимъ дѣломъ въ Симбирскѣ было поѣхать на телеграфъ, чтобы отправить подробную телеграмму въ Москву, въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“ о томъ, что мнѣ пришлось видѣть во время моей поѣздки. Привожу здѣсь точный текстъ этой телеграммы:

„Только - что объѣхалъ Ставропольскій уѣздъ, вмѣстѣ съ завѣдующимъ санитарнымъ бюро гу-

бернскаго земства докторомъГраномъ. Посѣтили больницы, устроенныя для цынготныхъ больныхъ, осмотрѣли столовыя и пекарни. Медицинскій персоналъ, работающій на мѣстахъ, всюду констатируетъ огромное увеличеніе цынги за послѣднія двѣ-три недѣли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ число цынготныхъ увеличилось за это время вдвое, втрое и даже вчетверо. Число цынготныхъ больныхъ, которымъ оказывается медицинская и продовольственная помощь, доходитъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ до 5.000 человѣкъ. Всѣхъ же больныхъ цынгою въ этомъ уѣздѣ можно считать до 10.000 человѣкъ.

„Встрѣчаются больные съ тяжелыми формами болѣзни: со сведенными ногами, съ наростами во рту, съ язвами на тѣлѣ, съ высохшими, атрофированными руками, истекающіе кровью. Нужда среди населенія растетъ. Послѣдніе запасы истощены. Крайне необходимъ притокъ новыхъ пожертвованій для немедленнаго расширенія продовольственной помощи, для устройства цѣлой сѣти новыхъ столовыхъ какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ, пораженныхъ цынгою.

„Крестьяне, боясь упустить рабочее время, не оправившись отъ цынги, бросаютъ больницы, чтобы сейчасъ же приняться за пахоту и посѣвъ. Бывали случаи, когда, обезсиленные болѣзнью, они падали въ полѣ, вмѣстѣ съ заморенной отъ безкормицы лошадью. Кромѣ денежныхъ средствъ, весьма желательны пожертвованія овощами, медикаментами, бѣльемъ.

„Врачи, студенты, фельдшерицы, сестры милосердія, интеллигентныя дѣвушки и дамы, завѣдующія столовыми, одушевленно работаютъ съ ранняго утра

и до поздней ночи. Среди этихъ лицъ много добровольцевъ, ниоткуда не получающихъ никакого вознагражденія. Многіе переутомлены отъ чрезмѣрной работы. Встрѣчаются примѣры замѣчательнаго самопожертвованія, высокаго нравственнаго подвижничества, невольно вызывающіе чувство самаго искренняго и глубокаго уваженія".

Такова была телеграмма, отправленная мной въ „Русскія Вѣдомости". Однако, несмотря на спокойный и сдержанный тонъ этой телеграммы, несмотря на то, что размѣры бѣдствія, переживавшагося въ то время населеніемъ Ставропольскаго уѣзда, въ ней не только не были преувеличены, а наоборотъ, скорѣе уменьшены, — телеграмма эта, въ силу цензурныхъ условій того времени, не могла появиться въ печати безъ существенныхъ сокращеній и смягченій.

Лишь послѣ того, какъ эта телеграмма была урѣзана и въ достаточной степени обезцвѣчена, она появилась въ № 114 „Русскихъ Вѣдомостей", отъ 27 апрѣля 1899 года... Я привожу этотъ случай какъ въ высшей степени характерный для выясненія той позиціи, какую заняла русская цензура по отношенію голода. И подобныхъ примѣровъ я могъ бы привести цѣлые десятки.

Замалчивать народныя бѣдствія, всячески скрывать ихъ отъ общества — всегда входило въ программу русской бюрократіи, послушной и усердной прислужницей которой въ этомъ случаѣ всегда была цензура.

Приведенный нами случай показываетъ, какъ поступала въ данномъ вопросѣ московская цензура. О томъ, какъ вела себя мѣстная, самарская цензура—я уже говорилъ въ одной изъ предыдущихъ

главъ. Цензоръ самарскихъ газетъ г. Кондоиди долгое время не позволялъ даже употреблять въ печати такихъ словъ, какъ „голодъ“, „цынга“, „голодающіе“ и т. д. Но не многимъ лучше вела себя и петербургская цензура. Въ доказательство позволю себѣ привести хотя одинъ фактъ.

Въ издававшемся въ то время въ Петербургѣ г-номъ Поссе журналѣ „Жизнь“ была напечатана обстоятельная статья молодого литератора С. А. Горюшина, подъ названіемъ: „Голодъ въ поселкѣ“. Пользуясь извѣстіями, появлявшимися въ печати (несмотря на всю бдительность цензуры!) изъ разныхъ мѣстностей Россіи, авторъ нарисовалъ яркую, но безусловно правдивую картину печальнаго, ужаснаго положенія, въ которомъ находилась русская деревня, благодаря съ одной стороны неурожаю, а съ другой—той политикѣ, которую усвоила русская администрація въ вопросѣ о голодѣ.

Но петербургская цензура не могла стерпѣть этого: въ качествѣ прислужницы бюрократіи, она не выносила обобщеній, которыя могли бы хотя косвеннымъ образомъ обнаружить виновность этой бюрократіи въ тяжелыхъ бѣдствіяхъ, переживавшихся крестьянствомъ. И вотъ книжка журнала со статьей г. Горюшина задерживается, статья вырѣзывается и уничтожается.

Русская бюрократія, доведя народъ до разоренія, до нищеты, цынги и вырожденія, не могла, разумѣется, не сознавать своей вины въ этомъ и потому больше всего боялась свободнаго слова, независимой печати, которыя могли бы раскрыть и разоблачить ту хитрую механику, съ помощью которой „командующіе классы“ имѣли возможность въ теченіе столь

долгаго времени держать стомилліонную массу крестьянства въ невѣжествѣ, рабствѣ и нищетѣ...

На другой день рано утромъ мы подъѣзжали къ Самарѣ.

„Вотъ онъ, нашъ русскій Чикаго, этотъ городъ милліонеровъ и нищихъ,—думалъ я, разглядывая съ парохода цѣлый лабиринтъ улицъ, съ длинными рядами каменныхъ домовъ, — огромные соборы, сады, театры, заводы...—Да, *городъ* растетъ, развивается и богатѣетъ, а *деревня* съ каждымъ годомъ, на глазахъ у всѣхъ, бѣднѣетъ, разоряется, нищаетъ... И это происходитъ въ житницѣ Россіи!“

Отчего голодали самарскіе крестьяне?

I.

Земскія ходатайства и бюрократія.

При поѣздкахъ по губерніи меня всегда интересовали вопросы о томъ, когда именно обнаружились первыя проявленія острой нужды среди населенія, когда и откуда пришла первая помощь нуждающимся? Запоздала она или нѣтъ? Какъ постепенно росла нужда и какъ сообразно съ этимъ ростомъ расширялись размѣры помощи?

О, нужда сказалась очень рано! Какъ извѣстно, продолжительная засуха въ связи съ другими неблагопріятными климатическими вліяніями повлекла за собой полный неурожай хлѣбовъ и травъ. Каждый мѣсяцъ приносилъ какое-нибудь тяжелое разочарованіе для людей, живущихъ землей.

Въ *іюнѣ* мѣсяцѣ уже для всѣхъ стало очевидно, что травы погибли и что поэтому скотъ останется безъ сѣна. *Іюль* мѣсяцъ показалъ, что озимые хлѣба въ большинствѣ мѣстностей чуть-чуть вернутъ сѣмена. *Августъ* мѣсяцъ обнаружилъ почти полную гибель яровыхъ. Въ *сентябрѣ* выяснилось, что народъ останется безъ капусты, картофеля, лука и другихъ ово-

щей. Такимъ образомъ ни хлѣба, ни крупъ, ни овощей, ни кормовъ!

По мѣрѣ того, какъ постепенно выяснялись размѣры неурожая, поразившаго Самарскую губернію, для мѣстнаго общества становилось все яснѣе и несомнѣннѣе, что населенію губерніи предстоитъ пережить страшное огромное бѣдствіе. Для мѣстныхъ жителей вскорѣ стало очевидно, что „житницѣ Россіи“, какъ издавна величалась Самарская губернія, снова угрожаетъ жестокій экономическій уронъ, который можетъ повлечь за собой самыя роковыя послѣдствія для крестьянскаго хозяйства, до сихъ поръ еще не вполнѣ оправившагося послѣ всѣмъ памятной голодовки 1891—92 гг.

Надвигавшееся бѣдствіе было во-время замѣчено земствомъ. Мѣстные земскіе люди, живущіе той же землей, какъ и крестьяне, не могли, не видѣть страшной перспективы, которая неминуемо ожидала массу населенія. И они забили тревогу сначала въ своихъ уѣздахъ, а затѣмъ и „въ губерніи“. Не мѣшаетъ отмѣтить, что въ данномъ случаѣ вполнѣ сошлись и объединились люди самыхъ противоположныхъ направленій и фракцій: представители такъ называемой консервативной партіи, крайніе реакціонеры и „крѣпостники“ нерѣдко столь же рѣшительно заявляли о надвигавшемся бѣдствіи, какъ и сторонники передовыхъ и либеральныхъ воззрѣній.

Уже 8-го и 9-го іюля губернская управа устроила въ Самарѣ особое совѣщаніе, на которое были приглашены всѣ предсѣдатели уѣздныхъ управъ, а 10-го іюля состоялось чрезвычайное губернское земское собраніе, которое, констатировавъ гибель озимыхъ хлѣбовъ и гибель кормовъ и выяснивъ критическое

положеніе крестьянскаго населенія большей части Самарской губерніи, возбудило цѣлый рядъ ходатайствъ, имѣвшихъ цѣлью предоставить населенію возможность обсѣменить озимыя поля и обезпечить его отъ грозившей ему голодовки. Вопросъ же о томъ, какъ помочь населенію сохранить свой скотъ, постановлено было передать предварительно на обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній.

Затѣмъ 23-го сентября вновь созывается экстренное губернское земское собраніе, которое главнымъ образомъ обсуждаетъ вопросъ о продовольствіи населенія, а также объ обсѣмененіи яровыхъ хлѣбовъ весною 1899 года и, наконецъ, о прокормѣ крестьянскаго скота.

Всѣ важнѣйшія ходатайства губернскаго собранія въ тотъ же день передаются по телеграфу министру внутреннихъ дѣлъ. Ходатайство земства о ссудѣ на обсѣмененіе озимыхъ полей встрѣчается сочувственно, и чрезъ два-три дня было получено уже разрѣшеніе министра относительно отпуска самарскому губернскому земству ссуды въ 957,147 р. изъ суммъ имперскаго продовольственнаго капитала на пріобрѣтеніе 1,472,534 пудовъ ржи для обсѣмененія озимыхъ полей крестьянскаго населенія губерніи, срокомъ на семь лѣтъ.

Но совершенно иной пріемъ встрѣтили ходатайства земства, касавшіяся обезпеченія *продовольствія* населенія. Многія изъ этого рода ходатайствъ, и притомъ наиболѣе важныя и наиболѣе существенныя изъ нихъ, были встрѣчены бюрократіей съ явнымъ недовѣріемъ и отклонены самымъ рѣшительнымъ образомъ. Такую судьбу потерпѣло между прочимъ ходатайство относительно размѣра продовольствен-

ной ссуды, необходимой, по мнѣнію земства, для населенія того или другого уѣзда, а также размѣра мѣсячной продовольственной нормы, необходимой на каждаго ѣдока.

Земскія собранія тѣхъ уѣздовъ, которые особенно пострадали отъ неурожая: ставропольское, бугурусланское и другія, сознавая, что мѣсячная продовольственная ссуда въ 35 фунтовъ на ѣдока, установленная въ Петербургѣ министерскими чиновниками, совершенно недостаточна, возбудили предъ губернскимъ собраніемъ ходатайства объ увеличеніи этой нормы хотя бы до одного пуда въ мѣсяцъ. Губернская управа всецѣло присоединилась къ этому мнѣнію, указавъ въ своемъ докладѣ чрезвычайному губернскому собранію, что даже по учебникамъ физіологіи нормой для питанія человѣка признается не менѣе 48-ми фунтовъ муки въ мѣсяцъ. Въ то же время губернская управа доказывала, что безусловная необходимость увеличенія продовольственной нормы для населенія Самарской губерніи вызывается почти полнымъ отсутствіемъ у крестьянъ всякаго приварка, благодаря совершенному неурожаю крупъ и овощей.

Губернское земское собраніе, вполнѣ соглашаясь съ доводами управы, въ засѣданіи 23-го сентября постановило: возбудить предъ правительствомъ ходатайство о томъ, чтобы размѣръ мѣсячной ссуды на продовольствіе былъ непремѣнно увеличенъ до одного пуда на ѣдока. Въ отвѣтъ на это ходатайство было получено на имя самарскаго губернатора разъясненіе министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что настоящее ходатайство земства „не могло быть уважено въ виду того обстоятельства, что норма въ 35 фунтовъ

опредѣлена бывшимъ въ іюлѣ мѣсяцѣ особымъ совѣщаніемъ, заключенія коего удостоились Высочайшаго одобренія“.

Такъ отозвалась петербургская бюрократія на ходатайство земства, вызывавшееся настоятельнѣйшей необходимостью—вопіющей народной нуждой.

Съ такимъ же явнымъ недовѣріемъ встрѣчено было опредѣленіе земствомъ общаго размѣра продовольственной ссуды, необходимой для пострадавшихъ уѣздовъ, хотя, наученное горькимъ опытомъ своихъ ходатайствъ по прежнимъ голодовкамъ, земство при опредѣленіи этихъ размѣровъ проявило крайнюю осторожность и осмотрительность, дальше которыхъ идти было уже положительно невозможно. Но бюрократія была неумолима. Цифры необходимой продовольственной ссуды, установленныя земствомъ для каждаго уѣзда путемъ долгаго и внимательнаго изученія всѣхъ сторонъ дѣла, признаны были хозяйственнымъ департаментомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ преувеличенными и потому значительно сокращены.

Земство энергически настаивало на своихъ ходатайствахъ, и вотъ въ половинѣ октября въ г. Самару пріѣзжаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ, и подъ его предсѣдательствомъ составляется 16-го числа особое совѣщаніе, въ которомъ участвуютъ представители мѣстной администраціи и земства. Послѣдними были представлены всѣ собранныя ими цифровыя свѣдѣнія въ подкрѣпленіе заявленныхъ ходатайствъ. При этомъ однимъ изъ представителей земства, Н. А. Шишковымъ, было подробно и въ высшей степени обстоятельно выяснено печальное положеніе крестьянскаго хозяйства въ разныхъ

уѣздахъ Самарской губерніи и рельефно очерчены размѣры неурожая, поразившаго большую часть губерніи.

Тѣмъ не менѣе „изъ общаго размѣра заявленной ссуды на продовольствіе министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ исключить почти цѣлый милліонъ *) пудовъ, которые губернское собраніе испрашивало для выдачи на работниковъ и на дополнительную ссуду остальному населенію до одного пуда на ѣдока, находя, что такого рода постановленіе земскаго собранія противорѣчитъ основнымъ положеніямъ особаго совѣщанія, бывшаго въ іюлѣ мѣсяцѣ 1898 года, которымъ было установлено, что ссуда работникамъ можетъ быть выдаваема лишь въ исключительныхъ случаяхъ и съ особою осмотрительностью".

Дальнѣйшій ходъ событій вскорѣ самымъ нагляднымъ и несомнѣннымъ образомъ показалъ, въ какомъ дѣйствительно ужасномъ, безысходномъ положеніи очутилось населеніе значительной части Самарской губерніи, благодаря неурожаю 1898 года, и насколько было право земство, возбуждая свои ходатайства.

Въ частности для Ставропольскаго уѣзда размѣръ продовольственной ссуды губернскимъ земствомъ былъ опредѣленъ въ 1,057,010 пудовъ; за вычетомъ же изъ этой цифры мѣстныхъ запасовъ, имѣвшихся въ уѣздѣ въ количествѣ 266,000 пудовъ, общій размѣръ ссуды за счетъ государственнаго продовольственнаго капитала опредѣленъ въ 791,010 пудовъ. И хотя цифра эта была установлена, согласно требо-

*) А именно 889,298 пудовъ.

ванія свыше, по расчету 35 фунтовъ въ мѣсяцъ на ѣдока, тѣмъ не менѣе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ почему-то было признано возможнымъ назначить на продовольствіе Ставропольскаго уѣзда всего лишь 579,608 пудовъ.

Чѣмъ руководствовались министерскіе чиновники, кромсая столь безцеремонно нормы, выработанныя земствомъ, и произвольно сокращая по собственному усмотрѣнію размѣры необходимаго пособія—никому неизвѣстно.

Полную неудачу потерпѣли также и многія другія ходатайства, возбужденныя самарскимъ губернскимъ земствомъ въ видахъ возможнаго предотвращенія и ослабленія грозившаго бѣдствія. Такъ какъ среди населенія Самарской губерніи, почти исключительно земледѣльческаго, ни отхожіе, ни мѣстные промыслы совсѣмъ не развиты, то съ цѣлью предоставленія заработковъ населенію, постигнутому неурожаемъ, губернское земство ходатайствовало предъ правительствомъ о возможно болѣе широкой организаціи общественныхъ работъ въ предѣлахъ Самарской губерніи. Съ этой цѣлью оно просило о выдачѣ уѣзднымъ земствамъ ссуды въ 405,000 руб. для организаціи общественныхъ работъ, при условіи возврата этой ссуды въ теченіе 25-ти лѣтъ изъ сборовъ, поступающихъ въ спеціальный дорожный капиталъ. При этомъ земствомъ было выяснено, что наиболѣе желательными въ интересахъ населенія работами являются: устройство запрудъ, колодцевъ, обнесеніе канавами лѣсныхъ дачъ и т. п.

Но и это ходатайство „было отклонено, съ одной стороны, потому, что наличныя средства дорожнаго капитала въ Самарской губерніи исключаютъ необ-

ходимость позаимствованій изъ казны на производство работъ собственно по дорожной части, а съ другой, что прочія проектированныя работы ничего общаго съ дорожнымъ дѣломъ не имѣютъ и, слѣдовательно, расходованіе дорожнаго капитала на указанныя потребности не соотвѣтствовало бы тѣмъ цѣлямъ, которыя имѣлись въ виду циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 27-го августа за № 7,860".

Такимъ образомъ и здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же чисто формальнымъ, совершенно бездушнымъ отношеніемъ бюрократіи къ народнымъ нуждамъ... Что за бѣда, что разоренному населенію грозитъ голодъ со всѣми его ужасами! Главное, конечно, не въ этомъ, — не въ томъ, чтобы какъ-нибудь предупредить надвигавшееся бѣдствіе,—совсѣмъ нѣтъ!.. Главное въ томъ, чтобы при этомъ какъ-нибудь не нарушить министерскій циркуляръ отъ такого-то числа и за такимъ-то номеромъ. Вотъ въ чемъ вся суть вопроса!.. Пусть голодаетъ народъ, пусть онъ пухнетъ отъ цынги, пусть какъ мухи мрутъ крестьянскія дѣти, — но циркуляры г. министра должны соблюдаться во что бы то ни стало, хотя бы наперекоръ здравому смыслу, „наперекоръ стихіямъ".

Побуждаемое стремленіемъ предоставить населенію губерніи какіе-нибудь заработки, губернское земство обратилось въ Министерство Путей Сообщенія и Министерство Финансовъ съ просьбой о скорѣйшемъ удовлетвореніи возбужденныхъ ранѣе земскихъ ходатайствъ относительно постройки желѣзныхъ дорогъ, проведеніе которыхъ было уже рѣшено и которыя должны были пересѣчь Самарскую губер-

нію въ разныхъ направленіяхъ, какъ, напримѣръ: Симбирскъ—Бугульма—Уфа, Кротовка—Николаевскъ и нѣкоторыя другія. Но и это ходатайство не имѣло успѣха.

Далѣе было отклонено ходатайство земства о разрѣшеніи льготнаго тарифа на перевозку по желѣзнымъ дорогамъ хлѣба, предназначеннаго въ неурожайныя мѣстности на продовольствіе населенія и на обсѣмененіе яровыхъ полей.

Повидимому, болѣе сочувственно встрѣчены были земскія ходатайства въ Министерствѣ Земледѣлія и въ Департаментѣ Удѣловъ. Губернское земство ходатайствовало предъ этими вѣдомствами о разрѣшеніи безплатной пастьбы скота какъ осенью 1898, такъ и весной 1899 года всему нуждающемуся населенію Самарской губерніи въ лѣсахъ и свободныхъ оброчныхъ статьяхъ, а также о безплатномъ пользованіи валежникомъ, вѣтвями, хворостомъ и, наконецъ, о безплатномъ сборѣ листвы и жолудей.

Ходатайство это было уважено Министерствомъ Земледѣлія, которое и дало знать объ этомъ самарскому управленію государственныхъ имуществъ, поставивъ однако при этомъ слѣдующія условія: 1) чтобы безплатная пастьба скота была допускаема лишь на тѣхъ свободныхъ казенныхъ земляхъ, *„гдѣ это не причинитъ особаго вреда лѣсу“*, и 2) чтобы безплатное собираніе жолудей и валежника разрѣшалось „въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ вездѣ, *гдѣ это представится возможнымъ*“.

Еще бо́льшими ограниченіями и разными коварными оговорками было обставлено разрѣшеніе, данное удѣльнымъ департаментомъ по настоящему ходатайству земства. Подобныя ограниченія и оговорки

послужили для губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ названныхъ выше вѣдомствъ поводомъ для того, чтобы, какъ говорится, „свести на нѣтъ“ дарованныя права и льготы. Благодаря такому отношенію къ дѣлу, разрѣшенными льготами могла воспользоваться лишь самая незначительная, самая ничтожная часть нуждавшагося населенія.

Это тоже обычный, излюбленный пріемъ нашей бюрократіи: въ тѣхъ случаяхъ, когда почему-нибудь является неудобнымъ прямо и рѣшительно „отклонить“ то или другое земское ходатайство, оно удовлетворяется и разрѣшается, но это разрѣшеніе обставляется непремѣнно такими условіями, такими лукавыми и коварными оговорками, которыя въ результатѣ сводятъ совершенно на нѣтъ всѣ тѣ льготы и облегченія, которыя должно было повлечь за собою это разрѣшеніе. Мѣстные губернскіе и уѣздные чиновники, давно пріученные къ этой политикѣ двоедушія, прекрасно, конечно, знаютъ настоящій смыслъ, настоящую цѣну подобнаго рода „разрѣшеній“, а потому всегда употребляютъ съ своей стороны всѣ усилія для болѣе полнаго достиженія тайныхъ цѣлей высшаго начальства.

Такъ какъ благосостояніе населенія Самарской губерніи было сильно подорвано недородомъ предыдущихъ лѣтъ, то поэтому большинство жителей совершенно не имѣло никакихъ запасовъ. Вслѣдствіе этого крестьяне уже ранней осенью—въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ,—не видя ниоткуда помощи, принуждены были продавать за безцѣнокъ скотъ и другое имущество, чтобы купить себѣ хлѣба.

Почти полное отсутствіе кормовъ—сѣна и овса—еще болѣе заставляло крестьянъ распродавать свой

скотъ. Во многихъ мѣстахъ единственный кормъ для скота составлялъ „катунъ", или перекати-поле,—жесткое, колючее растеніе, появляющееся, по увѣренію крестьянъ, обыкновенно въ неурожайные годы. Отъ него у коровъ и лошадей распухало нёбо и языкъ, такъ какъ колючки ранили ихъ. Благодаря массовой распродажѣ скота, цѣны на скотъ пали до послѣдней степени.

Уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ мнѣ писали изъ Ставропольскаго уѣзда: „Насъ утѣшаютъ тѣмъ, что съ февраля подумаютъ о лошадяхъ, только спрашивается: у кого же онѣ останутся до февраля? У кулаковъ? Теперь у насъ крестьянская лошадь идетъ въ среднемъ по 4 — 5 рублей. Покупаютъ татары на мясо. Для нихъ это выгодно, такъ какъ шкура продается обыкновенно за три рубля или за три рубля 50 копеекъ; слѣдовательно, за рубль—полтора татаринъ имѣетъ пудовъ 8—10 мяса".

Но и татары не долго пользовались дешевымъ мясомъ, такъ какъ, благодаря теплой погодѣ, стоявшей въ эту осень, мясо скоро портилось, протухало и гнило. Голодъ однако былъ такъ силенъ, а хлѣба было такъ мало, что татары долгое время не рѣшались отказаться отъ употребленія полусгнившаго мяса, вслѣдствіе чего среди нихъ начали весьма сильно распространяться разныя болѣзни, отъ дизентеріи до цынги включительно.

По Ставропольскому уѣзду земская ссуда стала выдаваться съ октября мѣсяца, при чемъ число ѣдоковъ, нуждавшихся въ ссудѣ на этотъ мѣсяцъ, было опредѣлено въ 37,825 человѣкъ, которымъ и было выдано 32,412 пудовъ хлѣба. Если принять во вниманіе, съ одной стороны, что населеніе Ставрополь-

скаго уѣзда равняется 253,715 челов., а съ другой стороны, полный неурожай, постигшій уѣздъ, и отсутствіе хлѣбныхъ запасовъ у огромнаго большинства населенія, то цифру ѣдоковъ въ 37,825 необходимо признать совершенно ничтожной.

Правда, съ каждымъ мѣсяцемъ число ѣдоковъ, которымъ выдавалась ссуда, постепенно увеличивалось. Такъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ ссуда была выдана на 85,437 человѣкъ, въ декабрѣ—на 106,584, въ январѣ 1899 года—на 124,164, въ ферралѣ — на 133,945 и въ мартѣ—на 147,849 ѣдоковъ.

Затѣмъ, начиная съ апрѣля мѣсяца, число ѣдоковъ, которымъ выдавалась земская ссуда, начинаетъ уменьшаться, а именно: въ апрѣлѣ мѣсяцѣ было выдано на 146,631 человѣка, въ маѣ мѣсяцѣ—на 124,020 челов., въ іюнѣ — на 124,825 и, наконецъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ ссуда была выдана всего лишь на 5,798 человѣкъ, которые получили 2,567 пудовъ хлѣба.

Чтобы дать представленіе о томъ, какъ пользовались, продовольственной ссудой отдѣльныя села, я приведу здѣсь нѣсколько цифръ, относящихся до выдачи ссудъ въ селѣ Бритовкѣ, съ которой мы начали свой объѣздъ голодающихъ селъ и деревень. Населеніе Бритовки, или Выселокъ, какъ мы упомянули, состоитъ изъ татаръ и русскихъ, при чемъ первыхъ считается: 1634 души мужского пола и 1,615 душъ женскаго пола, русскихъ же 780 душъ мужского и 792 души женскаго пола.

Необходимо замѣтить, что въ октябрѣ мѣсяцѣ земская ссуда совсѣмъ не была выдана въ этомъ селѣ. Въ ноябрѣ же и декабрѣ мѣсяцахъ ссуда была выдана только одним татарамъ, русскіе же ссуды въ эти мѣсяцы не получали. Татарамъ было выдано въ

ноябрѣ мѣсяцѣ на 2,370 ѣдоковъ всего лишь 882 пуда 20 фун. и въ декабрѣ на 2,452 ѣдока—2,127 пуд. 35 фун. Такимъ образомъ всю осень бритовскимъ крестьянамъ пришлось голодать.

Далѣе выдача продовольственной ссуды въ Бритовкѣ производилась въ слѣдующемъ размѣрѣ. Въ январѣ мѣсяцѣ 1899 года было выдано: русскимъ на 1,186 ѣдоковъ 419 пуд. 25 фун., татарамъ на 2,481 ѣдока—2,172 пуда 25 фун. Въ февралѣ мѣсяцѣ: русскимъ на 1,200 ѣдоковъ—1,062 пуда 10 фун., татарамъ на 2,494 ѣдоковъ—2,193 пуда 25 фун. Въ мартѣ мѣсяцѣ: русскимъ на 1,489 ѣдоковъ—1,324 пуда 30 фун., татарамъ на 3,056 ѣдоковъ—2,750 пуд. 5 фун. Въ апрѣлѣ: русскимъ на 1,491 ѣдока 1,324 пуда 30 фун., татарамъ на 3,055 ѣдоковъ—2,750 пуд. 5 фун. Въ маѣ: русскимъ на 1,203 ѣдока—1,013 пуд. 10 фун., татарамъ на 2,481 ѣдока — 2,001 пудъ. Въ іюнѣ: русскимъ на 1,204 ѣдока — 1,205 пуд. 5 фун., татарамъ на 2,480 ѣдоковъ—2,472 пуда.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ ссуда въ этомъ селѣ не выдавалась ни русскимъ, ни татарамъ. Всего же земской ссуды по голодовкѣ 1898 — 99 гг. для населенія Бритовки было выдано: 17,349 пудовъ 35 фун. татарамъ и 6,349 пуд. 30 фун. русскимъ.

О томъ, насколько оказалась не достаточной эта ссуда, мы уже видѣли при посѣщеніи селъ и деревень Ставропольскаго уѣзда.

II.

Вопли о хлѣбѣ.—Крестьянскія слезницы.— Суррогаты.

Какъ отнеслись министерства, какъ отнеслась высшая столичная бюрократія къ вопіющей народной нуждѣ,—мы видѣли въ предъидущей главѣ. Далѣе мы постараемся выяснить, какъ вела себя мѣстная самарская бюрократія, — губернская администрація — въ вопросѣ о помощи народу,—народу, который на глазахъ у всѣхъ болѣлъ и пухъ отъ голода и цынги.

Выше мы уже указали, что первой помощью для голодающаго населенія явилась, хотя и съ большимъ запозданіемъ, земско-правительственная ссуда. Несмотря на то, что продовольственный паекъ въ 35 фунтовъ на человѣка оказался, какъ и слѣдовало ожидать, крайне недостаточнымъ, тѣмъ не менѣе *въ общемъ* эта помощь является наиболѣе цѣнной и наиболѣе существенной для населенія губерніи. Достаточно сказать, что въ голодовку 1898—1899 г. на продовольствіе населенія Самарской губерніи на средства одного только имперскаго продовольственнаго капитала было пріобрѣтено и роздано 3,125,505 пудовъ хлѣба, покупка котораго обошлась почти въ 2 милл. руб., а именно въ 1,907,812 р. Кромѣ

того, изъ мѣстныхъ запасовъ [1]) было роздано въ ссуду 2,459,290 пудовъ хлѣба, стоимость котораго, считая въ среднемъ по 60 коп. за пудъ, слѣдуетъ опредѣлить въ 1,475,574 руб.

Тѣмъ не менѣе однако дальнѣйшій ходъ событій вскорѣ показалъ, что помощь эта была совершенно недостаточна для того, чтобы спасти населеніе отъ острой нужды, застраховать его отъ голода и чтобы предупредить развитіе тѣхъ болѣзней, которыя являются неизбѣжными спутниками плохого и недостаточнаго питанія. Помимо того, что 35-тифунтовый продовольственный паекъ самъ по себѣ былъ крайне недостаточенъ, необходимо еще имѣть въ виду, что огромная часть нуждавшагося населенія совершенно лишена была всякой возможности пользоваться продовольственной ссудою, такъ какъ по правиламъ, утвержденнымъ правительствомъ, *ссуды не выдавались слѣдующимъ категоріямъ лицъ*:

1) Всѣмъ работникамъ, т.-е. лицамъ мужскаго пола, въ возрастѣ отъ 18-ти до 55-ти лѣтъ.

2) Дѣтямъ до одного года,

3) Крестьянамъ другихъ губерній, живущимъ въ предѣлахъ Самарской губерніи.

4) Мѣщанамъ, которые не представятъ ручательства тѣхъ обществъ, среди которыхъ они живутъ.

5) Вдовамъ и сиротамъ изъ духовнаго званія.

6) Разночинцамъ, не приписаннымъ къ обществамъ и за которыхъ общества, среди которыхъ они живутъ, не дадутъ ручательства.

---

[1]) Подъ „мѣстными запасами" разумѣется, во-первыхъ, хлѣбъ, хранящійся въ сельскихъ общественныхъ магазинахъ, и, во-вторыхъ, хлѣбъ, пріобрѣтаемый на средства мѣстныхъ продовольственныхъ капиталовъ—сельскаго и уѣзднаго.

7) Мелкимъ собственникамъ, владѣющимъ на правахъ частной собственности не менѣе 10-ти десятинъ на отдѣльнаго владѣльца.

8) Безземельнымъ, бездомовымъ крестьянамъ, за которыхъ тѣ общества, среди которыхъ они живутъ, не дадутъ за круговою другъ за друга порукою ручательства въ своевременномъ возвратѣ ссудъ, взятыхъ этими лицами.

На всѣхъ этихъ изъятіяхъ настояло министерство г. Горемыкина.

Отсюда понятно, конечно, что всѣ эти обойденные ссудой, всѣ эти обездоленные первые, конечно, испытали на себѣ тяжелыя послѣдствія неурожая, первые почувствовали грозное приближеніе зловѣщаго призрака голода. Затѣмъ острая, крайняя нужда въ хлѣбѣ начала постепенно обнаруживаться и среди другихъ слоевъ крестьянскаго населенія.

Въ довершеніе всего необходимо имѣть въ виду, что продовольственная ссуда, согласно постановленіямъ губернскаго земскаго собранія прежнихъ лѣтъ, разрѣшалась лишь тѣмъ сельскимъ обществамъ, которыя выдавали обязательство завести у себя общественную запашку. А такъ какъ населеніе губерніи повсюду относилось къ обязательнымъ общественнымъ запашкамъ крайне подозрительно, непріязненно и враждебно, то нерѣдко бывали случаи, когда крестьяне предпочитали лучше голодать, чѣмъ согласиться на введеніе у себя общественной запашки.

Изъ селъ, деревень и хуторовъ посыпались просьбы и мольбы о помощи. Куда только и кому только не посылались эти скорбныя „слезницы“, эти безграмотныя, но хватающія за душу прошенія о хлѣбѣ и „способіи“! Во многихъ изъ нихъ хотя кратко, но въ

то же время какъ нельзя болѣе выразительно описывалось печальное, безъисходное положеніе крестьянской массы, пораженной неурожаемъ. Вотъ образчикъ одного изъ такихъ прошеній: „По случаю недорода хлѣбовъ въ текущемъ году въ N-ской волости, мы въ настоящее время всѣ вообще крестьяне пришли въ бѣдственное положеніе въ насущномъ кускѣ хлѣба, поэтому почти весь свой домашній скотъ сбыли за безцѣнокъ", и т. д.

А вотъ образчикъ болѣе подробной, болѣе мотивированной крестьянской „слезницы", поданной на имя самарскаго губернатора. Это уже настоящій вопль голодныхъ, заморенныхъ людей. Послѣ обычнаго титула значится: „просятъ постоянно проживающіе въ селѣ Сорочинскомъ, Бузулукскаго уѣзда, крестьяне изъ татаръ разныхъ губерній (слѣдуютъ имена и фамиліи)... въ числѣ 74-хъ человѣкъ, всего 340 ѣдоковъ".

„Мы, нижеподписавшіеся просители, голодающіе нынѣ окончательно, во всемъ терпимъ нужду, голодуемъ, разуты и раздѣты, бѣдны, насущнаго хлѣба налицо не имѣемъ, работы нѣтъ, ходимъ по-міру, намъ вездѣ отказываютъ, жить намъ надо, а помирать голодной смертью нежелательно. Пособія намъ никто на наше прокормленіе не даетъ, и *многіе изъ насъ начали съ голоду хворать: больны, опухли*. Средствъ своихъ къ жизни мы никакихъ у себя не имѣемъ, теперь одна надежда осталась на Бога и на васъ, ваше превосходительство, и если вы не поможете, то хоть сейчасъ ложись и умирай. И дабы намъ всѣмъ по милости нашей бѣдности и безработицы не пропасть и не умереть голодной смертью, мы честь имѣемъ покорнѣйше просить васъ, ваше превосходительство,

о выдачѣ намъ хлѣба, пособія на наше со своими семьями прокормленіе не оставить, чрезъ кого слѣдуетъ учинить свое надлежащее распоряженіе, чѣмъ насъ и *избавить отъ неминуемой голодной смерти*, на что и смѣемъ ожидать отъ вашего превосходительства просимой помощи хлѣбомъ или деньгами на хлѣбъ, въ томъ и подписуемся“ (слѣдуетъ перечисленіе именъ и фамилій просителей).

Отъ этой слезницы такъ и вѣетъ челобитной, какія подавались „чернымъ народомъ“ въ трудные, роковые для него моменты исторической жизни два—три столѣтія тому назадъ.

Крестьяне деревни Средней Правой Чесноковки Самарскаго уѣзда обратились къ тому же должностному лицу съ такою просьбою: „Въ виду непринятія обществомъ запашки, къ которой изъявлялось (бы) наше желаніе, мы бѣдные семейства остались совершенно въ безвыходномъ положеніи и никакой нѣтъ надежды пропитать своихъ семействъ. Имущества у насъ, какъ у переселенцевъ, кромѣ избы съ сѣнями да лошади съ коровой, совершенно никакого нѣтъ, да и то необходимость отъ голода заставляетъ послѣднее продать, и нѣкоторые уже и продали и если на вырученныя деньги куплено пропитаніе, то самое ничтожное количество, котораго продолжится не долѣе одной или двухъ недѣль. Во избѣжаніе такихъ обстоятельствъ, мы вынуждены нашлись обратиться и покорнѣйше просить ваше превосходительство, не дозволите ли найти какой-либо возможности о разрѣшеніи выдачи намъ продовольственной ссуды, хотя на денежную уплату рублевымъ сборомъ [1]) и не

[1]) Общественную запашку разрѣшалось въ отдѣльныхъ случаяхъ замѣнять особымъ сборомъ по одному рублю съ каждой души.

будетъ ли возможности поспѣшить разрѣшеніемъ, чѣмъ *избавите насъ отъ голодной смерти*".

Иногда голодавшіе крестьяне рѣшались чрезъ своихъ уполномоченныхъ посылать на имя губернскаго начальства телеграммы, въ которыхъ еще опредѣленнѣе звучали вопли о помощи,—вопли, полные отчаянія и страха за свое существованіе, за жизнь своихъ семействъ.

Вотъ копія съ телеграммы уполномоченныхъ деревень Новопенделки и Алтаты Новоузенскаго уѣзда отъ 30-го октября 1898 года: „Въ виду неурожая хлѣбовъ въ обществахъ деревни Новопенделки и Алтаты *страшная нужда въ хлѣбѣ*. Крестьяне за безцѣнокъ продаютъ и рѣжутъ послѣдній рабочій скотъ на пропитаніе своихъ семействъ. Распоряженій на выдачи или отказа въ пособіи не поступаетъ. *Многіе безъ куска хлѣба*, близко заболѣваніе, просимъ ваше превосходительство, благоволите скорѣйшія выдачи пособія, ходатайствуемъ приговоромъ". Подъ телеграммой подпись трехъ уполномоченныхъ.

А вотъ копія телеграммы, отправленной 23-го ноября изъ села Альметьева Бугульминскаго уѣзда: „*По случаю неурожая умираемъ съ голоду*". *Скотъ проѣли*. Ближайшее начальство безъ обязательства ссуды не разрѣшаетъ. Сѣмянъ для посѣва озимей не дали. Благоволите разрѣшить выдать продовольственную ссуду. Уполномоченный деревни Верхней-Кармалки Сапуновъ".

Вообще острая нужда въ хлѣбѣ сказалась тѣмъ скорѣе и тѣмъ рѣзче, что имѣвшихся кое у кого изъ крестьянъ скудныхъ запасовъ могло достать лишь на самое короткое время. Уже въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцѣ недостатокъ въ хлѣбѣ вынудилъ

очень многихъ прибѣгнуть къ суррогатамъ. Въ октябрѣ же и ноябрѣ масса народа въ уѣздахъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая, питалась хлѣбомъ съ громадной примѣсью различныхъ суррогатовъ, въ родѣ жолудей, лебеды, отрубей, куколя и т. п.

Во многихъ мѣстностяхъ подобные суррогаты составляли *третью часть* муки, изъ которой приготовлялся хлѣбъ. Но были и такія мѣстности, гдѣ хлѣбъ изготовлялся *главнымъ образомъ* изъ жолудей съ небольшой лишь примѣсью ржаной муки, которая клалась для клейкости, такъ какъ хлѣбъ, приготовленный изъ однихъ жолудей, при печеніи разсыпался какъ песокъ.

Лично мною было получено множество образцовъ хлѣба, которымъ питалось тогда крестьянское населеніе въ селахъ и деревняхъ, наиболѣе пораженныхъ неурожаемъ. Между прочимъ такіе образцы присланы были изъ Ставропольскаго, Николаевскаго, Бугульминскаго и Бугурусланскаго уѣздовъ.

Хлѣбъ, присланный изъ Хмѣлеевской волости Ставропольскаго уѣзда, былъ изготовленъ главнымъ образомъ изъ толченыхъ жолудей съ небольшою примѣсью ржаной муки. По увѣренію мѣстныхъ жителей, этотъ хлѣбъ состоялъ изъ $^3/_4$ жолудевой муки и лишь $^1/_4$ ржаной муки. Крестьяне говорили, что отъ употребленія этого хлѣба у многихъ распухали животъ, шея и ноги.

Хлѣбъ, присланный изъ села Ново-Спасскаго Николаевскаго уѣзда, по сообщенію мѣстнаго земскаго врача, содержалъ „громадную примѣсь лебеды и куколя". По внѣшнему виду онъ представлялъ собою плотную, темную, почти совсѣмъ черную

массу, очень похожую на торфъ. Но самый невозможный хлѣбъ полученъ былъ изъ нѣкоторыхъ селеній Бугурусланскаго уѣзда. Дѣйствительно, это было нѣчто ужасное. Въ немъ не было рѣшительно ничего, что бы хотя сколько-нибудь напоминало обыкновенный хлѣбъ, приготовляемый изъ ржаной муки. Всего болѣе этотъ хлѣбъ походилъ на куски того кизяка, который приготовляется крестьянами для топки печей. Читатель, навѣрное, знаетъ, что кизяки эти приготовляются главнымъ образомъ изъ перегорѣвшаго навоза...

Особенно тяжело было положеніе инородцевъ, главнымъ образомъ татаръ, составляющихъ весьма значительную часть всего состава населенія Самарской губерніи и въ частности Ставропольскаго уѣзда[1]). Несмотря на это, однако очень многіе, даже изъ числа вполнѣ интеллигентныхъ людей, относились къ татарамъ безъ всякаго участія, съ явнымъ предубѣжденіемъ.

— Помилуйте,—говорили эти лица,—для кого голодъ, а для татаръ—праздникъ. Теперь они за рубль—за два имѣютъ цѣлую лошадь, т.-е. восемь или десять пудовъ мяса. Чего же имъ еще лучше? Жрутъ себѣ „маханъ"—и горя мало.

Но въ такомъ видѣ дѣло могло представляться лишь издали. На самомъ же дѣлѣ нужно знать, что представляли изъ себя тѣ лошади, которыя попадали въ это время къ татарамъ. Это были заморенныя до послѣдней степени клячи, едва-едва передвигавшія ноги и состоявшія буквально изъ кожи да костей.

---

[1]) Въ Ставропольскомъ уѣздѣ татарское населеніе составляетъ 11% общей цифры населенія уѣзда.

Вмѣсто мяса—однѣ жилы. На одной такой конинѣ безъ хлѣба прожить было рѣшительно невозможно.

Одинъ мой знакомый, *занимающій офиціальный постъ въ уѣздѣ*, посѣтилъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ татарскую деревню Лабитово, Ставропольскаго уѣзда. Обойдя избы, онъ обнаружилъ, что въ трехъ домахъ совсѣмъ не было хлѣба—ни одного ломтя, ни одной корки. Оказалось, что въ теченіе уже двухъ недѣль обитатели этихъ домовъ не видѣли хлѣба и питались исключительно одной кониной. Прежде всего это отразилось на дѣтяхъ и подросткахъ, которые такъ исхудали, что на нихъ страшно было смотрѣть. Нѣкоторыя дѣти представляли собою живые скелеты, обтянутые кожей,—такъ они были худы. Послѣ этого неудивительно, конечно, что люди болѣли, у нихъ опухали ноги, появлялась рвота...

Затѣмъ наступила долгая, суровая зима, въ теченіе которой населенію пришлось страдать не только отъ голода, но и отъ холода вслѣдствіе недостатка топлива и платья.

— И откуда мужику взять топлива?—говорили намъ мѣстные жители.—Своихъ лѣсовъ у него давно нѣтъ. Чтобы покупать дрова изъ казенныхъ, удѣльныхъ или частныхъ дачъ, нужны деньги. Остаются кизяки, приготовляемые изъ навоза. Но разъ нѣтъ скота, нѣтъ и навоза, слѣдовательно нѣтъ и кизяковъ. О соломѣ и говорить нечего: она такъ дорога, что ее „не укупишь“, какъговорятъ крестьяне.

Знала ли обо всемъ этомъ мѣстная администрація? Зналъ ли объ этомъ самарскій губернаторъ, бывшій каваллергардъ, а затѣмъ „благодушный“ помпадуръ г. Брянчаниновъ? Зналъ ли объ этомъ самарскій вице-губернаторъ, пресловутый г. Кондоиди?

О, конечно, они все это прекрасно знали, да и не могли не знать, такъ какъ объ этомъ, несмотря на драконовскую цензуру того времени, все же писалось въ независимыхъ органахъ печати,—объ этомъ громко заявлялось представителями мѣстнаго земства, наконецъ объ этомъ, какъ мы видѣли, еще громче кричали голодающіе крестьяне, закидывая губернскую администрацію цѣлымъ градомъ прошеній и жалобъ, въ которыхъ умоляли спасти ихъ отъ „неминуемой" голодной смерти.

Но зная все это, самарскіе администраторы съ своей стороны ровно ничего не сдѣлали для помощи голодавшему крестьянству. Мало этого. Они, какъ мы увидимъ далѣе, употребляли не мало усилій для того, чтобы по возможности затормозить дѣятельность мѣстнаго земства и частную общественную иниціативу, имѣвшія цѣлью организацію необходимой помощи народу.

III.

Право кормить голодныхъ.

Голодовка не замедлила, разумѣется, подготовить почву для всевозможныхъ болѣзней. Уже съ половины ноября въ Самарѣ начали получаться извѣстія о появленіи болѣзней то въ томъ, то въ другомъ концѣ губерніи. Такъ, 16-го ноября земскій врачъ 3-го участка Бугурусланскаго уѣзда сообщалъ, что въ деревнѣ Клиновкѣ Богородской волости „по причинѣ плохого питанія вслѣдствіе недостатка въ хлѣбѣ" среди крестьянскаго населенія сталъ сильно распространяться брюшной тифъ.

23-го ноября была получена телеграмма отъ предсѣдателя бугульминской земской управы о томъ, что въ селѣ Большой-Ефановкѣ развиваются эпидемическія болѣзни и были уже смертельные случаи, вслѣдствіе чего является необходимость командировать въ это село санитарный отрядъ. Спустя три дня, 26-го ноября, тѣмъ же предсѣдателемъ бугульминской земской управы было вновь сообщено телеграммой, что различныя болѣзни сильно распространяются въ первомъ медицинскомъ участкѣ уѣзда.

Не менѣе тревожнаго характера сообщенія были получены также изъ Ставропольскаго уѣзда (село Юрманка Архангельской волости), изъ Бузулукскаго

уѣзда (село Грачевка Ключевской волости), изъ Николаевскаго уѣзда (село Малая-Глушица), изъ Новоузенскаго уѣзда (село Красный-Яръ), изъ Бугурусланскаго уѣзда (село Авдѣевка) и т. д. Затѣмъ получены были извѣстія, что, „кромѣ тифа, появилась цынга и стала сильно распространяться среди населенія“.

Такимъ образомъ возникло серьезное опасеніе, что, благодаря плохому и недостаточному питанію тифъ, цынга и другія болѣзни могутъ получить весьма широкое распространеніе, вслѣдствіе чего земству въ будущемъ пришлось бы потратить огромныя средства на борьбу съ этими эпидеміями. Въ виду этого губернская земская управа, основываясь на цитированномъ уже нами циркулярѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 27-го іюля 1898 г., допускавшемъ „въ исключительныхъ случаяхъ“ выдачу ссудъ на работниковъ, предложила всѣмъ уѣзднымъ управамъ выдавать продовольственную ссуду и лицамъ рабочаго возраста въ тѣхъ случаяхъ, когда, по мнѣнію какъ уѣздныхъ управъ, такъ и земскихъ начальниковъ, отказъ въ ссудѣ лицамъ рабочаго возраста можетъ повлечь за собою распространеніе эпидеміи. Вмѣстѣ съ этимъ губернскимъ земствомъ въ виду серьезности положенія возбуждаются новыя ходатайства о назначеніи дополнительныхъ ссудъ на продовольствіе населенія.

Что касается общественной и частной благотворительности, то эти виды помощи запоздали еще болѣе, чѣмъ земско-правительственная помощь. Особенно же сильно запоздала помощь со стороны нашей офиціальной благотворительности, главными органами которой являются россійское Общество Краснаго Креста и Общество „трудовой помощи“. Такое за-

позданіе со стороны органовъ офиціальной благотворительности тѣмъ болѣе непонятно, что самарское губернское земское собраніе еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1898 года возбудило ходатайство предъ правительствомъ объ открытіи дѣятельности Краснаго Креста въ уѣздахъ въ видахъ оказанія помощи тѣмъ слоямъ населенія, которые не могли разсчитывать на земскую ссуду.

Гораздо болѣе отзывчивой и подвижной оказалась частная общественная благотворительность. Но, къ сожалѣнію, на первыхъ порахъ она встрѣтила у насъ слишкомъ суровый пріемъ, слишкомъ подозрительное отношеніе къ себѣ, что, разумѣется, надолго затормозило ея примѣненіе и дальнѣйшее развитіе.

Долгое время никто не зналъ даже, будетъ ли вообще допущена частная иниціатива въ дѣлѣ организаціи помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая; будетъ ли разрѣшено частнымъ лицамъ и кружкамъ собирать пожертвованія въ пользу голодающихъ, устраивать для нихъ столовыя и оказывать другіе виды помощи.

Со стороны мѣстной администраціи долгое время дѣлались всевозможныя усилія съ цѣлью скрыть истинные размѣры бѣдствія, переживавшагося народомъ, страшный неурожай выдавался за легкій недородъ самыя слова „голодъ", „голодающіе" долгое время систематически вычеркивались изъ мѣстныхъ газетъ: послѣднія лишены были всякой возможности печатать у себя корреспонденціи и сообщенія, которыя они получали изъ селъ и деревень и въ которыхъ рисовалось истинное положеніе дѣла. Но губернской цензурѣ и этого казалось мало, и она шла еще дальше, строжайше воспрещая мѣстнымъ газетамъ даже

перепечатку изъ столичныхъ изданій извѣстій объ острой нуждѣ населенія, пораженнаго неурожаемъ.

Тѣ лица изъ мѣстнаго общества, которыя рѣшались помѣщать въ столичныхъ газетахъ сообщенія о томъ, что происходило въ мѣстностяхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ голодовки, наживали себѣ крупныя непріятности. На нихъ у насъ смотрѣли какъ на нарушителей общественнаго спокойствія и видѣли въ нихъ чуть-чуть не бунтовщиковъ и агитаторовъ.

При этихъ условіяхъ въ обществѣ не могло составиться представленія объ истинныхъ размѣрахъ народнаго бѣдствія, не могло составиться убѣжденія о необходимости неотложной помощи, а потому и не могло явиться ни средствъ, ни людей, готовыхъ работать на пользу голодающихъ. До села Бритовки, напримѣръ, частная помощь достигла лишь въ половинѣ декабря, при чемъ коснулась исключительно однихъ дѣтей. 16-го декабря 1898 года въ селѣ Бритовкѣ мѣстною учительницей земской школы А. И. Снѣгиревой на средства самарскаго частнаго кружка была открыта первая столовая на 60 человѣкъ дѣтей, преимущественно учениковъ этой школы. Затѣмъ, на другой день, 17-го декабря, была открыта столовая на такое же число татарскихъ дѣтей, при чемъ завѣдываніе этою столовой было поручено татарину Садыкъ-Берхеичу, служащему чѣмъ-то въ родѣ приказчика въ мѣстной экономіи графа Орлова-Давыдова.

Такимъ образомъ на первыхъ порахъ число дѣтей, которыя получили доступъ въ безплатныя столовыя въ селѣ Бритовкѣ, не превышало 120. И только въ самомъ концѣ зимы число дѣтей, обѣдающихъ въ столовыхъ, начинаетъ постепенно увеличиваться. Такъ, съ 13-го февраля число обѣдающихъ въ столовыхъ,

находившихся въ завѣдываніи Садыкъ-Берхеича, увеличивается вдвое, т.-е. вмѣсто прежнихъ 60-ти онъ начинаетъ кормить 120 человѣкъ дѣтей. Затѣмъ, по мѣрѣ приближенія весны число дѣтей, кормящихся въ столовыхъ частнаго кружка, растетъ все болѣе и болѣе. 24-го марта была прибавлена еще одна столовая на 40 человѣкъ дѣтей, а съ начала апрѣля Садыкъ началъ кормить уже 200 человѣкъ татарскихъ дѣтей.

Что же касается столовыхъ, находившихся въ завѣдываніи г-жи Снѣгиревой, то она только 5-го марта могла увеличить число кормившихся до 80-ти человѣкъ дѣтей. Затѣмъ съ 15-го апрѣля она начала кормить 100 человѣкъ въ двухъ столовыхъ.

Такимъ образомъ въ моментъ нашего пріѣзда въ Бритовкѣ дѣйствовали семь столовыхъ самарскаго частнаго кружка, изъ которыхъ пять, по 40 человѣкъ дѣтей въ каждой, находились въ завѣдываніи Садыкъ-Берхеича и двѣ столовыя — въ завѣдываніи г-жи Снѣгиревой, по 50-ти дѣтей въ каждой.

Несмотря однако на всѣ въ высшей степени неблагопріятныя, совершенно ненормальныя условія, которыми обставлена у насъ частная благотворительность, несмотря на всѣ стѣсненія, она все же пришла на помощь народу гораздо ранѣе, чѣмъ органы офиціальной благотворительности, давно извѣстные своей тяжеловѣсностью. Въ Бритовку или Выселки Красный Крестъ явился на помощь лишь тогда, когда тамъ въ сильнѣйшей степени развилась уже цынга, когда тамъ сотни людей опухли отъ голода, покрылись язвами и кровоподтеками. Это было около марта мѣсяца 1899 года. Такимъ образомъ Красному Кресту пришлось бороться уже не столько съ голодомъ,

сколько съ его послѣдствіями, т.-е. съ цынгой и другими болѣзнями.

Будь у насъ иныя, болѣе нормальныя условія для приложенія частной иниціативы въ дѣлѣ оказанія помощи народу при подобныхъ бѣдствіяхъ, можно съ увѣренностью утверждать, что и голодовка 1898 года во многихъ мѣстахъ не приняла бы той острой формы, въ какой она выразилась, и такимъ образомъ развитіе болѣзней, возникшихъ на почвѣ недоѣданія, могло быть въ значительной степени предупреждено своевременно поданной частной общественной помощью.

Въ виду этого невольно возникаютъ вопросы: когда же наконецъ за русскимъ обществомъ будетъ признано право приходить на помощь населенію, страдающему отъ голода и болѣзней? Когда же наконецъ лица, желающія употребить свои средства и свои силы на помощь народу въ подобныхъ случаяхъ, не будутъ бояться, что ихъ стремленія помочь страждущимъ будутъ заподозрѣны, что ихъ помощь будетъ отвергнута, что устроенныя ими столовыя будутъ закрыты первымъ урядникомъ, становымъ или земскимъ начальникомъ?

Право помогать неимущимъ! Право кормить голодныхъ!.. Не правда ли, какъ странно, какъ дико, что подобнаго права намъ, русскимъ, приходится, добиваться и притомъ добиваться съ такимъ трудомъ!

Между тѣмъ лучшая часть русскаго общества всегда горячо отзывалась на нужды народа въ тяжелые и трудные для него моменты. Припомните, напримѣръ, голодовку 1891—92 гг. Кто прежде всего откликнулся тогда на народное бѣдствіе? Кто поспѣшилъ на помощь голодавшему народу?

Тутъ въ первыхъ рядахъ мы видимъ: Л. Н. Толстого и многихъ членовъ его семьи, Вл. Г. Короленко, профессора В. И. Вернадскаго и его кружокъ, А. А. Корнилова, В. С. Сѣрову, А. И. Эртеля, В. Е. Якушкина, В. О. Португалова, Н. Ф. Цвиленева, А. В. Погожеву, М. И. Токмакову-Водовозову, г-жу Ушинскую (дочь извѣстнаго педагога), М. П. Миклашевскаго, В. Г. Черткова, графа В. А. Бобринскаго, Н. Я. Грота, Л. Ф. Пантелѣева, К. К. Арсеньева, Р. И. Писарева, баронессу В. И. Икскуль, В. В. Берви и цѣлый рядъ земскихъ врачей, какъ, напримѣръ: Илья Бѣляевъ въ Рязанской губ., д-ръ Шмукеръ въ Саратовской и т. д., затѣмъ очень многихъ народныхъ учителей и учительницъ и наконецъ цѣлую массу студентовъ и слушательницъ женскихъ курсовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что на помощь народу, пораженному голодовкой, прежде всего отозвались представители прогрессивной части русскаго общества: писатели, земскіе дѣятели, профессора, интеллигентныя дамы и барышни, представители третьяго элемента въ лицѣ врачей и учителей и наконецъ учащаяся молодежь обоего пола.

Что же касается правящихъ классовъ и представителей администраціи, то изъ этой среды мы знаемъ лишь одного человѣка, который въ то время отнесся къ народному бѣдствію дѣйствительно горячо, искренно, сердечно. Это былъ саратовскій губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Андрей Ивановичъ Косичъ. Но онъ немедленно же поплатился за свою „горячность“.

Совершенно свободный отъ бюрократическаго формализма, прямой, честный, сочувствующій народу и стремившійся сдѣлать для него все, что было въ его власти, Косичъ энергически принялся за орга-

низацію широкой помощи голодающимъ, пригласивъ къ активному участію въ этомъ и всѣ слои мѣстнаго общества. Реакціонныя газеты въ родѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ пришли въ ужасъ отъ воззваній и разныхъ начинаній Косича и подняли противъ него настоящій походъ. Въ одной изъ своихъ статей „М. В.“, между прочимъ, торжественно заявили, что въ лицѣ саратовскаго губернатора Косича на Волгѣ, явился... второй Пугачевъ! Въ то время „Москов. Вѣдомости“ были въ силѣ, въ числѣ ихъ сотрудниковъ и вдохновителей значились такія особы, какъ К. П. Побѣдоносцевъ; къ голосу этой газеты прислушивался дворъ Александра III.

И вотъ въ результатѣ А. И. Косичъ былъ немедленно лишенъ губернаторства и удаленъ изъ Саратова, съ назначеніемъ въ Кіевъ по военному вѣдомству, а на его мѣсто въ Саратовъ былъ назначенъ князь Б. Б. Мещерскій,—заядлый крѣпостникъ, глубоко равнодушный къ положенію и бѣдствіямъ людей „черной кости“.

IV.

Письмо къ графу Л. Н. Толстому.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1899 года меня посѣтили молокане села Патровки, Бузулукскаго уѣзда, возвращавшіеся изъ Москвы, гдѣ они были у графа Л. Н. Толстого. Эти молокане были мои давнишніе знакомые: еще въ 1881 году мнѣ пришлось прожить въ ихъ селѣ нѣсколько недѣль, собирая свѣдѣнія о молоканской сектѣ.

Кстати замѣчу здѣсь, что ко времени моего пребыванія въ селѣ Патровкѣ относится и начало моего знакомства съ графомъ Л. Н. Толстымъ, который пріѣзжалъ тогда въ свое имѣніе, расположенное въ 10 верстахъ отъ этого села, чтобы пожить въ степи и попить кумыса.

Пріѣхавшіе изъ Москвы молокане сообщили мнѣ, что Левъ Николаевичъ очень интересуется положеніемъ, въ которомъ находится населеніе Поволжья вслѣдствіе неурожая, и проситъ меня сообщить ему подробныя свѣдѣнія о положеніи дѣла помощи въ Самарской губерніи.

Въ то же время они передавали, что Левъ Николаевичъ выражалъ готовность прислать къ намъ въ Самару часть изъ тѣхъ денегъ, которыя присылаются къ нему въ его распоряженіе для помощи голодающимъ.

Конечно, я поспѣшилъ исполнить желаніе графа Толстого и на другой же день отправилъ ему большое письмо, въ которомъ откровенно описалъ положеніе дѣла въ Самарской губерніи, насколько оно было мнѣ извѣстно. Спустя дня три послѣ этого, 23-го февраля, поздно вечеромъ, вернувшись съ засѣданія самарскаго частнаго кружка, я нашелъ у себя телеграмму изъ Москвы отъ Л. Н. Толстого, который спрашивалъ разрѣшенія напечатать въ газетахъ мое письмо къ нему. Разумѣется, я поспѣшилъ отвѣтить, что ничего не имѣю противъ напечатанія моего письма и что вообще предоставляю его въ полное его распоряженіе.

Вслѣдъ за этимъ въ номерѣ 62 „Русскихъ Вѣдомостей“ отъ 4 марта Левъ Николаевичъ помѣстилъ мое письмо къ нему съ нѣкоторыми сокращеніями, вызванными, очевидно, цензурными соображеніями. Такъ какъ въ письмѣ этомъ, хотя и въ сжатой формѣ, довольно ярко рисуется картина ужаснаго положенія, въ какомъ находилась въ то время большая часть крестьянскаго населенія Самарской губерніи, то я позволю себѣ привести здѣсь это письмо цѣликомъ, безъ всякихъ сокращеній.

Глубокоуважаемый
Левъ Николаевичъ!

Вчера приходилъ ко мнѣ Василій Константиновичъ, молоканинъ изъ села Патровки, и сообщилъ, что вы готовы прислать къ намъ въ кружокъ деньги, находящіяся въ вашемъ распоряженіи, для помощи голодающимъ крестьянамъ Самарской губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передавалъ, что вы желали бы имѣть свѣдѣнія о степени и размѣрахъ нужды, а также

о нашей дѣятельности,—не знаю, такъ ли я его понялъ?

Въ виду этого спѣшу сообщить вамъ, что нужда среди крестьянскаго населенія большей части Самарской губерніи въ настоящее время достигла до крайнихъ предѣловъ. Вамъ, быть-можетъ, уже извѣстно, что наиболѣе пострадали Бугульминскій и Ставропольскій уѣзды (въ послѣднемъ, напримѣръ, изъ 32-хъ волостей въ 30-ти волостяхъ полнѣйшій неурожай[1]), затѣмъ весьма сильно пострадали, хотя и не сплошь, а мѣстами, Бугурусланскій и Самарской уѣзды, менѣе Новоузенскій и Николаевскій и наконецъ всего менѣе пострадалъ Бузулукскій уѣздъ, въ большей части котораго былъ весьма хорошій урожай. Къ неурожаю хлѣбовъ присоединился полнѣйшій неурожай кормовъ для рабочаго и домашняго скота.

Слѣдуетъ замѣтить, что и въ прошломъ, т.-е. въ 1897 году, почти тѣ же самые уѣзды весьма сильно пострацали отъ недорода. Благодаря этому голодовка нынѣшняго года отозвалась особенно тяжело на населеніи, такъ какъ запасы отъ прошлыхъ лѣтъ были уже истощены. Потребовалась земская ссуда, которая и была разрѣшена правительствомъ, хотя и съ большими урѣзками.

Какъ вамъ извѣстно, земская ссуда выдается съ очень большими ограниченіями (работники и дѣти до одного года не получаютъ ссуды) и притомъ въ крайне недостаточномъ размѣрѣ—по 35-ти фунтовъ на человѣка. Затѣмъ необходимо имѣть въ виду, что изъ этого количества 8 фунтовъ уходитъ на покрытіе расходовъ по перевозкѣ хлѣба и по размолу.

---

[1]) По свѣдѣніямъ земства и администраціи.

Такимъ образомъ остается лишь 27 фунтовъ, т.-е. менѣе одного фунта въ день. И это почти при полномъ отсутствіи всякихъ запасовъ, всякихъ крупъ, овощей и т. п.; капуста, картофель, лукъ также не родились въ нынѣшнемъ году.

Въ силу необходимости населеніе вынуждено прибѣгать къ суррогатамъ. Хлѣбъ изъ лебеды и лепешки изъ молотыхъ желудей, съ самой незначительной примѣсью муки, можно встрѣтить вездѣ, гдѣ только уродилась лебеда и гдѣ крестьяне имѣютъ возможность пользоваться желудями. Мякина и отруби также идутъ на хлѣбъ. Навѣрное вамъ не разъ случалось видѣть хлѣбъ, приготовленный изъ подобныхъ суррогатовъ. Образцы его мы разсылали многимъ профессорамъ-медикамъ, въ редакціи газетъ и т. д. Безъ отвращенія невозможно видѣть этотъ хлѣбъ. Это прямо нѣчто ужасное, потрясающее нервы.

Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ селахъ Бугульминскаго уѣзда отъ употребленія хлѣба изъ желудевой муки были случаи отравленія, мѣстное начальство воспретило мельникамъ молоть желуди. Но голодные крестьяне и тутъ нашлись: они начали печь желуди на угольяхъ и ѣсть ихъ въ такомъ видѣ. Но есть мѣстности, гдѣ и суррогатовъ нѣтъ, гдѣ лебеда не уродилась и гдѣ нѣтъ дубовыхъ лѣсовъ, а слѣдовательно нѣтъ и желудей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напримѣръ, въ селѣ Апаковѣ, Ставропольскаго уѣзда) крестьяне пробовали было кормить скотъ и домашнюю птицу желудевой мукой, но скотъ отъ нея началъ болѣть, а куры—дохнуть.

Заработковъ на мѣстахъ пока нѣтъ никакихъ, на сторону же могутъ отправиться только люди средняго достатка, у которыхъ есть полушубокъ, чепанъ,

обувь и проч.; между тѣмъ у очень многихъ крестьянъ, особенно въ татарскихъ деревняхъ, ничего этого нѣтъ; здѣсь вы то и дѣло встрѣчаете мужиковъ, одѣтыхъ въ какія-то рубища, чрезъ которыя сквозитъ голое тѣло. О дѣтяхъ и говорить нечего. Въ очень многихъ семьяхъ дѣти имѣютъ только по одной рубахѣ; поэтому, когда мать стираетъ и затѣмъ сушитъ бѣлье, то дѣти совершенно голыя сидятъ на печкѣ или жмутся на шесткѣ. У многихъ же дѣтей совсѣмъ нѣтъ никакого бѣлья, такъ что и въ школу ученики зачастую приходятъ въ одномъ верхнемъ платьѣ, одѣтомъ прямо на голое тѣло и которое поэтому они уже не снимаютъ во все время пребыванія въ школѣ.

Въ татарскихъ селахъ можно зачастую видѣть, какъ дѣти совсѣмъ босыя бѣгутъ въ столовыя по снѣгу и морозу. Другія же кое-какъ обертываютъ ноги въ разныя тряпки, прикрываются разными лохмотьями, а иногда даже, просто завернувшись въ какую-нибудь грязную рогожку, бѣгутъ въ столовую. Тамъ, гдѣ нѣтъ столовыхъ, дѣти, какъ и взрослые, ѣдятъ только впроголодь, поэтому въ школѣ они скоро утомляются, становятся вялыми и какъ бы сонными.

Затѣмъ населеніе страшно страдаетъ отъ недостатка топлива. Дровъ нѣтъ, солома баснословно вздорожала: *пудъ* стоитъ теперь 50 копеекъ! Это нѣчто неслыханное и небывалое, такъ какъ въ обыкновенное время *возъ* соломы стоитъ 15 копеекъ. Кизяка тоже нѣтъ, потому что лошади и коровы больше чѣмъ на половину распроданы на сторону или прирѣзаны.

Отъ безкормицы лошади обезсилѣли до того, что

буквально едва таскаютъ ноги. Вотъ фактъ: одно сельское общество Ставропольскаго уѣзда, сколотивши послѣднія крохи, купило дровъ въ удѣльномъ лѣсу. Но тутъ опять бѣда: оказалось что не на чемъ вывезти эти дрова, такъ какъ лошади не везутъ. Во многихъ дворахъ и теперь подвѣшиваютъ уже лошадей... Есть села, въ которыхъ число безлошадныхъ домохозяевъ равняется 40%.

Распродается за безцѣнокъ скотъ, распродается на базарахъ всякое имущество: перины, самовары, „лишняя“ одежда, всякій домашній скарбъ—словомъ все, что только можно продать. Въ избахъ—голыя стѣны: все продано или заложено. У нѣкоторыхъ даже лотки для хлѣба проданы.

Особенно ужасающая нужда поражаетъ васъ въ татарскихъ и инородческихъ селахъ—здѣсь уже прямая, ничѣмъ не покрытая нищета и притомъ массовая: въ нѣкоторыхъ селахъ такихъ разоренныхъ домовъ 60, 70 и даже 80%. Здѣсь встрѣчаются не десятки, а сотни людей больныхъ, исхудалыхъ, изнуренныхъ голодомъ.

Встрѣчаются семьи, не ѣвшія по два и по три дня. Нищіе по селамъ и деревнямъ ходятъ цѣлыми толпами, но подающихъ милостыню съ каждымъ днемъ становится все меньше и меньше. Народъ не только голодаетъ, но и разоряется.

Несмотря на все это, мѣстная администрація упорно продолжаетъ стоять на томъ, что голода нѣтъ, а есть лишь „недородъ“. При открытіи губернскаго земскаго собранія г. Кондоиди сказалъ рѣчь, въ которой развязно утверждалъ, что печать раздуваетъ голодъ, что нужда замѣчается лишь въ очень немногихъ мѣстностяхъ губерніи и т. д. Рѣчь эта произвела тяжелое впе-

чатлѣніе на всѣхъ, кто знакомъ съ положеніемъ дѣла въ уѣздахъ, но „Московскія Вѣдомости“ пришли въ восторгъ отъ этой рѣчи и наговорили много комплиментовъ по адресу г-на Кондоиди.

Однако земское собраніе не успѣло еще закрыться (1-го февраля), какъ изъ уѣздовъ начали получаться телеграммы о появленіи цынги, тифа и другихъ „неизбѣжныхъ спутниковъ голода“. И теперь уѣздныя управы, земскіе начальники, врачи, предводители дворянства, уѣздныя попечительства Краснаго Креста—всѣ шлютъ телеграммы о появленіи цынги или тифа то въ томъ, то въ другомъ селѣ или деревнѣ.

Съ особенной силой болѣзни эти проявились въ наиболѣе пострадавшихъ уѣздахъ: въ Ставропольскомъ, Бугульминскомъ, Бугурусланскомъ, Самарскомъ и Новоузенскомъ. Почти въ каждой телеграммѣ указывается, что причиной появленія и распространенія болѣзни является „недостаточное питаніе“. Въ Ставропольскомъ уѣздѣ, напримѣръ, цынга появилась въ слѣдующихъ деревняхъ: въ Филипповкѣ и Моисеевкѣ—100 человѣкъ больныхъ, въ Сентемирахъ—70 человѣкъ, Аллагуловѣ—20 больныхъ, Лабитовѣ и Абдреевѣ—62, въ Мордовскомъ-Озерѣ и Малѣевомъ-Врагѣ—32 и т. д. И, кромѣ того, въ этихъ же самыхъ селахъ, какъ доносятъ врачи,—сотни лицъ „болѣютъ вслѣдствіе недостаточнаго питанія безсиліемъ, малокровіемъ, исхуданіемъ и проч.“.

Какими широкими шагами идетъ эпидемія, можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта. Къ 1-му февраля въ Осиново-Гайской волости, Новоузенскаго уѣзда, было 75 человѣкъ больныхъ цынгой. Прошла только одна недѣля, и количество больныхъ увеличилось почти втрое, а именно—къ 7-му февраля

больныхъ было въ деревнѣ Верхазовкѣ—70, въ дер. Сафаровкѣ—24, въ дер. Алтатѣ—75 и въ Осиновомъ-Гаѣ—50 человѣкъ.

То же самое происходитъ и въ другихъ указанныхъ мною уѣздахъ,—повсюду сотни больныхъ. И это въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль. Что же будетъ къ веснѣ, когда нужда обострится еще болѣе?

Какъ видите, положеніе очень серьезное. Необходимы огромныя средства, чтобы спасти народъ отъ голоданія, отъ болѣзней, отъ полнаго разоренія. Зная ваше глубоко-сердечное отношеніе къ народу, мы не сомнѣваемся, что вы сдѣлаете все возможное для того, чтобы оказать ему посильную помощь.

Кромѣ средствъ, крайне необходимы *люди*, которые бы могли пріѣхать сюда и заняться устройствомъ столовыхъ, общихъ пекаренъ, кухонь и т. п. Затѣмъ необходимы врачи, фельдшера, сестры милосердія. Особенно въ татарскихъ и инородческихъ селахъ ощущается полное отсутствіе людей, которые могли бы принять на себя дѣло организаціи помощи голодающему и болѣющему населенію.

Нашъ кружокъ открылъ столовыя и кухни въ 100 селеніяхъ и кормитъ болѣе 10.000 дѣтей. Если вы дѣйствительно имѣете въ виду прислать намъ деньги, то можете направить ихъ на мое имя (адресъ извѣстенъ почтамту) или же на имя казначея нашего кружка А. С. Медвѣдева. *А. Пругавинъ.*

Г. Самара, 19-го февраля 1899 г.

Помѣщая это письмо, Левъ Николаевичъ предпослалъ ему нѣсколько словъ, при чемъ сообщилъ краткій отчетъ въ тѣхъ денежныхъ пожертвованіяхъ,

которыя были получены имъ для помощи голодающимъ. Перечисливъ полученныя имъ суммы и указавъ то употребленіе, которое онъ сдѣлалъ изъ нихъ согласно волѣ жертвователей, графъ Толстой писалъ:

„Изъ остальныхъ 3.925 руб. посылаю 3.101 руб. самарскому кружку для помощи нуждающимся на имя Ал. Ст. Пругавина. Остающіеся 903 руб., такъ же какъ и нѣкоторыя не полученныя еще съ почты и не вписанныя пожертвованія, направлю или въ Казанскую губернію, изъ которой ожидаю свѣдѣній отъ поѣхавшаго туда знакомаго, или опять же въ самарскій кружокъ.

„Не имѣя возможности самому ѣхать на мѣста, я прошу жертвователей обращаться прямо къ людямъ, занятымъ распредѣленіемъ помощи: кн. С. И. Шаховскому или А. С. Пругавину, письмо котораго ко мнѣ прилагаю. Письмо это уничтожаетъ всякую возможность сомнѣнія о существованіи нужды въ той мѣстности, которая описывается. Нужда должна быть очень тяжелая.

Левъ Толстой.

28 февраля 1899 года.

Со времени этого призыва притокъ пожертвованій какъ въ самарскій частный кружокъ, такъ и лично ко мнѣ чрезвычайно усилился. Благодаря этому мы получили возможность значительно расширить свою дѣятельность и прежде всего открыть много новыхъ столовыхъ для голодающихъ въ мѣстностяхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая.

Затѣмъ откликнулась масса людей, предлагавшихъ свои личныя услуги по оказанію помощи голодающимъ. Къ сожалѣнію, и тутъ мы должны были счи-

таться съ мѣстной администраціей, которая относилась съ крайней подозрительностью ко всякому новому лицу, пріѣзжавшему сюда, чтобы работать здѣсь подъ флагомъ самарскаго частнаго кружка. Особенно сильныя подозрѣнія у мѣстныхъ администраторовъ вызывали студенты и слушательницы разныхъ высшихъ курсовъ.

— И чего эта молодежь лѣзетъ въ деревню? Что имъ тамъ нужно?—съ неудовольствіемъ говорилъ губернаторъ и на всякій случай приказывалъ исправникамъ зорко слѣдить за лицами, работавшими на голодѣ.

И только послѣ того, какъ голодъ обнаружился въ рѣзкихъ и кричащихъ формахъ, когда цынга начала косить народъ тысячами, администрація, видимо испугавшись грозныхъ размѣровъ народнаго бѣдствія, начала, наконецъ, относиться болѣе снисходительно къ ходатайствамъ кружка о разрѣшеніи тому или иному лицу ѣхать въ уѣздъ, чтобы работать на голодѣ.

Но не одна администрація относилась враждебно къ добровольцамъ, безкорыстно работавшимъ на голодѣ. Не менѣе враждебно относились къ нимъ и представители Краснаго Креста, особенно разные ротмистры и поручики гвардейскихъ полковъ. Получая огромные оклады и гонорары и располагая разными „подъемными", „прогонными" и „суточными", эти господа, пріѣхавъ въ Самару спасать населеніе отъ голода, ознаменовали свое пребываніе здѣсь гомерическими кутежами, разгулами и оргіями. Память объ этихъ кутежахъ и оргіяхъ до сихъ поръ еще сохраняется въ Самарѣ. Но объ отношеніи „красно-крестныхъ" къ добровольцамъ, а также о дѣятельности Краснаго Креста на голодѣ—я подробно разскажу въ другомъ мѣстѣ.

V.

Администраторъ-крѣпостникъ.

Отношеніе мѣстной губернской администраціи къ голоду, между прочимъ, весьма ярко обнаружилось при открытіи въ январѣ мѣсяцѣ 1899 года въ г. Самарѣ очередного губернскаго земскаго собранія, которому предстояло еще разъ заняться обсужденіемъ вопроса о продовольствіи населенія и разсмотрѣть ходатайства нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ о новыхъ дополнительныхъ ссудахъ.

Собраніе было открыто рѣчью исправлявшаго должность губернатора самарскаго вице-губернатора В. Г. Кондоиди,—рѣчью, которая, безъ сомнѣнія, надолго останется памятной въ исторіи голодовки 1898—99 гг. Но, прежде чѣмъ говорить объ этой рѣчи, необходимо сказать нѣсколько словъ о личности самарскаго администратора или, точнѣе говоря, о его общественныхъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, поскольку они сказались въ его дѣятельности.

Занимая постъ вице-губернатора, г. Кондоиди состоялъ въ то же время усерднымъ сотрудникомъ „Гражданина" князя Мещерскаго и „Московскихъ Вѣдомостей" г. Грингмута. Въ этихъ почтенныхъ органахъ онъ печаталъ статьи, въ которыхъ громилъ русское земство вообще и самарское въ особенности за ихъ либерализмъ и демократическое

направленіе, особенно ненавистное ему. Не мало доставалось также и „третьему элементу“.

Во многихъ статьяхъ г. Кондоиди весьма не двусмысленно доказывалъ или, точнѣе говоря, доносилъ по начальству о томъ, что самарскіе земцы недостаточно проникнуты вѣрноподданническими чувствами и что въ своихъ постановленіяхъ они нерѣдко идутъ наперекоръ даже высочайшимъ резолюціямъ, не говоря уже о министерскихъ циркулярахъ.

Яростно нападая на земство и всячески стараясь дискредитировать его въ глазахъ общества и особенно правительства, г. Кондоиди въ то же время употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы возвеличить и превознести дворянство. Онъ издавалъ даже брошюры, въ которыхъ доказывалъ, съ одной стороны, огромное государственное значеніе дворянства, а съ другой — настоятельную необходимость широкихъ мѣропріятій для поддержанія пошатнувшагося престижа этого благороднаго сословія путемъ предоставленія ему особыхъ привилегій и всякаго рода льготъ,—хотя бы и на счетъ „меньшого брата“.

Что касается этого послѣдняго, то г. Кандоиди очень не жаловалъ его. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что нашъ мужикъ распущенъ и что поэтому его необходимо сократить, подтянуть и вообще привести къ одному знаменателю. Эту миссію должны были, по его мнѣнію, выполнить гг. земскіе начальники, при помощи и содѣйствіи „института“ урядниковъ и другихъ полицейскихъ чиновъ.

Всякое „народничество“ было особенно ненавистно г. Кондоиди. Сочувственное отношеніе къ народу, крестьянамъ и рабочимъ онъ считалъ вѣрнѣйшимъ признакомъ политической неблагонадежности.

На дѣятельность земства по *народному* образованію, по *народному* здравію и т. д. онъ такъ же смотрѣлъ какъ на проявленія оппозиціоннаго направленія земства. По его мнѣнію, главная, а пожалуй, и единственная задача земства должна состоять въ проведеніи грунтовыхъ дорогъ и въ постройкѣ мостовъ.

Словомъ, это былъ типичный администраторъ „конца вѣка". По вопросу о голодѣ онъ сразу занялъ боевое положеніе. По его мнѣнію, никакого голода, въ сущности, не было, а былъ лишь легкій недородъ. Поэтому никакой помощи народу оказывать не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что такая помощь только развращаетъ народъ, который и безъ того уже деморализованъ и распущенъ до послѣдней степени.

Открывая земское собраніе въ январѣ 1899 года, г. Кондоиди указывалъ гласнымъ „на распространеніе въ обществѣ крайне неосновательныхъ слуховъ" о переживаемомъ населеніемъ Самарской губерніи голодѣ и обращалъ вниманіе гласныхъ „на необходимость съ особою осмотрительностью относиться къ разрѣшенію вопросовъ о продовольственной помощи". При этомъ гласные предостерегались, что „тенденціозное обобщеніе отдѣльныхъ фактовъ можетъ повлечь за собою весьма печальныя послѣдствія". Затѣмъ съ особеннымъ удареніемъ подчеркивалось, что „распространяемые слухи о голодѣ и о послѣдовавшихъ за нимъ болѣзняхъ, помѣщенные между прочимъ и на столбцахъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ, не имѣютъ подъ собою почвы" и не заслуживаютъ никакого довѣрія, такъ какъ всѣ эти слухи крайне преувеличены, и т. д. Хотя далѣе признавалось, что „*мѣстами* дѣйствительно имѣется нужда въ продовольствіи и помощь является неизбѣжной",

но тутъ же высказывалось твердое убѣжденіе, что населеніе Самарской губерніи совсѣмъ „не переживаетъ того остраго періода, который граничилъ бы съ голодомъ“, а потому къ назначенію ссудъ гласные должны относиться съ особою осторожностью, памятуя притомъ, что въ неурожайные годы всѣ вообще крестьяне, какъ неимущіе, такъ и зажиточные, стремятся будто бы къ полученію ссудъ, въ надеждѣ, что впослѣдствіи эти ссуды будутъ съ съ нихъ сложены, и т. д.

Нетрудно представить себѣ то впечатлѣніе, которое произвела эта рѣчь на гласныхъ, только-что пріѣхавшихъ съ самыхъ мѣстъ неурожая и голодовки и бывшихъ очевидцами того, что происходило въ селахъ и деревняхъ. Помню, во время перерыва засѣданія я встрѣтился съ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ гласныхъ, г. Х., пользующимся общимъ уваженіемъ. Крупный землевладѣлецъ, всегда корректный и сдержанный, съ англійской выправкой, теперь онъ былъ взволнованъ и возмущенъ.

— Конечно, — съ горечью говорилъ онъ, — если жить безвыѣздно въ Самарѣ и свои экскурсіи ограничивать прогулками по Дворянской улицѣ, то можно и не знать, что дѣлается въ деревняхъ Бугульминскаго или Ставропольскаго уѣздовъ. Но населенію-то отъ этого, разумѣется, не легче. Повѣрьте мнѣ, что голодовка сдѣлала уже свое дѣло: она какъ нельзя лучше подготовила почву для разныхъ болѣзней, и я убѣжденъ, что къ веснѣ у насъ разовьется страшная цынга... Это неизбѣжно, помяните меня.

Слова эти оказались пророческими; къ сожалѣнію, они оправдались даже скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Едва успѣло закрыться земское собраніе

(1-го февраля), какъ съ разныхъ концовъ губерніи посыпались телеграммы и донесенія, сообщавшія о появленіи цынги или тифа то въ томъ, то въ другомъ селѣ или деревнѣ.

Чтобы избѣжать обвиненій въ голословности, я позволю себѣ привести здѣсь краткую хронику цынги и тифа за одинъ только мѣсяцъ (и то неполный), именно—за февраль 1899 года. Пусть читатель не поскучаетъ пробѣжать этотъ сухой, но въ то же время и глубоко-краснорѣчивый дневникъ.

1-го февраля было установлено, что въ селеніяхъ Осиново-Гайской волости Новоузенскаго уѣзда больныхъ цынгою находилось 75 человѣкъ.

2-го февраля предсѣдатель бугурусланской земской управы г. Брандтъ телеграфировалъ о появленіи тифа въ селѣ Куроѣдовѣ и объ усиленіи той же болѣзни въ селѣ Самодуровкѣ; тифозныхъ больныхъ здѣсь оказалось 20 человѣкъ.

4-го февраля получается новая телеграмма изъ того же Бугуруслана съ сообщеніемъ о появленіи тифа въ деревнѣ Ибряйкинѣ. Здѣсь больныхъ, по свѣдѣніямъ мѣстнаго врача, оказалось 67 человѣкъ. Уѣздная управа усиленно просила ускорить командировкой особаго врача съ отрядомъ.

5-го февраля изъ посада Мелекессъ Ставропольскаго уѣзда отъ земскаго начальника г. Корсака получилась телеграмма, извѣщавшая о появленіи въ селахъ Филипповкѣ и Моисеевкѣ цынги, при чемъ число больныхъ было опредѣлено въ 100 человѣкъ. Въ телеграммѣ указывалось на необходимость немедленной медицинской помощи и денежныхъ средствъ.

7-го февраля получилось извѣстіе, что въ селѣ

Русскомъ-Кандызѣ Бугурусланскаго уѣзда появился брюшной тифъ, которымъ заболѣло 13 человѣкъ.

8-го февраля вслѣдствіе сообщенія пристава 4-го стана Ставропольскаго уѣзда о появленіи цынги въ Мордовомъ-Озерѣ и Малѣевомъ-Врагѣ мѣстный земскій врачъ посѣтилъ эти села, осмотрѣлъ 200 человѣкъ, при чемъ у 32-хъ нашелъ явно выраженную цынгу, а у остальныхъ признаки недостаточнаго питанія. Этотъ осмотръ въ связи съ отсутствіемъ у населенія хлѣба и овощей привелъ врача къ убѣжденію, что цынга неизбѣжно должна принять здѣсь „обширные размѣры“. „Необходима широкая благотворительность,—писалъ врачъ,—необходимо устройство столовыхъ съ выдачею больнымъ свѣжаго мяса, картофеля, капусты, лука и т. п.“.

9-го февраля ставропольская уѣздная земская управа сообщила, что въ селѣ Сентемирахъ обнаружено 70 человѣкъ, больныхъ цынгой, и просила выслать въ уѣздъ врача и двухъ фельдшеровъ.

10-го февраля сдѣлалось извѣстно, что въ селѣ Головинщинѣ Новоузенскаго уѣзда появился сыпной тифъ, которымъ заболѣли, по свѣдѣніямъ врача г. Мясникова, 21 человѣкъ. Сообщая объ этомъ, новоузенскій уѣздный предводитель дворянства г. Путиловъ просилъ „усиленной помощи средствами“.

11-го февраля земскій начальникъ Ставропольскаго уѣзда г. Европеусъ телеграфировалъ, что въ деревнѣ Аллагуловой имъ совмѣстно съ врачомъ обнаружено 20 заболѣваній цынгою.

12-го февраля изъ того же уѣзда земскій начальникъ г. Корсакъ сообщалъ, что въ татарскихъ деревняхъ Лабитово и Абдреево больныхъ цынгою оказалось 62 человѣка. При этомъ г. Корсакъ просилъ прислать

въ с. Филипповку еще двухъ сестеръ милосердія, такъ какъ „присланныхъ ранѣе сестеръ не хватаетъ“.

13-го февраля сдѣлалось извѣстно о результатахъ осмотра, произведеннаго участковымъ врачомъ и земскимъ начальникомъ 1-го участка Самарскаго уѣзда, наиболѣе нуждавшихся крестьянскихъ семействъ въ деревняхъ Новой и Старой-Тюгальбугѣ, при чемъ было найдено 74 человѣка, больныхъ цынгой, „не считая больныхъ съ неопредѣленными признаками недостаточнаго питанія: безсиліемъ, малокровіемъ, исхуданіемъ и проч.“.

14-го февраля было получено извѣстіе, что въ селѣ Самодуровкѣ, Бугурусланскаго уѣзда, число больныхъ брюшнымъ тифомъ возросло до 90 человѣкъ.

15-го февраля земскій врачъ г. Яблонскій сообщалъ, что въ селѣ Сентемирахъ, Ставропольскаго уѣзда, зарегистрировано 110 цынготныхъ больныхъ и два въ деревнѣ Александровкѣ.

16-го февраля бугурусланская земская управа сообщала, что „въ городскомъ медицинскомъ участкѣ въ значительной степени развился тифъ, такъ что этими больными не только переполнено спеціально тифозное отдѣленіе, но и переполнена вся земская больница“. При этомъ уѣздная управа, „принимая во вниманіе, что число больныхъ тифомъ доходитъ до значительной цифры и есть основаніе предполагать, что эпидемія тифа продолжится долгое время въ виду голодовки“, просила помощи со стороны губернской земской управы въ борьбѣ съ эпидеміей.

18-го февраля мѣстное управленіе Краснаго Креста сообщало, что въ татарскихъ деревняхъ Нижнемъ и Верхнемъ-Нурлатахъ, Самарскаго уѣзда, находится больныхъ цынгой болѣе 100 человѣкъ, а

жители деревни Старой-Иглайкиной (чуваши) болѣютъ чесоткой.

19-го февраля земскій врачъ Новоузенскаго уѣзда г. Кильдюшевскій извѣщалъ, что въ деревнѣ Головинщинѣ Верхне-Кушумской волости появился сыпной тифъ; студентъ Флоринскій, ѣздившій туда, зарегистрировалъ 27 человѣкъ больныхъ.

20-го февраля членъ бугурусланской земской управы г. Рычковъ сообщилъ, что въ селѣ Новомъ-Терисѣ оказалось 29 больныхъ цынгою. Для предупрежденія развитія болѣзни просилъ въ помощь участковому врачу прислать студента или врача завѣдывать продовольствіемъ.

24-го февраля земскій врачъ XV медицинскаго участка Самарскаго уѣзда, закончивъ осмотръ селеній, входившихъ въ его участокъ, нашелъ въ нихъ болѣе 270-ти человѣкъ, больныхъ цынгою, а именно: въ Новой-Шанталѣ оказался 1 больной, въ Старой-Кармалѣ—2, въ Моисеевкѣ—19, въ Калмаюрѣ—23, въ Старомъ-Фейзулловѣ—39, въ Новой-Тюгальбугѣ—81 и, наконецъ, въ Старой-Тюгальбугѣ — 111 человѣкъ.

26-го февраля врачъ VI санитарнаго участка Бугурусланскаго уѣзда сообщалъ, что въ амбулаторію села Матвѣевки 15-го февраля были привезены двѣ женщины-татарки, у которыхъ констатирована цынга. Это обстоятельство заставило врача заняться изслѣдованіемъ татарскихъ селъ, входящихъ въ его участокъ: Ново-Якупово, Новый-Терисъ и др. Въ результатѣ изслѣдованія цынга была обнаружена въ шести татарскихъ селахъ, при чемъ число больныхъ было опредѣлено въ 100 человѣкъ, и т. д. и т. д.

Словомъ, почти не проходило ни одного дня, что-

бы изъ той или другой мѣстности губерніи не получилось сообщенія о появленіи цынги или тифа. Особенно сильно росла цынга. То и дѣло открывались новые очаги этой болѣзни. Это былъ настоящій пожаръ, который распространялся съ неимовѣрною быстротой и силой, захватывая все новыя и новыя села и деревни...

Такъ отвѣтила жизнь на рѣчь г-на Кондоиди.

Смутился ли онъ такимъ ужаснымъ отвѣтомъ, ощутилъ ли онъ угрызенія совѣсти,—я не знаю. Но... не дай Богъ никому быть на его мѣстѣ.

О томъ, какъ обыкновенно обнаруживалась цынга на самыхъ первыхъ порахъ своего появленія и какъ она затѣмъ быстро развивалась,—мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

VI.

„Люди пухнутъ".

Сельскій староста деревни Новой Тюгальбуги, Самарскаго уѣзда, явился къ земскому участковому врачу и доложилъ, что у него на селѣ „не благополучно".

— Что такое?—съ тревогой спросилъ врачъ.

— Народъ пухнетъ, ваше благородіе, — многозначительно отвѣчалъ сельскій староста.

— Какъ такъ? Въ чемъ дѣло?—допытывался врачъ.

— Хворь на людяхъ проявилась, — пояснилъ староста,—начали люди пухнуть...

Врачъ догадался о печальной истинѣ, но, желая провѣрить свою догадку, предложилъ старостѣ вопросъ:

— Отчего же пухнетъ народъ?

— Извѣстно отчего, ваше благородіе,—сказалъ староста,—отъ голодухи...

12 февраля врачъ, вмѣстѣ съ земскимъ начальникомъ 1 участка, осмотрѣлъ тѣ семьи, на которыя ему указали какъ на наиболѣе нуждающіяся. Такимъ образомъ былъ произведенъ осмотръ 83 дворовъ въ трехъ сосѣднихъ деревняхъ: въ Новой и Старой Тюгальбугѣ и Новомъ Салаванѣ, при чемъ было найдено 74 человѣка больныхъ цынгой, „не считая больныхъ

съ неопредѣленными признаками недостаточнаго питанія: безсиліемъ, малокровіемъ, исхуданіемъ и проч.“

Сообщая объ этомъ, земскій врачъ писалъ, что въ виду неотложной необходимости въ продовольственной помощи послѣдняя была оказана изъ средствъ общества Краснаго Креста, а именно на каждаго ѣдока тѣхъ семей, въ которыхъ были больные цынгой, въ дополненіе къ земской ссудѣ выдано: по 10 ф. ржаной муки, 5 фунтовъ пшена, 1 фун. луку, 1 фун. соли и на дѣтей до одного года 5 фун. пшена. Независимо отъ этого возбуждено было ходатайство о выдачѣ земской ссуды и на работниковъ.

Тѣмъ не менѣе болѣзнь вскорѣ перешла и въ другія сосѣднія села и деревни, такъ какъ повсюду почва для нея была подготовлена голодомъ.

„Голодъ здѣсь настоящій, со всѣми тяжелыми симптомами и спутниками,—писали врачи.—Ни хлѣба, ни овощей не родилось, поэтому громадная масса населенія питается исключительно земской ссудой, выдаваемою по 35 фунтовъ ржи на не-работника. А такъ какъ никакихъ заработковъ здѣсь нѣтъ, то поэтому земскимъ хлѣбомъ питается вся семья, включая и работниковъ“. Благодаря этому на каждаго ѣдока въ цынготной семьѣ приходилось (по расчету мѣстнаго врача) въ Старой Тюгальбугѣ всего 22 фунта муки въ мѣсяцъ, а въ Старомъ Фейзулловѣ всего 19 фунтовъ. Само собою понятно, что такого количества было крайне недостаточно даже при существованіи другихъ припасовъ.

Вообще земской ссуды хватало лишь на первую половину мѣсяца, во вторую же половину мѣсяца крестьяне,—въ томъ числѣ и цынготные,—начинали питаться „болтушкой“, состоящей изъ муки и про-

кипяченной воды, употребляя хлѣбъ лишь изрѣдка, какъ лакомое кушанье. Врачъ, производившій осмотръ цынготныхъ больныхъ, во многихъ домахъ не могъ найти и куска печенаго хлѣба. Въ одномъ домѣ онъ засталъ врасплохъ двѣ кадушки сушеныхъ жолудей, приготовленныхъ на мельницу. Дѣло въ томъ, что, когда ржаная мука выходила, крестьяне начинали примѣшивать въ хлѣбъ разные суррогаты, въ родѣ жолудевой муки, лебеды, отрубей и т. п.

Врачъ прислалъ въ Самару нѣсколько образцовъ хлѣба съ суррогатами, которымъ питаются крестьяне его участка. „Хлѣбъ" этотъ имѣлъ поистинѣ ужасный видъ: это... какіе-то комки засохшей грязи или кизяка. „Хлѣбъ этотъ,—сообщаетъ врачъ,—при мнѣ съ жадностью ѣли дѣти... Можно ли удивляться, что послѣ такого питанія появляется не одна сотня цынготныхъ и анемичныхъ?"

„Что дѣлать мнѣ съ голодными и что дѣлать вообще въ борьбѣ съ цынгою?" спрашиваетъ затѣмъ врачъ и затѣмъ самъ же даетъ отвѣтъ на свой вопросъ: „Прежде всего,—говоритъ онъ,—необходимо поднять и улучшить питаніе населенія. Необходима самая скорая и широкая помощь! Въ видахъ предупрежденія цынги необходимо выдавать дополнительную ссуду по 10—15 фунтовъ на каждаго ѣдока, не исключая и работниковъ".

„Затѣмъ для борьбы съ цынгою необходимо послать новый санитарный отрядъ во главѣ съ врачомъ, который долженъ быть снабженъ достаточными средствами для оказанія немедленной продовольственной помощи населенію,—необходимо организовать столовыя по возможности во всѣхъ селеніяхъ, пораженныхъ цынгою, устроить временную больницу для

особо тяжелыхъ больныхъ, дать возможность хотя сносно питаться дѣтямъ и подросткамъ, включая сюда и дѣтей школьнаго возраста. Въ тѣхъ же селахъ, гдѣ больныхъ немного и устройство столовыхъ не представляется возможнымъ, необходимо немедленно же выдавать цынготнымъ, кромѣ усиленной ссуды, и цынготный паекъ, состоящій изъ пшена, луку и соли".

Участковый врачъ, не имѣя у себя никакихъ спеціальныхъ средствъ на борьбу съ цынгой, не могъ, разумѣется, оказать больнымъ существенной помощи. Лишь болѣе тяжелымъ больнымъ онъ роздалъ по рублю и полтиннику изъ небольшой суммы, переданной въ его распоряженіе нѣкоторыми благотворителями. Онъ получилъ возможность расширить эту помощь лишь послѣ того, какъ командированный губернскимъ земствомъ санитарный врачъ г. Яблонскій передалъ ему нѣкоторую сумму. Благодаря этому онъ немедленно же приступилъ къ закупкѣ муки и картофеля и къ устройству столовой въ селѣ Тюгальбугѣ. Поспѣшить съ подачей продовольственной помощи было тѣмъ болѣе необходимо, что у многихъ больныхъ цынга приняла уже очень тяжелую форму...

Изъ другихъ медицинскихъ участковъ Самарскаго уѣзда также получались извѣстія о появленіи и развитіи цынги. Такъ, напримѣръ, земскій врачъ 5 участка сообщалъ о появленіи цынги среди чувашскаго населенія въ деревняхъ Елховской волости: Пронейкинѣ, Мулловкѣ и Елховкѣ. Кромѣ цынги, здѣсь было констатировано нѣсколько случаевъ особой болѣзни, извѣстной подъ именемъ куриной слѣпоты.

По объясненію врача, „всѣ эти болѣзни произошли

вслѣдствіе хроническаго недоѣданія больныхъ и вслѣдствіе крайне однообразной пищи, такъ какъ въ нѣкоторыхъ домахъ ѣдятъ исключительно одинъ хлѣбъ: ни капусты, ни молока, ни яицъ нѣтъ и не на что купить. У нѣкоторыхъ изъ осмотрѣнныхъ жителей замѣчались разрыхленіе десенъ, крайняя слабость, истощеніе и малокровіе. Въ виду этого можно ожидать въ будущемъ появленія новыхъ случаевъ заболѣванія цынгой или куриной слѣпотой".

И этотъ врачъ заявлялъ, что „бороться съ цынгой можно только улучшеніемъ питанія и кормленіемъ больныхъ болѣе разнообразной пищей", при чемъ просилъ о возможно скорѣйшемъ открытіи столовыхъ.

Врачъ 2 медицинскаго участка Самарскаго уѣзда также увѣдомлялъ, что въ селеніяхъ его участка обнаружено заболѣваніе цынгой и что въ виду быстраго распространенія этой болѣзни онъ не въ состояніи бороться съ ней сколько-нибудь успѣшно, тѣмъ болѣе, что единственнымъ помощникомъ его является фельдшеръ.

Извѣстія о появленіи и распространеніи цынги въ Ставропольскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ были уже приведены мною ранѣе. Не повторяя здѣсь этихъ извѣстій, замѣчу, что цынга въ названныхъ уѣздахъ разрасталась такъ быстро, что вскорѣ ею были охвачены 20 селеній Ставропольскаго уѣзда.

Что касается тифа, то онъ съ особенной силой свирѣпствовалъ въ Бугурусланскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ. Тифозное отдѣленіе Бугурусланской больницы не только было переполнено этими больными, но ими же переполнена и вся земская больница. Въ виду голодовки было полное основаніе предпо-

лагать, что эпидемія тифа продолжится еще долгое время.

Изъ разныхъ мѣстъ губерніи получались требованія о присылкѣ санитарныхъ отрядовъ, врачей, фельдшеровъ, фельдшерицъ, сестеръ милосердія и т. д. Къ сожалѣнію, какъ земство, такъ и Красный Крестъ встрѣчали большія затрудненія въ прісканіи медицинскаго персонала, особенно врачей и фельдшерицъ.

Вообще къ веснѣ положеніе дѣла представлялось въ высшей степени серьезнымъ. Число селеній, въ которыхъ обнаружены были цынга, тифъ, куриная слѣпота и другія болѣзни, возрастало буквально съ каждымъ днемъ. Бѣдствіе разрослось такъ широко, такъ стихійно, что помощь земства и Краснаго Креста оказывалась уже совершенно недостаточной.

Очевидцы, имѣвшіе случай посѣтить въ это время села, пораженныя цынгой, передавали настоящіе ужасы о томъ, что имъ пришлось тамъ видѣть и наблюдать.

Цынга въ тяжелой формѣ уродуетъ и калѣчитъ человѣка: больные, пораженные тяжелой формой цынги, лишаются зубовъ, совершенно обезсиливаютъ; лицо ихъ распухаетъ до того, что становится не видно глазъ, а тѣло почти сплошь покрывается пролежнями, язвами и кровоподтеками; при отсутствіи помощи и надлежащаго ухода (а какой же уходъ можетъ быть въ смрадной, сырой, грязной и холодной крестьянской избѣ?) они заживо разлагаются и гніютъ... Въ избу, гдѣ лежатъ эти больные, свѣжему человѣку трудно войти: такой невыносимо тяжелый, чисто трупный запахъ идетъ отъ нихъ!..

По вѣрному замѣчанію одного врача, близко наблю-

давшаго развитіе цынги, къ этой болѣзни „безъ преувеличенія примѣнимо выраженіе, что она растетъ не по часамъ“ [1]).

Мы уже указывали, какими гигантскими шагами подвигалась впередъ эпидемія. Въ селѣ Нурлатахъ, Самарскаго уѣзда, 18-го февраля, какъ мы сказали, считалось 100 человѣкъ больныхъ цынгою, а чрезъ двѣ недѣли въ этомъ селѣ было уже 350 больныхъ, въ половинѣ марта—500 человѣкъ и, наконецъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ число только зарегистрированныхъ больныхъ возросло до 900 человѣкъ.

Столь же быстрое увеличеніе числа больныхъ наблюдалось и во многихъ другихъ гнѣздахъ цынги, какъ, напримѣръ, въ Филипповкѣ, Моисеевкѣ и Сентемирахъ, Ставропольскаго уѣзда, въ Тюгальбугахъ, Самарскаго уѣзда, въ селѣ С. Кутлумбетьево, Бугурусланскаго уѣзда, и т. д. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что вслѣдствіе недостаточности врачебнаго персонала во многихъ мѣстностяхъ губерніи дѣйствительные размѣры эпидеміи цынги не могли быть констатированы во всей полнотѣ.

По мѣрѣ того, какъ постепенно возростала нужда среди населенія,—а возростала она вслѣдствіе того, что послѣдніе запасы и сбереженія, оставшіеся у болѣе зажиточной части населенія, истощались все болѣе и болѣе,—цынга быстро росла и усиливалась, захватывая все новые и новые районы. Въ концѣ марта почти весь Ставропольскій уѣздъ, за незна-

---

[1]) „По вопросу объ участіи симбирскаго губернскаго земства въ борьбѣ съ цынгой“. Докладная записка завѣдующаго санитарнымъ бюро П. Ф. Кудрявцева.

чительными оазисами, былъ охваченъ цынгой въ бóльшей или меньшей степени.

Хотя этіологія цынги, какъ мы уже упоминали, до сихъ поръ выяснена далеко еще не вполнѣ, тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что именно голодъ являлся главнымъ этіологическимъ факторомъ въ появленіи и развитіи цынги. Въ этомъ насъ убѣждаютъ единогласныя свидѣтельства всѣхъ врачей, участвовавшихъ въ борьбѣ съ цынгой и голодовкой 1898—1899 гг.

„Эпидемія цынги,—говоритъ докторъ П. Ф. Кудрявцевъ, завѣдывавшій въ то время санитарнымъ бюро симбирскаго губернскаго земства,—развивается не вслѣдствіе случайнаго заноса заразнаго начала, а является результатомъ общихъ условій и причинъ недорода и голодовки“. Столь же категорически высказался по этому поводу завѣдующій санитарнымъ бюро самарскаго губернскаго земства докторъ М. М. Гранъ въ своей рѣчи на Пироговскомъ съѣздѣ въ г. Казани:

„Цынга русской голодной деревни это—не цынга морского судна или тюрьмы,—говорилъ онъ.—Въ русской деревнѣ намъ приходится наблюдать цынготнаго больного въ условіяхъ обыденной его жизни, являющихся причинами его заболѣванія. Наблюденіе цынготнаго больного рѣзко разнится отъ наблюденія всякаго другого больного. Каждый изъ насъ, врачей, наблюдаетъ самыя ужасныя формы болѣзни, но въ силу привычки онѣ уже не угнетаютъ нашей нервной системы, особенно когда этіологія этой ужасной болѣзни случайна. Но, наблюдая цынготнаго больного,—обезсиленнаго, малокровнаго, съ отекшими ногами, съ ужасными кровоподтеками по тѣлу и во

внутреннихъ органахъ, съ изъязвленными, кровоточащими деснами, съ разращеніями во рту, съ изъязвленіями на разныхъ частяхъ тѣла,—вы, опытный врачъ и практикъ, ужасаетесь. Отчего? Только отъ сознанія, что весь ужасный видъ этого больного, всѣ его страданія, вся безпомощность имѣютъ *одну причину—голодъ*".

Вслѣдствіе этого, какъ мы уже говорили, цынга главнымъ образомъ поражала татаръ, которые болѣе всего страдали отъ голода; затѣмъ слѣдовали чуваши и мордва и, наконецъ, менѣе всего болѣло цынгой чисто-русское населеніе. Изъ общаго числа цынготныхъ больныхъ, по опредѣленію нѣкоторыхъ врачей, на долю татаръ падало около 80 процентовъ. Рѣшающую роль въ этомъ отношеніи играетъ, конечно, экономическая необезпеченность татаръ, ихъ малая хозяйственность по сравненію съ русскимъ населеніемъ, ихъ меньшая приспособленность къ земледѣлію и огородничеству, отсутствіе у нихъ овощей, особенно капусты, и проч. Затѣмъ, какъ мы опять-таки указывали, немалую роль въ дѣлѣ распространенія цынги среди татарскаго населенія играютъ бытовыя, этнографическія условія: забитое, приниженное положеніе татарской женщины по корану и обычному праву, ея замкнутый, сидячій образъ жизни, отсутствіе движенія и чистаго воздуха, наконецъ самый составъ пищи, обыкновенно слишкомъ прѣсный и однообразный,—вѣчная „салма" и чай.

Цынга, какъ и голодъ, появляется не вдругъ, не сразу, не внезапно; ей всегда предшествуетъ весьма длинный періодъ постепенно физическаго истощенія, изнуренія, малокровія. „Эпидемія цынги,—писалъ д-ръ Кудрявцевъ,—почти незамѣтно подкрадывается

къ населенію, но затѣмъ, овладѣвши имъ, она сразу проявляется въ видѣ грандіознаго бѣдствія".

Послѣднія слова будутъ вполнѣ понятны, если припомнить, что въ одной Самарской губерніи число цынготныхъ больныхъ въ голодовку 1898—1899 гг. опредѣлялось мѣстнымъ санитарнымъ бюро въ 23.000 человѣкъ, а Краснымъ Крестомъ—въ 29.000. Въ дѣйствительности же общее число больныхъ цынгой въ губерніи было значительно болѣе, такъ какъ весьма многіе больные, раскиданные по глухимъ и отдаленнымъ концамъ губерніи, конечно, не вошли въ эту статистику.

Выяснивъ, насколько то было возможно, роль, которую сыграли въ голодовку 1899 года петербургская бюрократія и самарская администрація, мы должны отмѣтить, что при оцѣнкѣ общественнаго значенія этой эпопеи необходимо имѣть въ виду, что все это совершилось въ министерство г. Горемыкина, который какъ ни какъ все же далеко уступалъ и такому ярому, прямолинейному крѣпостнику, какимъ являлся Д. С. Сипягинъ, и такому свирѣпому жандарму, какимъ былъ В. К. фонъ-Плеве.

VII.

Послѣ голодовки.

Тяжелый годъ пережитъ. Голодовка, цынга, тифъ и прочіе ужасы остались позади. Теперь въ деревняхъ уже не встрѣтите болѣе людей, опухшихъ отъ голода, людей, покрытыхъ кровоподтеками и изъязвленіями отъ недостатка питанія или, точнѣе говоря, отъ недостатка хлѣба.

А какъ велико было число такихъ людей, можно судить по тѣмъ цифрамъ, которыя теперь публикуются мѣстными санитарными органами, вѣдавшими это дѣло. Въ одной Симбирской губерніи больныхъ цынгою было зарегистрировано 27.000 человѣкъ. Въ Самарской губерніи число цынготныхъ больныхъ опредѣлялось Краснымъ Крестомъ въ 29.000, въ Казанской губерніи болѣе 30.000. Столько же, если не больше, ихъ было въ Уфимской губерніи; затѣмъ масса больныхъ цынгою была въ Саратовской губерніи и т. д.

Теперь все это отошло въ область исторіи. Тѣмъ не менѣе бѣдствіе, только-что пережитое, оставило глубокіе, страшные слѣды повсюду, гдѣ оно прошло. Я буду говорить лишь о Самарской губерніи, какъ болѣе мнѣ знакомой.

Правда, непосредственно слѣдовавшій за голодовкой урожай 1900 года былъ необыкновенно обиль-

ный, прекрасный. Но само собою понятно, что этого урожая совершенно недостаточно для того, чтобы покрыть и пополнить тѣ огромныя опустошенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, которыя произведены были голодовкой. Вѣдь нельзя же закрывать глаза на то, что у множества крестьянъ распроданъ за безцѣнокъ или съѣденъ скотъ, начиная съ овецъ и свиней и нерѣдко кончая послѣдней коровой, послѣдней лошадью, распродана птица, заложена одежа, домашняя утварь, запроданы или заложены посѣвы, земля, постройки, запроданъ, и, конечно, также за безцѣнокъ, трудъ, будущій заработокъ. Кое-гдѣ съѣденъ не только скотъ—скормлены крыши...

Съ другой стороны, необходимо помнить, что на крестьянскомъ населеніи Самарской губерніи еще *до* этой голодовки лежала уже подавляющая масса всевозможныхъ недоимокъ, доходящихъ въ общей сложности до колоссальной цифры *двадцати милліоновъ рублей*! Вѣдь всѣ эти недоимки до сихъ поръ не сложены и не разсрочены, а потому и должны подлежать болѣе или менѣе безотлагательному взысканію, независимо отъ обычныхъ годовыхъ повинностей и платежей, лежащихъ на крестьянинѣ.

Наконецъ, необходимо имѣть въ виду, что хорошій урожай въ 1900 году выпалъ на долю не всей губерніи, а именно: изъ семи уѣздовъ два съ половиною—Новоузенскій, Николаевскій и половина Бузулукскаго—снова поражены почти полнымъ неурожаемъ хлѣбовъ. Въ этихъ уѣздахъ встрѣчаются волости, которыя уже *третій годъ подъ рядъ* испытываютъ неурожай. Къ числу такихъ волостей принадлежитъ, напримѣръ, Осиново-Гайская волость, Новоузенскаго уѣзда. Сельскія общества, входящія въ

составъ этой волости, еще въ августѣ мѣсяцѣ возбудили ходатайство предъ мѣстными властями о предоставленіи имъ „средствъ пропитанія въ настоящемъ году, такъ какъ въ виду полнаго неурожая они не могутъ собственными средствами пропитаться этотъ годъ, тѣмъ болѣе что какихъ-либо запасовъ хлѣба нѣтъ ни въ одномъ изъ селеній Осиново-Гайской волости".

По поводу этого ходатайства одинъ изъ мѣстныхъ жителей, заслуживающій полнаго довѣрія, пишетъ слѣдующее:

„Мнѣ на мѣстѣ пришлось убѣдиться въ справедливости заявленій крестьянъ: о какомъ бы то ни было урожаѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи,—хлѣба всѣ повыжжены, какъ озимые, такъ и яровые; съ десятины не намолачиваютъ и одного пуда зерна. Многіе покосили хлѣба на кормъ скоту. Запасовъ хлѣба совершенно нѣтъ, какъ это видно изъ офиціальныхъ источниковъ, имѣющихся у меня въ рукахъ, гдѣ въ графѣ о количествѣ запасовъ общественнаго хлѣба по Осиново-Гайской волости значится, что въ деревняхъ Верхазовкѣ, Сафаровкѣ и Алтатѣ никакихъ запасовъ хлѣба не имѣется, а въ Осиновомъ-Гаѣ имѣется въ запасѣ всего лишь 24 пуда 4 фунта общественнаго хлѣба (это на 427 семействъ!). Но и помимо этихъ офиціальныхъ данныхъ достаточно принять во вниманіе то обстоятельство, что жители Осиново-Гайской волости уже два года получаютъ земскую ссуду (не получавшихъ 5—6 домохозяевъ), чтобы убѣдиться въ отсутствіи здѣсь какихъ-либо запасовъ хлѣба.

„Изъ офиціальныхъ источниковъ видно, что количество безлошадныхъ и не имѣющихъ никакого скота

въ деревняхъ Осиново-Гайской волости выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Количество всѣхъ дворовъ.	Количество безлошадныхъ.	Количество не имѣющ. никак. скота.
Въ дер. Верхазовкѣ	348	150	139
„ „ Алтатѣ	518	232	149
„ „ Сафоровкѣ	317	62	32
„ „ Осинов.-Гаѣ	427	95	31

„Такимъ образомъ количество безлошадныхъ семей въ деревнѣ Верхазовкѣ равняется 43,1%, совершенно не имѣющихъ никакого скота—39,2%; въ деревнѣ Алтатѣ первыхъ 44,8%, вторыхъ 28,8%; въ деревнѣ Сафаровкѣ 19,5% безлошадныхъ и не имѣющихъ никакого скота 10%, и наконецъ въ Осиновомъ-Гаѣ 22,2% безлошадныхъ и 7,2% не имѣющихъ никакого скота.

„Итакъ, запасовъ хлѣба нѣтъ, полный неурожай и больше трети населенія безлошадныхъ или совершенно не имѣющихъ никакого скота. Ко всему этому нужно добавить, что указанный „безлошадный пролетаріатъ“, если можно такъ выразиться, лишенъ въ настоящемъ году всякаго заработка. Въ былые годы въ Новоузенскомъ уѣздѣ стояли хорошія цѣны на рабочія руки въ лѣтнее время, въ послѣдніе же годы рабочая плата здѣсь сильно понизилась благодаря главнымъ образомъ неурожаямъ, а также введенію всѣми крупными экономіями сельскохозяйственныхъ машинъ. Въ настоящемъ году благодаря неурожаю рабочая плата здѣсь страшно упала: нынѣ убирали десятину хлѣба за два—за три рубля“.

По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Осиново-Гайской волости вновь появились уже случаи цынги. Это побудило самарскую губернскую земскую управу не-

медленно же отправить туда эпидемическаго врача г. Сурова, которому поручено организовать тамъ продовольственную и медицинскую помощь. Кстати замѣчу здѣсь, что оставшіеся у меня на рукахъ 214 руб. 52 коп. [1]) отъ пожертвованій, полученныхъ мною отъ разныхъ лицъ и учрежденій, переданы мною г. Сурову.

Такъ отразилась голодовка на экономическомъ положеніи крестьянскаго населенія, на крестьянскомъ хозяйствѣ. Не менѣе печально отразилась она и на физическомъ состояніи народа, на его здоровьѣ.

Вотъ, напримѣръ, что передавалъ мнѣ на-дняхъ только-что вернувшійся въ Самару медикъ г. Крыжановскій, работавшій въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ въ Бугульминскомъ и Ставропольскомъ уѣздахъ:

„Физическое состояніе народа страшно ослаблено и подорвано голодовкой. Повсюду встрѣчается масса крестьянъ, страдающихъ истощеніемъ и малокровіемъ, жалующихся на головокруженіе, шумъ въ ушахъ, общую слабость и недомоганіе. Почти въ каждомъ селѣ я натыкался на множество случаевъ заразныхъ заболѣваній: въ одномъ селѣ—дизентерія или кровавый поносъ, въ другомъ—инфлюэнца съ тяжелыми формами, напоминающими тифозныя, въ третьемъ—дифтеритъ или скарлатина, въ четвертомъ—брюшной тифъ и т. д.

„Повсюду множество больныхъ хроническими, тяжелыми катаррами желудка. Масса страдающихъ

---

[1]) См. послѣдній отчетъ мой, опубликованный въ газетахъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1899 года.

затяжной маляріей съ сильными и упорными головными болями; эти боли такъ нестерпимы, что прямо отравляютъ жизнь. „Жизнь опостылѣла,—жалуются больные,—жизнь стала въ тягость". Я уже не говорю о сифилисѣ, получившемъ огромное распространеніе среди сельскаго населенія, и о трахомѣ, составляющей настоящій бичъ инородческаго населенія.

„Во время моихъ разъѣздовъ по селамъ мнѣ нерѣдко приходилось принимать сразу по 100 и болѣе человѣкъ больныхъ. Напримѣръ, въ селѣ Хмѣлевкѣ, Ставропольскаго уѣзда, еще недавно мнѣ пришлось принять 104 больныхъ, для подробнаго осмотра и выслушиванія которыхъ потребовалось цѣлыхъ два дня; въ теченіе всего этого времени больные въ ожиданіи очереди терпѣливо дежурили на дворѣ и въ сѣняхъ избы, въ которой происходилъ пріемъ.

„Дѣти почти всѣ, за рѣдкими исключеніями, больны золотухой, чесоткой, гнойнымъ воспаленіемъ глазъ, коклюшемъ, англійской болѣзнью, кишечными катаррами, поносами... Не успѣешь пріѣхать въ деревню, какъ бабы со всѣхъ сторонъ тащутъ больныхъ дѣтей, умоляя помочь, полѣчить. „Молоко даете дѣтямъ?" спрашиваешь ихъ и каждый разъ получаешь всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Коровушки нѣту родимый".—„Что же даете дѣтямъ?"—„Кашку, хлѣбецъ". И дѣйствительно, вы постоянно видите дѣтей, крошекъ 8—10-ти мѣсяцевъ отъ роду, которыя сосутъ соску изъ чернаго кислаго хлѣба. Теперь хоть кашка появилась у крестьянъ, такъ какъ просо родилось, а ранѣе, въ теченіе весны и лѣта, и каши не было. Послѣ этого, конечно, неудивительно, что смертность среди дѣтей, особенно въ болѣе раннемъ возрастѣ, даетъ огромный процентъ.

„Всѣхъ больныхъ, которые приходятъ ко мнѣ, я всегда спрашиваю, не болѣли ли они цынгой въ теченіе зимы или весны, и почти всегда получаю утвердительный отвѣтъ... Этотъ фактъ какъ нельзя опредѣленнѣе указываетъ на главную причину той необыкновенной болѣзненности, которая наблюдается теперь среди сельскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Самарской губерніи. Причина эта лежитъ въ той страшной голодовкѣ, которую только-что пережили эти уѣзды".

Земскій врачъ А. Н. Кряжимскій, жившій въ то время въ с. Степной-Шанталѣ, Самарскаго уѣзда, сообщалъ, что въ его участкѣ и теперь еще (въ октябрѣ 1899 г.) встрѣчаются больные крестьяне, перенесшіе ту или иную тяжелую форму цынги и до сихъ поръ не вполнѣ оправившіеся. Особенно трудно поддаются лѣченію тѣ больные, у которыхъ цынга выразилась въ некрозѣ, т.-е. омертвѣніи десенъ и челюстей, а также въ контрактурѣ, или сведеніи ногъ. Большинство этого рода больныхъ на всю жизнь останется калѣками.

Болѣзни, нужда, обнищаніе—все это идетъ рядомъ съ темнотой, съ невѣжествомъ современной деревни. Послушайте, что́ разсказываютъ на эту тему лица, работавшія на голодовкѣ въ поволжскихъ губерніяхъ.

Женщина-врачъ г-жа Пушкина, работавшая вмѣстѣ съ княжной Васильчиковой въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, между прочимъ писала оттуда одной своей знакомой: „Мнѣ приходится видѣть здѣсь огромныя селенія *края совсѣмъ дикаго*: всѣ неграмотны; „первый богачъ" говоритъ, что не училъ своего сына, чтобы тотъ не выходилъ изъ повиновенія"... А между

тѣмъ Бугурусланскій уѣздъ по числу училищъ считается здѣсь еще однимъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ.

А вотъ что передавала намъ одна интеллигентная дѣвушка, г-жа Лепоринская [1]), фельдшерица, работавшая отъ самарскаго частнаго кружка въ Бугульминскомъ уѣздѣ:

„Я жила въ Мордовской-Кармалкѣ; это—большая деревня, въ которой около 1.200 человѣкъ жителей. По бумагамъ почти всѣ они считаются христіанами, но на самомъ дѣлѣ добрая половина изъ нихъ *до сихъ поръ остается настоящими язычниками*. Во время засухи мнѣ приходилось слышать такія заявленія: „Оттого у насъ и дождя нѣтъ, что мы старую вѣру (т.-е. язычество) оставили... старыхъ боговъ (т.-е. идоловъ) плохо почитаемъ...“

„Такъ какъ засуха продолжалась, то поэтому съ цѣлью умилостивить „боговъ“ рѣшено было устроить жертвоприношеніе, которое и состоялось по обыкновенію въ лѣсу, при чемъ были зарѣзаны гусь и баранъ. Затѣмъ варили пиво. Главную, руководящую роль при этомъ игралъ особый „жрецъ“. Ранѣе мнѣ случайно пришлось быть въ этихъ самыхъ мѣстахъ. Это было давно, лѣтъ 15 назадъ. И вотъ теперь, снова попавши сюда, я съ грустью должна была убѣдиться, что всѣ эти 15 лѣтъ прошли совершенно безслѣдно для жителей этихъ деревень, какъ ранѣе прошли многіе десятки, а можетъ быть и сотни, лѣтъ: ни въ чемъ никакихъ признаковъ прогресса, ни одного шага впередъ. Точно всѣ эти деревни за-

---

[1]) Г-жа Лепоринская пріѣхала въ Самару на голодъ съ письмомъ отъ графа Л. Н. Толстого, который рекомендовалъ ее съ самой хорошей стороны.

стыли, замерли, закоченѣли... Правда, въ Мордовской-Кармалкѣ есть, или, точнѣе говоря, числится церковно-приходская школа, но, къ сожалѣнію, она рѣшительно ничего не даетъ населенію.

„— Почему же такъ?—спросилъ я.

„Главнымъ образомъ это зависитъ отъ личности учителя. Представьте себѣ: въ деревню съ чисто мордовскимъ населеніемъ назначили учителя-чувашина и притомъ плохо грамотнаго. Понятно, что при этихъ условіяхъ школа ровно ничего не даетъ населенію, не вноситъ ни одной искры сознанія. Когда я пріѣхала въ Кармалку, меня сочли за ворожею изъ Москвы... Больные повалили ко мнѣ со всѣхъ сторонъ. Ежедневно до 11-ти часовъ вечера у меня были больные. Среди нихъ огромный процентъ страдающихъ глазными болѣзнями. Зачастую отъ меня, какъ отъ ворожеи, требовали невозможнаго. Прямо ждали какихъ-то чудесъ. Напримѣръ, просили и умоляли дать имъ снадобья для слѣпорожденныхъ и т. д. Только одинъ „жрецъ“ наотрѣзъ отказался отъ всякой помощи, отъ всякаго пособія. Ни отъ земства, ни отъ Краснаго Креста, ни отъ частнаго кружка онъ не захотѣлъ взять ни одной копейки, ни одного зерна, хотя, видимо, терпѣлъ страшную нужду“.

Вообще разсказовъ, рисующихъ глубокую народную темноту, царящую въ степной деревнѣ, мнѣ приходилось слышать цѣлую массу отъ лицъ, побывавшихъ „на голодѣ“... Да и откуда появиться свѣту въ этихъ глухихъ деревняхъ? Не изъ этой ли школы—тѣсной, грязной, обдѣленной учебниками, лишенной всякой библіотеки? Не отъ этого ли учителя—жалкаго, забитаго, чуть-чуть грамотнаго, трепещущаго

предъ множествомъ всякаго начальства, надзирающаго за нимъ? Не отъ этого ли пастыря духовнаго, давно забывшаго скудную семинарскую премудрость и съ головой ушедшаго въ погоню за хлѣбомъ насущнымъ? А вѣдь другой интеллигенціи наша степная деревня не знаетъ, не видитъ около себя, если не считать, конечно, станового да урядника съ нагайкой. Только въ годину тяжелаго бѣдствія, поразившаго Поволжье, нашъ народъ вдругъ увидѣлъ какихъ-то новыхъ людей, которые неизвѣстно откуда пришли къ нему, чтобы предложить свои услуги, свою помощь.

Русское интеллигентное общество, какъ извѣстно, отнеслось съ несомнѣннымъ сочувствіемъ къ голодающимъ. Пожертвованія деньгами и вещами стекались со всѣхъ сторонъ. Одинъ нашъ самарскій частный кружокъ успѣлъ собрать болѣе 270.000 рублей. Независимо отъ этого, сотни лицъ изъ разныхъ слоевъ общества явились на мѣста, пораженныя голодовкой, явились съ горячимъ желаніемъ помочь народу. Они поселялись въ деревняхъ и селахъ, наиболѣе потерпѣвшихъ отъ неурожая, устраивали столовыя, открывали больнички, ясли, „дома трудолюбія“, кормили дѣтей, стариковъ и старухъ, лѣчили больныхъ, ухаживали за ними, раздавали неимущимъ бѣлье, платье, обувь, ситецъ, холстъ, помогали выкупать вещи, заложенныя бѣдняками, выдавали деньги погорѣльцамъ, покупали лошадей и коровъ, давали сѣмена для посѣвовъ и т. д.

Сколько вниманія и любви, сколько трогательной заботливости вдругъ и неожиданно вылилось на это населеніе, нерѣдко состоящее изъ инородцевъ, въ родѣ татаръ, чувашъ, мордвы, башкиръ и другихъ

„пасынковъ Россіи“, которые до тѣхъ поръ видѣли со стороны русскихъ лишь одно стремленіе такъ или иначе „сорвать“ съ нихъ возможно больше...

Да, въ этотъ тяжелый годъ нашъ народъ могъ воочію убѣдиться, что у него дѣйствительно есть искренніе друзья, готовые многимъ пожертвовать для него, что среди холодныхъ и равнодушныхъ жителей большихъ, далекихъ отъ него городовъ есть много людей, горячо принимающихъ къ сердцу его горе, его нужды. Но вотъ благодаря подоспѣвшему урожаю мрачный призракъ голода исчезъ, и вмѣстѣ съ нимъ тотчасъ же исчезли изъ деревни всѣ столовыя, больнички, ясли и „дома трудолюбія“, оставлены всѣ попытки завести общественныя работы, и всѣ тѣ лица, которыя работали и трудились надъ всѣмъ этимъ, покинули деревню.

Съ глубокой любовью проводилъ ихъ народъ. Прощанье было трогательное, сердечное съ обѣихъ сторонъ. Уѣхали эти добрыя, ласковыя барышни и барыни, такъ заботливо входившія во всѣ нужды мужицкой семьи. Уѣхали эти бодрые студенты-медики, которые такъ внимательно выслушивали каждаго больного, слѣдили за его поправленіемъ, которые по первому зову и днемъ, и ночью шли всюду, гдѣ только требовалась какая-нибудь помощь. Всѣ они уѣхали, и деревня снова осталась одинокой, безпомощной, покинутой, забытой, съ массой неудовлетворенныхъ, давно назрѣвшихъ, вопіющихъ нуждъ и потребностей.

Конечно, само собою понятно, что не усиліями отдѣльныхъ частныхъ лицъ или разныхъ кружковъ возможно удовлетворить всѣ эти безчисленныя нужды и потребности. Чтобы предупредить возможность

голодовокъ, чтобы остановить прогрессивное и массовое обнищанiе народа, чтобы спасти крестьянское населенiе отъ явнаго и окончательнаго разоренiя, чтобы разсѣять тотъ мракъ, въ который погружена наша деревня,—для этого необходима совмѣстная и систематическая дѣятельность государства, земства и общества, необходимы крупныя и радикальныя реформы, необходимо устраненiе тѣхъ причинъ, которыя главнымъ образомъ вызываютъ и поддерживаютъ печальныя явленiя, отмѣченныя нами въ этихъ очеркахъ.

Но если то или иное направленiе дѣятельности государства и отчасти земства не зависитъ отъ насъ, зато самодѣятельность общества находится въ прямой связи, въ прямомъ соотношенiи съ личными усилiями и энергiей всѣхъ насъ. Въ виду этого нельзя не пожелать, чтобы общество ближе подошло къ деревнѣ, тѣснѣе сблизилось съ народомъ. Вообще необходимо пожелать побольше вниманiя и сочувствiя къ народу и деревнѣ со стороны интеллигентной и привилегированной части русскаго общества. Необходимо пожелать, чтобы это вниманiе, это сочувствiе не носило характера какихъ-то вспышекъ, не ограничивалось бы моментами какихъ-нибудь страшныхъ бѣдствiй, въ родѣ голодовокъ, эпидемiй и т. п., но было бы болѣе постоянно, устойчиво и организовано.

Я не могу не выразить здѣсь пожеланiя, чтобы тѣ сотни лицъ, которыя работали въ селахъ и деревняхъ во время послѣдней голодовки, сохранили свои связи съ той деревней, съ тѣмъ народомъ, которымъ они отдавали столько силъ, чтобы они не прерывали сношенiй, завязавшихся у нихъ съ этимъ населенiемъ, чтобы они не забывали о тѣхъ вопiющихъ нуждахъ,

которыми страдаетъ современная деревня и въ существованіи которыхъ они лично и воочію убѣдились, чтобы они по мѣрѣ силъ своихъ не переставали заботиться и способствовать возможному удовлетворенію этихъ нуждъ, этихъ потребностей...

Неужели же для того, чтобы пробудить наши симпатіи, чтобы вызвать въ насъ желаніе помочь народу, чтобы подвинуть насъ на активную дѣятельность, необходимо, чтобы народъ началъ пухнуть отъ голода, началъ гнить отъ цынги, вымирать отъ тифа?..

Но само собою понятно, что указанная нами дѣятельность въ народѣ будетъ возможна лишь послѣ коренного измѣненія нашего государственнаго политическаго строя.

До сихъ поръ мы все брали и тянули изъ деревни, все, что только она могла дать, высасывали изъ нея послѣдніе соки, не замѣчая и не желая замѣчать, что деревня давно уже разорена, что крестьянство съ каждымъ годомъ нищаетъ все болѣе и болѣе. Измельчавшіе до послѣдней степени земельные надѣлы давно уже не въ состояніи обезпечить мужику даже того minimum'а количества хлѣба, которое необходимо для прокормленія его семьи до новаго урожая.

И вотъ голодовки становятся все чаще и чаще, поражая крестьянство то въ томъ, то въ другомъ концѣ Россіи. Голодаетъ Поволжье, голодаютъ сѣверныя губерніи, голодаетъ югъ, голодаетъ Новороссія, голодаютъ центральныя, подмосковныя губерніи. Каждое десятилѣтіе непремѣнно приноситъ съ собою двѣ-три голодовки. Чрезъ каждые два-три года непремѣнно гдѣ-нибудь неурожай, а гдѣ неурожай, тамъ и голодовка...

Шли годы, проходили десятки лѣтъ, мѣнялись министры и руководители нашей внутренней политики, мѣнялись временщики, но общій характеръ этой политики по отношенію къ нуждамъ и интересамъ крестьянства оставался все тотъ же. Всѣ самыя важныя, самыя кровныя нужды народа и крестьянства не только не удовлетворялись, но, наоборотъ, систематически игнорировались.

И до сихъ поръ крестьянство остается безъ земли, безъ правъ, безъ образованія. Это то самое крестьянство, которое на своихъ плечахъ держитъ русское государство и на средства котораго живутъ арміи чиновниковъ, арміи солдатъ, офицеры, помѣщики, дворяне, духовенство, монахи . . . .

Такъ дольше продолжаться не можетъ.

Обновленіе Россіи прежде всего должно начаться съ экономическаго, правового и культурнаго возрожденія трудящейся народной массы, т.-е. нашего крестьянства. Въ этихъ видахъ прежде всего долженъ получить разрѣшеніе самый важный и самый назрѣвшій вопросъ русскаго крестьянства—аграрный. Онъ долженъ быть рѣшенъ согласно желаніямъ и требованіямъ народа или, точнѣе говоря, крестьянства, составляющаго 80 процентовъ населенія Россіи. А эти желанія, эти требованія извѣстны всѣмъ, кто только прислушивался къ голосамъ, идущимъ изъ народа. . . . .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ автора 5

Поѣздка по голоднымъ и цынготнымъ мѣстамъ.

I. Наканунѣ Пасхи 11
II. На Волгѣ 17
III. Въ Ставрополѣ 22
IV. У доктора Хлѣбникова 30
V. Жертвы голода 36
VI. Голодающее село.—Первыя впечатлѣнія.—Сестры милосердія 44
VII. Голодъ во всемъ его ужасѣ. 55
VIII. Студенты на голодѣ 69
IX. Студентъ изъ Краснаго Креста 79
X. Дѣтскія столовыя. 87
XI. Эпидемическій врачъ 96
XII. Голодающіе татары 106
XIII. Необыкновенная дѣвушка 117
XIV. Печать, цензура и голодъ 131

Отчего голодали самарскіе крестьяне?

I. Земскія ходатайства и бюрократія 137
II. Вопли о хлѣбѣ.—Крестьянскія слезницы.—Суррогаты . 150
III. Право кормить голодныхъ 160
IV. Письмо къ графу Л. Н. Толстому 168
V. Администраторъ-крѣпостникъ 178
VI. „Люди пухнутъ“. 187
VII. Послѣ голодовки. 197

